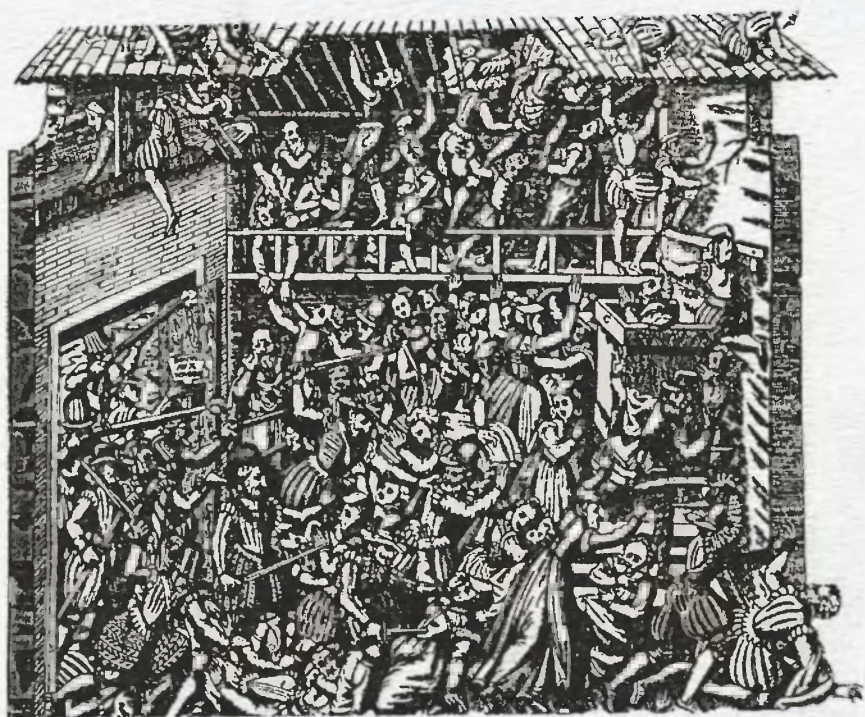

Из истории социальных конфликтов и народных движений

в средневековой Европе

*Светлой памяти
Евгении Владимировны
Гутновой
посвящается*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
И НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ**

Москва 2001

Редколлегия: Л.Т. Мильская, И.С. Пичугина,
А.А. Сванидзе

Рецензенты:

кандидат исторических наук – М.В. Винокурова

кандидат исторических наук – С.Л. Плешкова

И Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. – М. Изд-во Института всеобщей истории РАН, 2001. – 186 с.

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей отражает характер и особенности проявления социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. Его проблематика неизменно находится в центре внимания современной историографии. Ряд статей дают новое теоретическое осмысление широко известных конфликтов и народных движений и их идеологии или освещают забытые, малоизвестные или вовсе неизвестные выступления различных социальных слоев. В других дается нетрадиционное прочтение источников или привлекаются новые материалы.

Географический охват публикуемых статей достаточно широк – от Англии до Византии и от Скандинавии до Италии.

Большое внимание в сборнике уделено проблемам историографии, новым методикам исследования.

ISBN

Б-94067-034-2

0503010000-11

И

45 ж (03)-2001

без объявл.

© Коллектив авторов, 2001

© ИВИ РАН, 2001

© Н.В. Розанова, оформление, 2001

От редакции

Настоящий сборник – скромная дань памяти о ярком ученом и незаурядном человеке, талантливом медиевисте-исследователе и заботливом педагоге, неугомонной труженице Евгении Владимировне Гутновой (1914–1992). Доктор исторических наук, профессор, заместитель ответственного редактора ежегодника "Средние века", член нескольких ученых советов, различных научных бюро, комиссий, оргкомитетов и редколлегий, Е.В.Гутнова оставила обширное наследие в виде монографий, статей, очерков, учебников и коллективных трудов, а также многих учеников, которым открыла двери в науку и неистово помогала на ее тернистом пути. Евгения Владимировна трудилась буквально до последних дней жизни, а ее наследие продолжает пополняться и сегодня. В 1995 году вышел тематический сборник "Из истории европейского парламентаризма: Великобритания" (М., ИВИ РАН), где Евгения Владимировна является ответственным редактором и автором вводной статьи "Первые столетия английского парламента". В 2000 году завершилась публикация коллективного труда "Город в средневековой цивилизации Западной Европы" (М., "Наука"), в четвертом томе которого важное место заняли подготовленные Евгенией Владимировной главы "Город, бюргерство и феодальная монархия" и "Города и сословные собрания". В том же году успешно защитила кандидатскую диссертацию последняя ученица профессора Гутновой: преподаватель Калужского университета Н.О.Майорова, которая продолжила изучение парламентской истории средневековой Англии.

Предлагаемый сборник также был инициирован Евгенией Владимировной, которая незадолго до своей кончины организовала "круглый стол" по проблемам народных движений и их идеологии в средневековой Западной Ев-

роле. К десятой годовщине кончины Евгении Владимировны мы постарались по мере возможности и с учетом современных требований науки реализовать ее замысел.

Крупные общественные конфликты, в частности народные движения, как и особенности массового сознания, с ними так или иначе связанные, всегда занимали Е.В.Гутнову. И сегодня эти проблемы, традиционные для московской школы медиевистов, являются важной частью социально-политической истории и неизменно остаются на переднем плане интересов международного сообщества историков.

Открывшиеся в последние два десятилетия возможности способствовали увлечению историей культуры. Прежде всего духовной, ранее доступной российским ученым лишь в строгих рамках "дозволенного", что зачастую делало такого рода исследования почти запретными для серьезных исследователей. Ныне эти запреты – лишь тяжкое воспоминание. Но история культуры не может развиваться вне связи с другими областями исторической науки, прежде всего с исследованиями общих проблем социальной истории. В отечественной историографии социальная история сегодня также сбросила догматические шоры, ушли в прошлое ограничительные стандарты, необходимость подчиняться жестким схемам и единым методикам. Но остается неизменным главный принцип историка – высокая планка научности, последовательным и строгим хранителем которой была Евгения Владимировна.

Социальная история сегодня, как нам представляется, находится в плодотворном поиске, начинает свои новые свершения. Социальные конфликты и движения – неотъемлемая часть истории общества на всех уровнях, вплоть до самых элементарных. И осмысление их – необходимая составляющая исторической науки, в том числе медиевистики – которая постепенно придает этой традиционной дисциплине новые аспекты.

История – это наука об обществе людей и о человеке в обществе – которая в меру сил, разумения, условий стре-

мится преодолеть общественные неустройства, беды и несправедливость, стремится к достойной жизни. Но общественные противоречия неизбежно приводят к многообразным конфликтам между социальными стратами и внутри них, между различными общностями людей и отдельными личностями. Хотя и считается, что история в конечном счете "ничему не учит", но опыт показывает, что не учится у нее тот, кто глух к науке. На самом деле прошлое связано с повседневностью гораздо теснее, чем это представляется на первый, тем болес – безразличный или поверхностный – взгляд.

Возможно, в будущем, в среде новых поколений, возникнут новые формы самоутверждения человека – менее болезненные и более осмысленные. Но для этого полезно знать и помнить о "старых", на протяжении тысячелетий бытовавших способах социального протеста, их месте и значении в истории.

* * *

О трудах и жизни Е.В.Гутновой (а также списки ее опубликованных работ) см. в статьях: Сванидзе А.А. Актуальные проблемы медисвистики в трудах Е.В.Гутновой // Средние века. Вып.47 М., 1984; Она же. Евгения Владимировна Гутнова (1914–1992) // Портреты историков: время и судьбы. Т.2: Всеобщая история. Отв. ред. Г.Н.Свистьянов, Л.П.Маринович, Л.Т.Мильская. М.–Иерусалим, 2000.

Социальные конфликты в Западной Европе в раннее средневековье

Исследование разнообразных проявлений и форм социальной борьбы — одна из важнейших задач исторической науки. Пристальное внимание к этому кругу вопросов проявляют и медиевисты. Лучше всего в этой сфере исследованы крестьянские восстания эпохи развитого феодализма, традиция изучения которых в русской историографии заложена еще классическими трудами Д.М.Петрушевского и В.К.Пискорского¹. В отечественной историографии последних десятилетий наиболее яркое выражение эта тема нашла в обобщающей работе Е.В.Гутновой "Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе" (М., 1984).

Проблемы истории социальной борьбы на ранних этапах феодализации, когда классовые грани еще не отличаются отчетливостью и резко обозначены лишь крайние полюсы социальной структуры общества, представляют не меньший интерес для историка, нежели ее зрелые формы. Наибольший вклад в разработку этих проблем применительно к эпохе раннего средневековья внесли А.И. Неусынов и А.Р. Корсунский². Определенный итог немногочисленным исследованиям в этой области подведен в "Истории крестьянства"³.

Несомненно, эпохи раннего средневековья особую остроту приобретают все еще неразрешенный вопрос дефиниции — охват терминологии. "Что мы понимаем под определенными социальными явлениями?" Каковы понятие и формы социальной борьбы в раннее средневековье? Чем они

отличаются от проявлений классовой борьбы в подлинном смысле? Однозначного ответа на эти вопросы пока еще нет.

Формы социальных движений и конфликтов богаты и разнообразны; своего выражения они достигали, выливаясь в восстания. Однако восстания в раннее средневековье (например, налоговые бунты при Меровингах, крестьянские восстания против франкского господства в Тюрингии (вторая половина VI в.), восстание "Стеллинга" в Саксонии и др.) редки, обычно имеют узко локальный характер, отличаются сложной социальной природой, ибо выступления крестьян (вернее — свободных общинников или зависимых и несвободных людей) переплетаются с усобицами враждующих групп знати, нередко принимают национальную (в условном понимании этого определения) окраску, субъективно развиваются в формах борьбы против феодализации, за возврат к прошлому.

Но редко выливаясь в подлинные восстания, в раннее средневековье шла постоянная социальная борьба, которая проявлялась в следующих формах: бегство сервов, особенно распространенное в романских странах; многочисленные судебные тяжбы по поводу социального статуса, когда сравнительно недавно попавшие в рабскую (или менее тяжкую) зависимость люди пытаются правовым путем вернуть себе свободу: как правило, это — индивидуальные акты протеста, но иногда они могли приобретать характер массовых выступлений (как это было, например, в Эльзасе в VIII в., где известны волнения сервов, по видимому, недавно явивших в зависимость⁴); постоянная непрекращающаяся борьба за общинные угодья, которые постепенно захватывают феодалы, крупные и мелкие; локальные столкновения сельского населения с крупной вотчиной в отдельных поселениях — ярким примером подобного столкновения служит драматическая история борьбы всего населения каталонской деревни Вимбоди с цистерцианским монастырем Поблет, который пытался согнать земледельцев с их наделов. Конфликт обострился до вооруженного столкновения с кровопролитием; завершился

он компромиссом: земли остались в руках их прежних владельцев, но уже в качестве держаний от монастыря⁵

Особый интерес для историка представляют акты повседневного феодального насилия, зафиксированные в локальных источниках. Они ярко рисуют ту атмосферу постоянной угрозы со стороны вооруженных potentatov, в которой крестьянское население было вынуждено поддерживать свое существование.

Данные источников свидетельствуют о фактах разорения возделанных крестьянами земель, о настоятельной необходимости для сельского населения искать защиту у одних феодалов против других. При этом здесь следует говорить скорее не о социальной борьбе, а именно о социальных конфликтах, ибо крестьянин не имел возможности бороться с феодалом, когда он сталкивался с ним не как член какой-либо социальной общности, а один на один. Крестьяне остро ощущали необходимость социальной защиты, ибо отсутствие таковой создавало постоянную потенциальную и реальную опасность. Так, крестьянин мог покинуть возделанную им землю, хотя его никто с нее не изгонял, лишь потому, что "некому было защитить его"⁶ Особенно богаты свидетельства о фактах повседневного феодального насилия грамоты каталонских монастырей: они говорят о "многих злодеяниях" светских феодалов, разрушении отдельных мансов и целых поселений, о ранах, нанесенных крестьянам, их убийствах⁷ Эти сведения попадали в монастырские картулярии лишь потому, что затрагивали имущественные интересы монастыря, который в стремлении восстановить свои доходы вставал на защиту связанных с ним теми или иными узами крестьян. В действительности таких актов феодального насилия было несравненно больше и власть государства не могла достаточно эффективно оградить потерпевших от произвола феодалов. Даже богатые и сильные монастыри по 20 лет терпели нарушение своих прав и потерю доходов⁸

Разнообразные проявления социальной борьбы и социальных конфликтов можно рассматривать как спонтан-

ный, имманентно присущий процессу становления и развития феодализма феномен, не всегда проявляющийся в определенных формах социальных движений, служащий как бы постоянным социальным фоном, на котором эти движения разворачиваются. Социальные конфликты и становление феодального строя — явления, тесно связанные.

Проявления антифеодальной борьбы в раннефеодальном обществе с его еще незавершенными процессами классового образования и отсутствием замкнутых сословий сложны и противоречивы. Однако, при всей специфике раннефеодального периода он не может быть резко ограничен от периода развитого феодализма, ранние стадии которого еще длительно несут на себе следы институтов, прав и отношений раннефеодального общества. Нам представляется, что историческая наука, в частности медиевистика, в известной мере страдает от абсолютизации членения на стадии и периоды развития, от хронологической разорванности. Часто процессы, происходившие в период развитого феодализма, анализируются в полном отрыве от предыдущего развития, их подготовившего. При построении определенного ряда стадий и периодов возникают цезуры — особенно это касается переходных периодов, в частности перехода от раннего средневековья к классическому или развитому средневековью. Этих цезур не было в реальной действительности. Это касается и проблем социальных конфликтов, в особенности процесса борьбы за общинные угодья, пользование лесом, лесными угодьями.

Источники раннего средневековья полны свидетельств о жестокой борьбе за альменду, которая уже в VIII в. была в значительной мере в руках вотчинников. Вопреки широко распространенному мнению многих исследователей, община возникает отнюдь не в XII в., конкретные данные источников показывают следы ее существования и ожесточенной борьбы за пользование общинными угодьями в значительно более ранний период. При этом права общинников вовсе не были аморфными, они создавали оп-

ределенные возможности сопротивления, иногда достаточно активного. Возникает вопрос, следует ли говорить здесь о резком переломе, новых качественных изменениях по сравнению с процессами, протекавшими в эпоху раннего средневековья⁹. Не преувеличено ли качественное своеобразие этих процессов для XI—XII вв. по сравнению с более ранним периодом?

Очень важно дальнейшее развитие самой методики исследования социальных движений эпохи раннего средневековья и переходных стадий к развитому феодализму. Факты, прямо или косвенно освещающие те или иные проявления социальной борьбы, как правило, единичны и разбросанны, разрозненны — это создаст специфические трудности не только в их выявлении, но и в деле социологических обобщений и конструирования типологии социальных конфликтов и социальных движений. Поэтому здесь чрезвычайно велико значение локальных исследований.

Для понимания природы социальных конфликтов раннего средневековья важны также исследования роли государственной власти и ее социальной политики, оценка объективной значимости стремлений законодательства, в частности законодательства Каролингов, к известному социальному "равновесию" (таковы, например, попытки защитить бедных от вымогательств, от лишения детей наследства и т.п.). Этому противостоят запреты каролингских капитуляриев крестьянам носить оружие¹⁰, что и демонстрирует социальную природу раннефеодального государства в условиях глубокой и относительно быстро развивающейся феодализации общества.

Однако сопротивление формирующегося как класс крестьянства во всех его многообразных формах заставляло в определенных пределах упорядочивать процесс феодализации общества. Исследование конкретной повседневной деятельности государственной власти и ее агентов во всей противоречивости и, как это часто бывало, беспомощности — одна из настоятельных задач средневековедения.

Примечания

Иструшевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. Изд. 4-е. М., 1937; Пискорский В.К. Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев, 1901.

Исусыхин А.И. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI–IX вв.) // Из истории социально-политических идей: к 75-летию акад. В.П.Волгина. М., 1955; Он же. Крестьянские движения в Саксонии в IX–XI вв. – В кн. Ежегодник германской истории. 1973. М., 1974; Он же. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956 и др.; Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Он же. Готская Испания. М., 1969; Он же. Религиозный протест в эпоху раннего средневековья в западной Европе. — Средние века, 1981, вып. 44; Корсунский А.Р. Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.

¹ Гутнова Е.В., Репина Л.П. Социальная борьба крестьянства. — В кн. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. М., 1985.

² *Regesta Alsaciae aevi Merovingici et Carolingici. I. Quellenband.* Bearb. und hrsg. von A. Bruckner. Strasburg, Zürich. 1949. N 334 (774–789 гг.): "...cum aliqua turbatio fuit inter Alamannos et Alsacenses, multi de illa mancipia, qui iure sancti ill. debentur de parte ill. et de proprio servitio evaserint et modo se aliqui ingenuos esse dicunt..."

³ См. Мильская Л.Т. Очерки из истории деревни в Каталонии X–XII вв. М., 1962. Гл. IV, 2.

Cartulari de Poblet. Barcelona, 1938, N 53: "...dimissit illam culturam quia non erat qui defenderet eum, sed non dixit se expulsus fuisse"

⁴ *Cartulario de "Sant Cugat" del Valles.* Ed. J. Rius Serra. Vol. 1–3. Barcelona, 1945–1947, N 864, 913, 1252, 1344 etc. (de multis malis... destruxit tres mansos et eiecit inde homines et feminas, qui ibi manebant..., destruxerat totam villam ipsius castri et cremaverit in eodem castro multas domos... cum morte et plagis hominum...)

⁵ SCugat, N 1252: "...et quia illi mansi erant destructi amisit domus S. Cucuphatis illa servitia... per aspatium XX. annorum..."

⁶ См. Серовайский Я.Д. Борьба французских крестьян против феодального освоения лесов в X–XIII вв. — Средние века, 1980, вып. 43. Ср. Epperlein S. Volksbewegungen in frühmittelalterlichen Europa. Eine

Skizze//Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der
vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. B., 1975: Idem.
Herrschaft und Volk im karolingischen Imperium: Studien über
soziale Konflikte und dogmatisch-politische Kontroversen im
fränkischen Reich B., 1969.

¹⁰ Capitularia regum Francorum. Ed.A.Boretius. Hannoverae, 1881, Cap.
67. C.1, 158, C.5 etc.

Антивизантийское восстание в Равенне в 710–711 гг.

Восстание равеннцев против власти византийского императора Юстиниана II в 710–711 гг. до сих пор не подвергалось специальному анализу. Оно рассматривалось лишь в общих работах по истории византийской Италии как один из эпизодов борьбы италийцев против владычества империи. В таком ракурсе восстание в Равенне трактуется в известных исследованиях Ш. Дилля, О. Бертолини, А. Гийу и др.¹ В самом деле, история византийской Италии в VII–VIII вв. пестрит свидетельствами о вооруженных сепаратистских выступлениях, которые следует воспринимать как внешние проявления следующей основной закономерности развития региона: византийские области Северной и Средней Италии развивались в экономическом и культурном отношении как органическая часть самой Италии, а не Византии. Византийское господство, по существу, являлось господством иноземной державы и в таком качестве постепенно осознавалось населением страны. Этот процесс стимулировался изменениями в самой империи, ее превращением из империи Восточно-Римской, сохранявшей элементы универсальности не только в политических притязаниях, но и в реальной политической практике, в греческое в своей основе государство, для которого Италия становилась заморской колонией². Названные явления вполне логично привели в конечном счете к падению византийской власти в Северной и Средней Италии (к сер. VIII в.). Равеннское восстание, действительно, было одним из звеньев в этой цепи. Однако оно обладает своей ярко выраженной спецификой и заслуживает особого рассмотрения.

Прелюдией к равеннскому восстанию стало низложение в Константинополе императора Юстиниана II в 695 г., а затем — его восстановление на престоле в 705-м. В первое десятилетие своего правления (685-695 гг.) Юстиниан решительно осуществлял централизаторскую политику не лишенную разумности, но делал это крайне террористическими методами. Многочисленные репрессии и казни представителей знати вызвали резкую оппозицию в кругах высшего столичного чиновничества и придворных. В их среде возник заговор, приведший к государственному перевороту. Юстиниан лишился трона, ему отрезали уши и нос и изуродованного выслали в Крым, в фему Херсон³. В его низложении участвовали какие-то равенны. По словам равеннского хрониста Агнелла, "императору отрезали нос и уши его воины вместе с некоторыми гражданами Равенны"⁴. Известно, что спустя несколько лет Юстиниан заявлял по этому поводу: "Этот народ — мои враги, ибо они коварно отрезали мне нос и уши"⁵. Одним из равеннцев — участников заговора мы знаем по имени. Это — Иоанниций, представитель старинного рода местных нобилей, служивший в молодости нотариусом у равеннского экзарха и проявивший в этом качестве исключительные способности и образованность. За это его вскоре пересели в Константинополь, в императорскую канцелярию, где он также стал играть видную роль. По словам Агнелла, "*inter primates eum habuit*", т.е. "держал его среди первых лиц"⁶. Видимо, "первых" в столичном бюрократическом аппарате⁶. Тем не менее, Иоанниций принял участие в заговоре против Юстиниана. Вероятно, он не был единственным равеннцем среди столичных заговорщиков, — сам Юстиниан говорит о них во множественном числе. В то же время, вряд ли можно признать это достаточным основанием для враждебности императора ко всему населению города Равенны "этот народ — мои враги!" Причины такого отношения Юстиниана II к равеннцам лежат глубже.

Как уже говорилось, сепаратистские, антивизантийские традиции политического поведения итальянцев к концу

VII в. были достаточно глубокими. Роль лидеров Италии в борьбе с империей чаще всего брали на себя римские папы, что не в последнюю очередь обусловило перманентное увеличение их политического влияния. Население Равенны — столицы византийских владений, города, имевшего более прочные, чем Рим, связи с Константинополем, сильно эллинизованного — обычно играло в этой борьбе подчиненную роль. Однако когда в 692 г. римский папа Сергий I отказался подписать решения Трулльского церковного собора, и император Юстиниан II издал приказ об его аресте, осуществить данное намерение ему помешало войско Равенны и Пентаполя — "*Ravennatis militae ducatus etiam Pentapolitani*"⁷, представлявшее собой к этому времени своеобразное ополчение городских собственников — *possessores*. Воины защитили папу и лишь по его просьбе отказались от намерения убить императорского посланца протоспафария Захария. Таким образом, наиболее активный в политическом отношении общественный слой населения Равенны — вооруженные городские собственники "

"*exercitus*" или "*militia*" — откровенно продемонстрировали свою нелояльность по отношению к императору. Именно это имел в виду Юстиниан, когда в будущем называл равеннцев своими врагами. Но равеннцев спасло от наказания низложение василевса, и в связи с этим можно высказать предположение: не было ли обусловлено участие в заговоре Иоанниция и других выходцев из Равенны тем, что уже тогда Юстиниан II готовил карательный поход против их родного города? Возможен и иной вариант: заговорщики из Равенны преследовали те же сепаратистские цели, что и их соотечественники на родине, но добивались их другими средствами; в их представлении новый, более слабый и мягкий василевс должен был оказаться более удобным, и менее опасным для развития автономистических, а в перспективе и освободительных тенденций в обществе византийской Италии.

Так или иначе, в 695 г. на престол взошел император Леонтий, и Равенна получила десятилетнюю передышку

В 705 г Юстиниан II бежал из Херсона, после серии заключений добрался до Болгарии и, при поддержке хана Тервеля, с болгарским войском вступил в Константинополь. Началось его второе правление, девизом которого стало сакраментальное высказывание императора, брошенное им на пути в Болгарию во время страшного шторма: "Пусть потопит меня Бог на этом месте, если пощажу кого-нибудь из моих врагов!"⁸ Столица и провинции были залиты кровью противников царя. Дошла очередь и до Равенны.

В 710 г стратигу Сицилии патрикию Феодору было предписано отправиться в Равенну с целью наказания виновных⁹. Корабли Феодора причалили к берегу вблизи города, и стратиг, как ни в чем не бывало, пригласил в гости знатных горожан ("nobiles", "maiores natu"). Среди них были равеннский архиепископ Феликс и известный нам Иоанниций. Обстоятельства возвращения последнего в Равенну неизвестны, но можно предположить, что он уехал из Константинополя в момент осуществленного Юстинианом переворота, опасаясь репрессий. Феодор устроил пир в шатрах на берегу. На завтра он вновь пригласил к себе городскую знать, на этот раз — непосредственно на корабль. По два человека поднимались равеннские нобили на борт; здесь их хватали воины Феодора и связанными, с кляпами во рту бросали в трюм. Вся операция была проведена настолько четко, что оставшиеся на суше равеннцы так ничего и не заподозрили, пока корабли Феодора неожиданно не отчалили от берега. Впрочем, заподозрить коварство было тем труднее, что часть воинов Феодора также не взойшла на корабли. Теперь, когда суда отплыли, эти люди бросились к городским стенам, поднялись на них и зажгли город, метая сверху горящие предметы. Началась паника. Каратели спустились в город, учинили в нем резню, разграбили дома захваченных нобилей, а так — имущество церкви. В парализованном страхом городе никто не оказал им сопротивления. Награбленное имуще-

стно погрузили на возвратившиеся корабли и взяли курс на Константинополь¹⁰

В столице равеннские пленники были вскоре казнены, за исключением епископа Феликса. В уважение к его архиепископскому достоинству ему сохранили жизнь, но подвергли ослеплению традиционным византийским способом: вода перед глазами раскаленную металлическую пластинку¹¹. Особый счет был у императора к Иоанницию. Когда Иоанниций был приведен к Юстиниану, тот издевательски спросил: "Точно ли это Иоанниций, бывший писец?" Получив утвердительный ответ, Юстиниан велел забить ему под ногти тростниковые гвозди и заставить что-либо написать. Принесли письменные приборы. Но не чернилами, а своєю кровью стал писать Иоанниций. Он написал обращение к Богу с просьбой защитить его от кровавого тирана, а написав, швырнул пергамент в лицо мучителю со словами: "Получи, негодяй, и обожрись моей кровью!" ("Accipe, iniquissime, et satia te sanguine meo"). Вбешенный император приказал раздавить Иоанниция между двумя мельничными жерновами¹². Такова была судьба пленных жителей Равенны.

Между тем, в самой Равенне люди находились в тягостном ожидании, ничего не зная об участии пленников. Вероятно, здесь еще теплилась надежда на то, что набег стратига Феодора был следствием его собственной злой воли. Но в течение нескольких месяцев в город не заходил ни один корабль из Константинополя. Это настораживало. Установили наблюдение за морем. Наконец, в устье По случайно зашел какой-то корабль. Равеннцы захватили на берегу капитана и нескольких матросов этого судна и узнали от них о том, что произошло с их земляками в Константинополе.

Все иллюзии рассеялись. Тут же на главной площади открылось стихийное собрание горожан, осознавших, что карательная акция не была случайной, и можно ожидать ее повторения. "Равеннцы выбрали своим предводителем-дуксом Георгия, сына вышеуказанного Иоанниция, отли-

чавшегося мудростью в словах, прозорливостью в советах, правдивостью в беседах и паделснного всеми возможными добродетелями" Георгий получил, по сути дела, диктаторскую власть: как говорит Агнелл, "...все присягнули (*devoverant se*) на верность его распоряжениям; каждый, кто его не слушался, карался" Он обратился к согражданам, призвав их вберечь город от "змеи, приплывшей сюда морем из Византии, яд которой мы все уже испробовали" В своей речи Георгий изложил программу обороны города, которую затем и реализовал на практике. Было призвано для охраны городской цитадели и стен население равеннских пригородов-субурбиев. В расположенные вблизи Равенны крепости (*castra*) были направлены отряды из числа наиболее молодых воинов. В союзе с равеннами выступили жители более мелких городов Равеннского экзархата: Болоньи, Форли, Форлиμποполи, Червии. Сарсины и др. Патрулировать побережье были направлены *coloni decumani* (т.е. церковные колонны, платившие ренту из расчета 0,1 части урожая). Население активно вооружалось, ковалось оружие, шились шатры. Духовенство призывало небесное благословение на головы защитников Равенны. Георгий, говорится в источнике, "разделил население города на 11 частей, двенадцатую же оставил церкви. Каждый воин выступал в своем войске и полку (*numerus*), а именно: Равеннский первый, второй, Новый, Непобедимый, Константинопольский, Могучий, Блистательный, Миланский, Веронский, Классисский, а также часть, состоящая из священников и клириков невысокого достоинства и рода, а кроме того из слуг и других зависимых от церкви лиц"¹³ Иными словами, Георгий провел в городе широкомасштабную военную реформу. Он взял за основу традиционную итало-византийскую военную структуру: полки (*bandi, numeri*), сведенные в войско (*exercitus, militia*)¹⁴ Некоторые из полков (Миланский, Веронский, Блистательный) имелись здесь и в прежнее время. Видимо, они были просто включены в новое войско. Старый Равеннский *numerus* был расширен и состав-

или два новых: Равеннский первый и Равеннский второй. Появилось несколько новых полков. Сообщение источника о том, что Георгий разделил на полки "весь народ", а также создание специального формирования из клириков, заставляет думать, что ополчение было практически всеобщим. То, что духовные лица не составили свой полк — *bandus*, а названы неопределенно — "часть" ("*pars*"), убеждает во временном характере этой меры. По-видимому, только верхушка духовенства, "церковная знать" ("двенадцатая часть") избежала мобилизации. Вместе с прочими мероприятиями Георгия реформа ополчения позволила создать эффективную систему обороны города и области.

Вскоре ей пришлось выдержать определенное испытание. Римская "Книга понтификов" сообщает под следующим, 711 годом, что в Равенне был убит экзарх Иоанн Риккон. В момент восстания он находился в Неаполе, где встречался с римским папой Константином — давним политическим противником равеннского архиепископа Феликса. Отсюда через Рим он отправился в Равенну, видимо, — с тем, чтобы покарать мятежников, но "за тяжкие грехи свои, по воле божьей, принял здесь мучительнейшую смерть"¹⁵. Созданная Георгием система обороны продемонстрировала свою надежность.

Что происходило в Равенне после этого, к сожалению, неизвестно. Если Юстиниан II и намревался послать войско против инсургентов, то не успел этого сделать. В декабре 711 г очередной переворот в Константинополе навсегда прервал его политическую карьеру, а вместе с ней и жизнь. Новый василевс Вардан-Филиппик, стремившийся укрепиться на престоле, был заинтересован в компромиссном урегулировании конфликтов с подданными на местах. В Равенну вернулся из столицы слепой архиепископ Феликс. Равеннской церкви возвратили все имущество, вывезенное стратигом Феодором, дополнительно пожертвовали многочисленные и богатые дары¹⁶. Есть основания думать, что местная архиепископия восстановила в

эти дни свою автокефальность¹⁷ На внутривизантийской арене Вардан-Филиппик пытался выступать как мститель за преступления Юстиниана II. Стремясь дать выход возмущению италийцев, новый император отослал в Италию на поругание голову ненавистного тирана¹⁸ В таких условиях равеннское восстание иссякло само собой. Вскоре (не позднее 713 г.) Равенна вновь приняла византийского экзарха.

Как следует оценивать равеннское восстание 710—711 гг.? Несомненно, оно вполне вписывается в череду антивизантийских выступлений в Италии. Однако для него характерны и свои, оригинальные черты. Предшествующие ему антиимператорские выступления либо представляли собой мятежи полководцев, мечтавших воспользоваться настроениями италийцев и отложить от Византии ее владения, либо вдохновлялись и руководились римскими папами. Здесь, в Равенне, мы имеем дело со спонтанным антивизантийским выступлением народа во главе с местными руководителями. Соответственно, если движущей силой предшествующих выступлений было военизированное сословие городских собственников — войско-*"exercitus"* и некоторые церковные круги (в Риме), то в Равенне, впервые в истории византийской Италии, мы видим перед собой всенародное выступление. Это единственный социальный взрыв в рассматриваемом ряду, который мы с полным основанием именуем восстанием, а не мятежом или схизмой. Руководящую роль в нем сыграла местная знать и те же городские поссессоры. Но участие в восстании приняло практически все население города, и не только города, но и прилегающей сельской округи. Упоминание в этой связи зависимого сельского населения-колонов — вообще уникально для византийской Италии. Впервые повстанцы нашли себе союзников в лице жителей других городов региона. По сути дела, движение охватило целую область. Впервые горожане сами избрали себе вождя — *"дукса"* — опыт, который в 726 г. повторят в Равенно (будущей Венеции), а затем и других городов Италии¹⁹ Наконец, впервые италийцы самостоя-

тельно создали новую действенную систему военной самозащиты. Агнелл пишет, что военная организация, введенная Георгием, существует "вплоть до сегодня" (написано в 40-е гг IX века)²⁰ В сущности, военная реформа Георгия заложила основы военно-организационной структуры, характерной для Равенны и в IX, и в XI вв. Именно она была противопоставлена Византии в дальнейшем, в конце 20-х годов VIII в., когда Равеннский экзархат временно добился фактической независимости от империи.

Как следует оценить равеннское восстание 710—711 гг. с точки зрения его направленности, его задач и целей? Мы не вправе назвать его классовым выступлением: субъективно оно не было направлено против социального гнета и не являлось движением эксплуатируемого большинства. Однако это было широкое общественное движение, демократическое по составу участников. В нем сыграли свою роль и угнетенные массы населения, даже лично зависимые (колоны), которые несли на своих плечах основную тяжесть императорского налогообложения и, выступая против имперской власти, объективно протестовали против классового притеснения со стороны феодализирующегося византийского государства. Следует различать субъективные и объективные аспекты и при оценке политических целей восстания. Оно было спровоцировано карательной акцией одного императора и закончилось с приходом к власти другого. Достигнутое в ходе него социальное единение стало возможным потому, что над каждым жителем города нависла опасность физической гибели. В этом плане необходимо признать, что восстание 710—711 гг. было направлено против конкретного императора и по конкретному поводу. Однако оно являлось элементом серии антивизантийских выступлений, расшатывающих систему господства греков на Апеннинах. И понимание сущности происходящего стало уже доступно современникам. Показательны в этом смысле слова Георгия о "византийской змее"; показательно и то, что Агнелл, описывая восстание, именует византийцев "данайцами" и

"пеласгами", подчеркивая тем самым, что они — внешняя, чуждая для Италии сила, экзотические и враждебные пришельцы²¹ Участие в восстании 710–711 гг. позволило равеннцам приобрести социальный опыт, ценный в свете будущей борьбы за независимость Италии. Он нашел применение в 728 г., когда у стен Равенны жители города разгромили войско стратига Сицилии²²

Восстание в Равенне в 710–711 гг. является одним из крупнейших в эпоху раннего средневековья выступлений широких народных масс, направленным на решение прогрессивной исторической задачи: освобождения родины от иноземного господства

Примечания

¹ См.: Diehl Ch. Études sur l'administration dans l'exarchate de Ravenne (568–751). P., 1888. P. 361–362; Bertolini O. Roma di fronte a Bisanzio e ai longobardi. Bologna, 1941. P.414–416; Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'empire Byzantin au VIIe siècle. L'exemple de l'exarchate et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1969. P. 216–218.

Следует оговориться, что здесь не имеется в виду Юг Италии (Апулия, Калабрия и Сицилия). В VI–VIII вв. это — совершенно особая зона, с преимущественно греческим населением и собственной исторической судьбой. См.: Gay J. Italie Méridionale et l'Empire Byzantin. Depuis l'avènement de Basile Ier jusqu'à la prise de Bari par les Normands (867–1071). P., 1904. P. 3–16.

³ См. рассказ об этом в "Хронографии" Феофана: Theophanis Chronographia. Rec. C. de Boor. Lpz., 1883. T.I. P.367–369.

⁴ Agnelli qui et Andreas Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatus. Ed. O. Holder-Egger//MGII. Scriptores rerum Langobardicarum et italicarum. Saec. VI–IX. Hannoverae, 1878. P.367

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem. P.357.

⁷ MGII Gestorum pontificum romanorum. B., 1898. Vol.I. P. 212.

⁸ Theoph. Chron. P. 373.

⁹ Agnellus. P. 367 Здесь стратиг не назван по имени. Его имя известно из римской "Книги понтификов". Gestorum pontificum romanorum... P. 222.

¹⁰ Agnellus. P. 368, 371–372 Gestorum pontificum romanorum ... P. 222.

¹¹ Agnellus. P. 369.

Iuden. P. 370–371. См. об Иоаннии: Hartmann L.M. *Johannicius von Ravenna*//Festschrift T. Gomperz. Wien, 1902. S. 319–323.

Весь рассказ у Агнелла: Agnellus. P. 360–370.

¹ См. Бородин О.Р. Эволюция войска в византийской Италии в VI–VIII вв. (воспитно-организационный аспект)//Византийский временник. 46. 1986. С. 124–138.

Gestorum pontificum romanorum... P. 223.

Agnellus. P. 371–372.

¹⁷ Simonini A. *Autocefalia ed esarcato in Italia*. Ravenna, 1969. P. 125.

¹⁸ Agnellus P. 371. См. также: S. Nicephori patriarchae Constantinopolitani *Breviarum*. Bonnae, 1837. P. 53.

Diehl Ch. *La république de Venise*. P., 1967. P. 36.

Agnellus. P. 370. Об Агнелле см.: Бородин О.Р. Итальянский историк IX в. Агнелл из Равенны и его мировоззрение//Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 49–66.

¹⁹ Agnellus. P. 369–371.

²⁰ Agnellus P. 377.

**Государственная власть графа и
политическое поведение горожан
в средневековом Провансе
(по анкетам XIII в.)**

Южнофранцузское графство Прованс относилось в XIII в. к тем регионам западноевропейского мира, где шел активный процесс формирования подлинного, в духе римского публичного права, территориального государства с суверенной властью правителя. В середине XIII в. этот процесс ускорился и одновременно осложнился в условиях смены графской династии (Барселонской на Анжуйскую) и переориентации на французский вариант политического развития. Давние традиции престижности публичной власти графов в Провансе, которых долго воспринимали как преемников Гийома Освободителя (от арабов в конце X в.), пограничное и независимое положение графства в Империи (с начала XI в.) с покровительством императора, обладание графами королевским титулом (при Альфонсе I в 1166–1196 гг.) – арагонским, а с 1265 г. при Карле Анжуйском – сицилийским и после Вечерни – неаполитанским) несомненно повлияли на утверждение в Провансе сильной графской власти монархического характера, с претензией на авторитет (*auctoritas*) и могущество (*potestas*), господство (*dominium*) и верховенство (*imperium*). Но основой этих претензий стала успешная экспансия и колонизация в северо-восточных районах графства и территориально-административная система, созданная при последних Барселонцах; в этом процессе особую важную роль "канцлера" Раймона-Беренгара V (1215–1136) – Ромея де Вильнев. Создание государства и определение власти графа как территориального князя было связано также с рецепцией римского права и внедрением его прин-

ципов публично-территориального верховенства. Строительство нового государства осуществлялось легистами, которые в XIII в. "наводнили Прованс" (в понимании лидера баронской оппозиции Анжуйцам и известного трубадура Бертрана де Кастеляна) и на основе римского публичного права стремились доказать, что "графам принадлежит все". Однако "имперские притязания" графов и реализация их приказов преданными им знатоками римского права вызывала не только острые политико-правовые дискуссии теологов, юристов и трубадуров, но и массовое недовольство вольных баронов и независимых городов-республик, которое в условиях "антиклерикализма" и "ненависти к французам" в средиземноморском Лангедоке превратилось в сильную и длительную оппозицию всеобъемлющей власти новых "чужих" и "жестоких" правителей – Капетингов (Карл I Анжу и новый граф Тулузы Альфонс Пуатье были братьями французского короля Людовика IX и воспринимались как проводники политики Капетингов на Юге¹

Одним из важных средств государственной политики Анжуйцев в Провансе, наряду с конфискациями, изгнаниями и казнями мятежников, стали "анкеты" (опросы, описи, допросы, расследования) – тщательное выявление всех форм графской власти и владений, как признанных, так и узурпированных, зафиксированных "обычаями" и "забытых", а также не менее скрупулезное и целенаправленное выявление политического настроения – "общественного мнения" о власти и личности графа, деятельности и облике его служащих. Две наиболее ценные анкеты Прованса – изданная анкета Карла I от 1252 г. и опубликованная лишь в небольших отрывках анкета Карла II от 1289-1290 гг.² – использованы в данной работе для исследования "образа" власти в средневековом графстве на разных общественных уровнях, с особым вниманием к "гласу народа" в городах, главным образом крупных, как наиболее реальных соперников графа в борьбе за власть или противников подчинения. Домениальная анкета 1252 г. была составлена вскоре после победы Карла I над

унией крупнейших городов Прованса – Арля, Авиньона и Марселя, впервые в своей истории объединившихся для борьбы с графом, и подчинения первых двух (Марсель продолжал сопротивление до 1262 г. и не был включен в опись, как и некоторые баронские сеньории на севере графства); опись составлялась под сильным давлением графа и в большей мере отражала намерения его комиссаров, чем представления о государственной власти в графстве и городах. Административная анкета 1289–1290 гг. была составлена через пять лет после смерти Карла I – для выявления недовольства политическим режимом, административной системой и деятельностью графских служащих.

В анкете 1252 г. зафиксированы владения графа – селения, земли и иное имущество; его права государя-территориального правителя и господина-сеньора; все виды доходов – поступлений в казну в денежной и натуральной форме; зависимые люди графа с их держаниями и повинностями. Анкетирование проводилось образованными юристами и преданными графу служащими во главе с его прокурором путем опроса всех или наиболее осведомленных жителей местности – "лучших", "почтенных", "честных и благочестивых", "мудрых и опытных", по возможности с привлечением сохранившихся актов. Цели "государственной политики", профессиональная образованность и преданность графу следователей-персписчиков переплелись с памятью, жизненными заботами, психологическим состоянием и политическими настроениями приглашенных для опроса или допроса провансальцев. Совокупность всех этих пластов культуры отражена в образе графской власти над территорией, землями и людьми.

750 параграфов описи объединены в 12 разделов в соответствии с административным делением графства. В графском домене ("под властью графа") переписано около 540 селений; в городских областях зафиксировано 40% из них. Отчетливое признание и определение графской власти зафиксировано лишь в 80% селений. Определение графской власти отражено в десяти терминах; государст-

истоящая власть графа названа "верховным господством" (*plenus dominium, imperium, superitas* и близкие им по смыслу), частно-сеньориальная власть обозначена как господство и собственное владение (*dominium, proprium dominium* и т.п.). Немногие селения признаны держаниями от графа или его совладениями с другими сеньорами. Более половины всех селений, включенных в опись, и почти 2/3 с обозначенным типом власти признали графский публично-территориальный суверенитет. Доля государственных селений в городских областях – по 50-60% в Арле, Авиньоне и Эксе, но всего 25% в Ницце и, напротив, почти 85% в Грассе. Власть графа-сеньора оказалась зафиксированной лишь в 1/3 селений, и Анжуйцы продолжали утверждаться в Провансе, как и их предшественники, прежде всего как наследники "старинной публичной власти" и имперских регалий. Города были подвластны графу неодинаково: для Ниццы и Авиньона тип графской власти не указан, а Грасс, Арль и Экс (старинная и новая столицы графства) записаны как "собственные" города графа (*totum dominium*, "город господина графа", "его собственный город"). Конец коммунальных свобод и консульского режима в Ницце и Грассе в 20-е годы XIII в., а в Арле и Авиньоне накануне анкетирования, понимались и признавались горожанами неоднозначно, более сложно, чем альтернатива свободы и подчинения.

Сложность политической ситуации и плюрализм в ее оценке отражен и в сведениях анкеты о правах графа. Выражением публичной власти графа были названы такие верховные права как кавалькада [воинская повинность], альберг [право постоя], талья ["квиса" по-провансальски], "юстиция" – совокупность судебных прав и разные дорожные пошлины. Кавалькада была признана в 3/4 селений, без резких различий по округам, но со значительным преобладанием денежных кавалькад (минимум 40%) и повсеместным указанием денежных эквивалентов для личной военной службы. Города Арль, Авиньон и Экс, судя по анкете, не были обязаны графу военным сбо-

ром, в Ницце была записана как обязанность горожан личная кавалькада; в Грассе и Тарасконе – нефиксированные и произвольные. Военная власть графа распространялась по всей территории Прованса, но была более выраженной на востоке, в "долине" и сельской местности, чем на западе, в "горах" и в городе. Суверенные – регальные – альберги графа были зафиксированы в 2/3 селений, и все они оплачивались деньгами, главным образом в виде общинного фиксированного налога, а в новых землях – в виде поочажного сбора – по 12 денариев. В городских областях доля селений с альбергами варьировала от 35 до 70%, причем в западных городах – Арле, Авиньоне и Тарасконе, как и в столице – Эксе – он не взимался, а восточные Ницца и Грасс были обложены с каждого очага.

"Генеральная" талья взималась в 80% селений, но различие между крайними показателями – от 30-40% в областях Арля и Авиньона до 95% в Гландеве и Грассе – очень существенно. Среди городских областей только Грасс выделялся очень широким охватом селений тальей, в остальных она была распространена меньше, чем в сельской местности. Судебная власть графа-государя была выражена термином "юстиция" ею было охвачено 3/4 селений. Города Арль, Авиньон, Экс и Тараскон не были подчинены графской "юстиции" (так же, как не были обложены государственными кавалькадой, альбергом и тальей графа); Ницца и Грасс, как и Фрежюс, Ванс, Динь и Сен-Максимен были обязаны графу тальей и подчинялись его "юстиции". В городских областях востока судебная власть графа охватывала от двух третей до 90% селений, в округах Арля и Экса – до 50%, а в Авиньоне – всего 25% селений. Структура высшей власти графа включала различные доходные пошлины и монополии как воплощение верховного контроля над территорией, недрами и дорогами. Граф имел право на проездные пошлины в Арле, Авиньоне, Эксе, Тарасконе и более мелких городах – Фрежюсс, Сен-Максимене, Сераноне, Барселонетте. "Салины" графа были зафиксированы в Ницце, Грассе, Арле, а также во

Фрагменты и Динне; последний был важным центром перемещения на горные пастбища.

Таким образом, государственная власть графа в Провансе и его городах по описи-анкете 1252 г.

Существенное различие в диапазоне распространения основных графских прав – от 25 до 90% селений, сравнительно небольшое – менее 50% селений – совпадение 4-5 главных атрибутов государственной власти с определением (и признанием) в анкете ее типа можно рассматривать как свидетельство незавершенности централизации и унификации графского публичного суверенитета, несмотря на четко выраженные инструкции графа и целенаправленное и умелое выполнение их компетентными службами. Во всяком случае, абсолютной и неразрывной связи между верховной властью графа и его реальными правами не зафиксировано. Различные отклонения от "нормального" сочетания графского суверенитета и основных суверенных прав и незавершенность превращения графства в "настоящее" территориальное княжество объяснились и нежеланием признать графа "императором в своих владениях", и отсутствием у него достаточных возможностей для реализации этого принципа, и, главным образом, не только не преодоленным, но продолжавшим укрепляться при Анжуйцах сеньориальным характером провансальского общества на базе феодально-сеньориального права, внедрявшегося в эту эпоху параллельно с нормами римского права.

Сеньориальное господство графа представлено в описи 1252 г. гораздо более полно и тщательно, чем его государственная власть, лишь в 15% селений. Граф был самым крупным землевладельцем в Провансе и имел достаточно компактную и хорошо организованную сеньорию. Массив собственных земель и людей графа (как и его верховные права), преобладал на востоке графства, без точного совпадения государственных и сеньориальных селений; на западе суверенитет еще меньше сочетался с собственностью, и требовалась более осторожная политика. Города,

главным образом крупные, были предметом особого внимания – прежде всего Арль и Авиньон, наряду с продолжавшим отстаивать свою независимость Марселем. Сеньориальное господство графа не могло заменить консульские режимы подчинением докоммунального характера, а публичная власть принца предпочитала довольствоваться сдерживанием их военного сопротивления и ограниченной долей торгово-ремесленных доходов, а позже – использованием марсельского флота. К середине XIII в. все крупные города Прованса стали частью графского государства на особом положении и лишь в незначительной мере – частью графской сеньории. Однако именно в XIII в. формальное подчинение графу оказалось для горожан особенно ощутимым, и, исчерпав возможности военного сопротивления, городская аристократия продолжала упорное и длительное пассивное противодействие притязаниям графа, вплоть до организации автономного муниципального режима во главе с олигархией, признанного графом. В конце XIII в. непокоренность горожан и особенности их политического поведения нашли отражение в наиболее смелых и сознательных обвинениях графских служащих в анкете 1289-1290 гг.

Анкета Карла II предусматривала выявление злоупотреблений и выяснение причин недовольства в Провансе анжуйским политическим режимом. Анкетирование было начато в Арле в 1289 г. представительной комиссией из высших должностных лиц государственного аппарата и авторитетных прелатов. Восемь жалоб арлезианского до- с-е настолько поразили составителей анкет неприятием графской политики и непризнанием графской власти, что деятельность комиссии, безрезультатная для Арля, была прервана, а когда через несколько месяцев анкетирование в Провансе было возобновлено, и состав комиссии, и ее цели оказались гораздо более скромными: место "знатных и почтенных" заняли рядовые юристы, а высокие слова о "восстановлении справедливости" были заменены требованием расследовать злоупотребления служащих в неко-

горных округах и городах на востоке графства. Тем не менее, все обвинения арлезианцев сохранились в общей анкете и дают представление о характере их политического поведения. Семь жалоб из восьми были направлены против конфискаций, осуществленных в Арле по приказу центральной курии после подчинения города Карлом I в 1251 г. Требовалось также вернуть имущество, изъятое графским вигье у членов городской делегации, отправленной городом к императору с жалобой на графа. Если городская верхушка в большей мере была ущемлена посягательством на ее свободы и привилегии, то значительная масса горожан выразила недовольство соляной монополией, лишившей средние слои населения важных источников дохода. Наряду с жалобами на самого графа и принципы его политики, в арлезианском досье, выразившими "дух неповиновения" графской власти оказались и обращения к графу как верховному судье для решения местных споров, и обвинения его служащих в некомпетентности. Но преобладали осуждения аннексий, конфискаций, нарушения соглашений и обещаний графа.

В восточных областях отношение к государственной власти, анжуйскому режиму и административной системе не было выражено в такой отчетливой, как в Арле, форме: все жалобы и обвинения в соответствии с характером анкетирования (*inquisitio super officialibus*) касались поведения отдельных служащих местного аппарата. Однако не оспаривая верховных прав графа как суверена и не посягая на оценку центральной политики, восточные провансальцы выразили явно критическое отношение к действиям власти на местах. В восточных городах, особенно в Ницце, жалобы напоминали арлезианские коллективным характером и силой противодействия, но в них осуждалась не графская власть, а прежде всего, деятельность административной системы. Было выражено сомнение в честности служащих и в соответствии их действий провозглашенному государством принципу справедливости. В Грассе, в отличие от Ниццы, преобладали индивидуаль-

ные жалобы, более сходные с жалобами из мелких городов и деревень, но и здесь было собрано много обвинений в злоупотреблениях, профессиональных ошибках, использовании служебного положения в личных целях и непристойном поведении служащих. Сентенции комиссаров, внесенные в анкету после жалоб и свидетельств, в основном ограничивались не очень крупными штрафами и изредка – смещением с должности или более суровым наказанием. Характер служебных преступлений и наказаний, как и вся атмосфера анкетирования, свидетельствовали о достаточно свободном политическом климате и ослаблении графского авторитета в Провансе через несколько десятилетий после резкой смены режима и суровых репрессий в середине XIII в. Количество графских служащих увеличилось, они отягощали население мелочной регламентацией – ради дополнительных поборов, но анкета 1289–1290 гг показала, что цели подчинения графства Анжуйцам не были реализованы. Политическое поведение городов отличалось самостоятельностью, непримиримостью к каким-либо нарушениям и целеустремленной надеждой на возвращение конфискованного и узурпированного в результате незаконных действий имущества. Крупные города сохраняли роль главных политических центров, вскоре восстановивших свою независимость. Их временные и конъюнктурные союзы с графской властью в XIV в. были возможны, но период силы и влияния последней закончился в XIII в., и города не только могли, но и были вынуждены жить самостоятельно.

Примечания

¹ Poly J.P. La Provence et la société féodale (879–1166). P., 1976; Giordanengo G. Le droit féodal dans les pays de droit écrit. Exemple de la Provence et du Dauphiné; XII – début du XIV siècle. Thèse. Montpellier, 1981; Moncho R. Essai sur les classes sociales en Provence orientale (879–1245). Thèse. Nice, 1967; Chiffolleau J. Les justices du pape. Dé-

Iniquance et criminalité dans la région d'Avignon au XIV siècle. P., 1984; N. Coulet. Aix-en-Provence, espace et relations d'une capitale (milieu XIV milieu XV siècle). Aix, 1988; Stoff L. Arles à la fin du Moyen Age. Aix en Provence, 1986; Grava G. La mémoire, une base de l'organisation politique des communautés provençales au XIV siècle. — Temps, mémoire, tradition. Aix-en-Provence, 1983. P.67-94; Hebert M. Tarascon au XIV siècle. Histoire d'une communauté urbaine provençale. Aix-en-Provence, 1979; Aurell M. La vielle et l'épée. Troubadours et politique en Provence au XIII siècle. P., 1989; Aurell et Cardona M. La famille Porcellet et l'aristocratie provençale (972-1320). Parenté et pouvoir au moyen âge. Thèse. Aix-en-Provence, 1983. Enquêtes sur les droits et revenus de Charles I d'Anjou en Provence (1252 et 1278). Ed. Baratier E. P. 1969; Lavoie R. Le pouvoir, l'administration et le peuple en Provence à la fin du XIII siècle. Essai d'histoire des mentalités d'après l'enquête administrative de Charles II (1289-1290). Thèse. Aix-en-Provence, 1969.

Крестьянские выступления в округе Флоренции в XIV в.

В начале XIV в. Италия была потрясена и взволнована крупнейшим крестьянским восстанием на Северо-Западе, в области Пьемонт, во главе которого стоял неистовый проповедник и талантливый вожак фра Дольчино.

Восстание Дольчино, предпосылки его возникновения, идеи и требования его участников, ход и результаты движения были глубоко исследованы в ряде работ С.Д.Сказкина, а позднее в написанной им совместно с В.В.Самаркиным главе в книге "История Италии" и статьях¹. В отечественной исторической литературе обычно описываются и некоторые другие крестьянские выступления конца XIV и XV вв. — на том же северо-западе (восстание Тукинов), в Пистойе, Пьяченце, наконец, в Неаполитанском королевстве².

А как обстояло дело в центральных областях Италии и прежде всего в контадо и дистретто наиболее крупного центра промышленности и торгово-банковской деятельности, где появились зачатки ранне-капиталистического производства, ранняя буржуазия и предпролетариат, где в XIV в. произошло первое в мире восстание наемных рабочих — чомпи?

В округе Флоренции, как и во всей Тоскане, да и в других областях Италии, в XIV в. постепенно, но неуклонно набирали силу процессы имущественной дифференциации, концентрации земель в руках сравнительно немногих семей, прежде всего пополанских или магнатских, а также богатой верхушки сельских коммун, процессы, которые в полной мере проявились в XV в.³

Основой этих преобразований была потеря земельных участков обедневшими крестьянами, наследственными держателями, мелкими и средними землевладельцами, проживавшими как в городах, так и крепостях, полугородских полудеревенских поселениях и селах. Глубокие изменения произошли и в структуре арендных отношений. Наследственное либеллярное держание в XIV–XV вв. повсеместно (лишь за немногими исключениями) сменила краткосрочная исполная аренда на замкнутых, довольно крупных поликультурных комплексах (подере) или на мелких парцеллах, либо же аренда на условиях платежа фиксированного денежного или натурального чинша (аффикта).

Место крестьянина, обладавшего значительной свободой и широкими правами на держание, приближавшимися к фактической собственности, занял краткосрочный арендатор, не имевший никаких прав на арендуемый участок; он не мог не только отчуждать – дарить, продавать или закладывать, – но и осуществлять какие-либо хозяйственные мероприятия, которые в той или иной степени затрагивали бы агротехнику или агрокультуру, если на это не было специальных указаний собственника.

По условиям арендных контрактов арендатор мог покинуть участок после окончания срока договора не только после полного расчета с собственником земли по платежам, но и при выполнении ряда дополнительных условий: проведения некоторых сельскохозяйственных работ, обеспечивающих подготовку будущего, весеннего урожая (срок контракта обычно истекал осенью), оставления для нового арендатора в хорошем состоянии хозяйственных построек, корма для скота и удобрений, возврата полученного на срок договора скота, прежде всего рабочего, семян или ссуды на их приобретение.

В действительности, правда, все это выполнялось далеко не всегда, и долг исполщика как бы "перекладывал" себе на плечи новый патрон, заинтересованный в переходе к нему этого арендатора. В городских статутах Флоренции

в XIV в. (как и в других городах Тосканы) содержалось предписание о возможных экономических и внеэкономических санкциях против арендаторов — должников: должностные лица города были вправе адресовать их и содержать в тюрьме до тех пор, пока нужная сумма не будет возмещена из их движимости или недвижимости⁴.

"Равные права" и "равные обязанности" хозяина и арендатора и "деления пополам" их расходов и доходов по обработке участка в договоре исполу чаще всего было лишь декларацией. Основную тяжесть обязательств по обработке участка нес на себе арендатор, который весьма часто для того, чтобы иметь возможность обеспечить хотя бы прожиточный минимум для себя и своей семьи, вынужден был прибегать к "посторонним" занятиям: идти в наем для обработки соседних участков, подрабатывать сельскими промыслами или выполнять те или иные операции на городскую мануфактуру. Больше всего конфликтов возникало из-за попыток исполщиков присвоить себе часть урожая, "полагающуюся" сеньору или включить в "хозяйскую половину" продукты худшего качества, утаить часть денежной суммы, вырученной на рынке от продажи господских продуктов, от неуплаты исполщиком полученных от патрона кредитов на покупку семян или рабочего скота, либо возмещения убытков за падеж животных, произошедший по вине арендатора. Постоянное недовольство исполщиков своим положением, глухую вражду к хозяевам и брожение среди них постоянно отмечали современники.

Не случайно флорентийский купец Паоло да Чертальдо в своей "Книге о добронравии", составленной в 40–70-х гг XIV в., не советует хозяину появляться на подере в праздничные дни, когда работники разгорячены от вина и могут заступиться за своего товарища, пустив в ход даже оружие, при любом замечании, а тем более если хозяин даст волю рукам, а "не будет держать их за спиной". Все расчеты с исполщиками, по мнению Паоло да Чертальдо, следует производить в обычный трудовой день, когда они

спокойно работают в поле. Тогда же можно им сделать и выговор за плохую работу. А еще лучше вызвать их с этой целью в город⁵

40-е годы XIV в. стали для Тосканы и прежде всего для Флоренции пиком кризисных явлений. Весьма значительный ущерб социальному развитию и экономике нанесли эпидемии Черной смерти, начавшиеся в 30–40-х годах и периодически повторявшиеся на всем протяжении второй половины столетия вплоть до начала XV в.

Последствия эпидемии были особенно ощутимы потому, что ей предшествовали и ее сопровождали исключительно неурожайные годы. Особый урон нанес недород 1346–1347 гг. В некоторых районах в 1346 г. урожай зерна достиг лишь четверти, а в других – даже шестой части среднего (заметим, что во Флоренции и в обычные времена зерна из своего дистрикта хватало лишь на 5 месяцев в году). На протяжении 1346–1347 гг. средние цены на зерно выросли в два с половиной раза по сравнению с 1340 г. (тоже неурожайным). Попытки флорентийских городских властей хоть отчасти пополнить хлебные запасы путем покупки зерна в Сицилии, Сардинии, Апулии, у генуэзских и пизанских купцов особого успеха не имели как вследствие неурожая в этих областях, так и огромного роста цен на зерно. Удалось приобрести лишь 22 тыс. модисв пшеницы (1 модий = 576 кг) и 1700 – ячменя, а требовалось, по меньшей мере, 40 тыс. модисв пшеницы и 4 тыс. – ячменя⁶

Во всей Тоскане и во Флоренции начался голод. В хлеб добавляли песок и мел: "Голод был так велик, – писал флорентийский хронист Дж. Виллани, – что большая часть крестьянских семей из-за голода покидала подере и занималась воровством, многие нищенствовали во Флоренции и не могли ни обработать земли, ни засеять, так как не было людей, способных это сделать"⁷ В одном 1347 г. во Флоренции умерло 4 тысячи человек, т.е. более 1/20 всего городского населения. А всего в 1338–1427 гг. число жи-

телей уменьшилось более чем в 3 раза. Особенно высока была детская смертность.

Городская коммуна вынуждена была выпустить заключенных из тюрем, так как их нечем было кормить. Ненависть горожан к скупщикам зерна вынудила городские власти в июне 1347 г. арестовать многих и казнить одного из зачинщиков. Немало и должностных лиц коммуны обвинялись в том, что занимались скупкой-перепродажей зерна по более высоким ценам, утаивали с этой целью часть зерна, приобретаемого коммуной и т.п.⁸ Цены на зерно в городской округе были еще выше, чем в городе. Так, весной 1347 г. во Флоренции хлеб стоил 7 денариев за фунт, а в контадо – уже 12-14 денариев. В конце июня, когда стало ясно, что нового урожая ожидать не придется, цена фунта хлеба подскочила до 20–25 сольди (1 сольди = 12 денариев) в городе и до 35–40 сольди в Муджелло⁹. Уже упомянутый хронист Дж. Виллани отмечал, что в 1347 г. многие горожане-землевладельцы были принуждены снабжать своих исполщиков продовольствием и выделять им семена, если они не хотели, чтобы арендаторы покинули обрабатываемые земли¹⁰.

Устремившиеся в город крестьяне, отчаявшиеся найти средства для пропитания на своих полях и в мелких крепостях-бургах, пополняли толпы голодных людей в городе, которые поджигали дома богачей, похищали зерно, которое поступало в амбары коммуны. Судебные приговоры подеста Флоренции заполнены наказаниями за кражи и поджоги домов и мельниц, опустошение хлебных нив в округе, нападения на обозы с хлебом, идущие в город¹¹.

Среди многих фактов подобного рода – приговор, вынесенный подеста Флоренции Гвидо Фортебрагги да Монмоне 30 декабря 1346 г. по делу нескольких крестьян из Панцано и Сан-Донато ин Поджо – "бродяг, злоумышленников и людей низкого звания", которые вооружившись мечами и железными палками, совершали опустошительные набеги на подере, вырубая виноградники, оливы, фруктовые деревья, унося зерно из амбаров, принад-

владельцам, угрожали смертью тем, кто продолжал обрабатывать эти земли, так как хотели, чтобы они оставались в запустении. В действиях крестьян нашли отражение не только отчаяние и безысходность голодных подей, но и ненависть к патронам¹². Обвиняемые были приговорены к штрафу в 5,5 тыс. лир с каждого, а в случае неуплаты (что было наиболее вероятно, учитывая огромные размеры штрафа) – к ампутации правой руки.

Землевладельцы-горожане, напуганные многочисленными подобными выступлениями, были "поняты" в городском Совете их "сотоварищами по несчастью". Решением совета в каждой коммуне и приходе контадо устанавливались круглосуточные дежурства особо выдсленных лиц, которые должны были действовать в согласии с ректорами и синдиками коммуны и предотвращать хищения и поджоги¹³. Однако факты свидетельствуют, что эти меры мало что изменили. Довольно крупное выступление в городской округе имело место в январе 1347–1348 гг., о чем мы узнаем из петиции, с которой обратились к приорам Флоренции ее горожане – землевладельцы. Они жаловались на "неких" жителей коммуны и приходов дистрикта Флоренции, которые устроили своего рода заговор против них, призывая арендаторов и колонов, чтобы никто не обрабатывал земли горожан, не жил в их домах, а также не молот зерно на их мельницах и не торговал с ними, а также с их арендаторами и колонами, в то же время поощряя тех, кто будет разорять их земли и нанесет ущерб их урожаю¹⁴.

Как видим, "злоумышленники" подстрекали к выступлению арендаторов, снимавших земли у собственников-флорентийцев, требовавших от своих съсмищиков, помимо обычной арендной платы (очевидно в большинстве своем они – исполщики, обязанные предоставлять патронам половину урожая), также выполнения типично феодальной повинности "мельничного бана", т.е. заставляя их молоть свое зерно (естественно за особую плату) на мельнице землевладельца.

В то же время последние в полном соответствии с их собственным городским статусом требовали участия самих арендаторов в торговле, т.е. очевидно, продавать хозяйственную "половину" урожая на городском рынке. Приоры, руководствуясь интересами своих богатых сограждан-землевладельцев, быстро откликнулись на их просьбу, издав 22 января 1348 г постановление, угрожающее зачинщикам и участникам подобных выступлений высокими штрафами от 200 до 300 лир.

Но, по всей видимости, выступления в дистрикты Флоренции не прекращались. Об этом свидетельствует ряд последующих решений государственных органов Флоренции.

25 августа 1349 г было издано специальное постановление, направленное против арендаторов земель. Были избраны 8 горожан, по два от каждого городского квартала, с целью регулирования заработной платы наемных рабочих и уточнения обязанностей арендаторов контадо в отношении их патронов. При этом выделяются разные группировки среди арендаторов – арендаторы parcelл, уплачивавшие фиксированный чинш (*sittuari*) и все остальные арендаторы (вероятно, и сельские наемные работники), которые трудятся в контадо Флоренции¹⁵. В течение 3-х лет (1349–1352 гг.) арендаторам воспрещалось покидать участки без разрешения их господ под угрозой высокого штрафа – в 100 лир¹⁶.

В 1352 г горожане-землевладельцы обратились с новой петицией к приорам с тем, чтобы подобное же постановление было продлено еще на три года¹⁷. Они жаловались на то, что продолжают испытывать всевозможные злокозненные действия со стороны арендаторов¹⁸. Они требовали – пишет хронист – Маркьонне ди Коппо Стефани – ни много, ни мало, как того, чтобы им принадлежали подере, они были обеспечены "вволю" волами, семенами и не платили дополнительных приношений¹⁹.

Городская коммуна была вынуждена принять и ряд мер, которые бы пресекли или сократили злоупотребления должностных лиц в контадо и уменьшили налоговые

ниготы его жителей. Так, известно постановление того же Большого Совета от 9 декабря 1356 г., направленное против злоупотреблений должностных лиц, ответственных за сбор налогов в контадо²⁰. И тем не менее их произвол, очевидно, продолжался. В 1362 г. в петиции жителей контадо говорится об "тиранах" (*tirannelos*), которые требуют дани²¹.

Приведенные факты с несомненностью свидетельствуют о том, что городская округа Флоренции в XIV в. вовсе не оставалась индифферентной и спокойной, в то время как в 40-е годы в городе начались и все более крепились выступления наемных рабочих. Непрерывающееся сопротивление арендаторов и прежде всего исполщиков, их активные выступления против их патронов-горожан свидетельствуют против традиционного представления о них как более спокойном элементе. Несомненно, что хуторской характер поселений исполщиков, ослабление прежних общинных связей не способствовали успеху их сопротивления горожанам-землевладельцам и стоящей на стороне их интересов городской коммуне в лице ее Большого совета и других органов. И тем не менее их действия были весьма ощутимы.

В том же XIV в. имели место многочисленные акты коллективного сопротивления Флоренции, которая подчинила своему господству расположенные на территории контадо и дистретто сельские коммуны, подчас стремясь не только осуществлять над ними верховенство, но и прямое вмешательство в их внутренние дела. В середине XIV в. были учреждены особые территориальные подразделения – викариаты во главе с викариями, в функции которых входило осуществление высших судебных, политических, фискальных и военных функций на определенной территории (многие из этих функций находились в компетенции сельских коммун, права которых этой акцией были значительно урезаны). Викариями назначались представители наиболее влиятельных и богатых семей города – Строцци, Альберти, Медичи, Альбицци и др. Су-

дебные постановления викариатов свидетельствуют об активном стремлении их правителей неуклонно утверждать господство Флоренции, подавляя всякое сопротивление – как целых коммун, так и отдельных лиц, осуществляя постоянный контроль над общественным порядком: они наполнены приговорами против бродяг и "бандитов", всяких форм недовольства, заговоров и мятежей подчиненных коммун против флорентийского господства. Это недовольство вызывалось прежде всего тяжелым финансовым бременем, которое несли подчиненные коммуны.

В декабре 1377 г. флорентийский викарий Джованни Камби из Сан-Миниато возбудил дело против должностных лиц коммуны Санта Кроче. Коммуна и ее жители обвинялись в том, что в ноябре 1377 г. неоднократно отказывались принять на свое содержание флорентийское войско и не открывали ему ворота укрепленного бурга несмотря на письмо приоров, которое доставил официальный представитель Флоренции. Интересны мотивы, по которым жители сельской коммуны решились на сопротивление их могущественному соседу и правителю. "Мы не хотим никоим образом никого принимать и не хотим подчиняться командам этого посла... Флорентийская коммуна не вложила ни одного камня в эту крепость. ...Мы уже предлагали горожанам 500 флоринов..., и еще дадим тысячу. Коммуна же Флоренции не вложила в эту землю ни одного кватрина..."²²

Однако, понимая, что одна сельская коммуна никогда не одолеет могущественную Флоренцию, ее должностные лица, посоветовавшись, решили направить послов в соседние коммуны (Фученьо, Монтополи, Кастель-Франко), чтобы просить у них поддержки.

Коммуна Санта Кроче убеждала соседей не принимать у себя флорентийских наемников, приход которых означает кражи, убийства и разбой, что уже имело место в городах Фаэнца, Чезена и других местах. Мы должны быть едиными в этой политике и образовать лигу вместе с другими коммунами, которые внемлют просьбе Санта Кроче.

Однако другие коммуны не оказали ей поддержку и, будучи в изоляции, Санта Кроче вынуждена была уступить. И хотя из документов неясно, вступили ли солдаты на территорию крепости, но зато известно, что должностные лица понесли наказание за свои действия, будучи вынужденными заплатить штраф в размере от 12,5 до 25 лир с каждого из них.

Из судебного расследования, проведенного в январе 1378 г., нам известно о заговоре, который был составлен в коммуне Сан Миниато с целью освобождения от флорентийского господства. Его вдохновителем был один из жителей — некий Таддео ди Франческо, которому удалось привлечь на свою сторону немало соседей из той же коммуны и ближних селений. Интересны аргументы, которыми оперировал Таддео, вербуя новых участников заговора в коммуне. "Ты видишь, как нам плохо, — убеждал он одного из жителей. — Флоренция требует от нашей коммуны взносов в 10 тыс. флоринов. Помимо этого ее господство несет нам такие тяжести и расходы, которые невозможно выдержать. Наше положение хуже, чем если бы мы были под властью "жесточайшего тирана". И разве не лучше было бы освободиться от ига этого "злого тирана, коим является Флорентийская коммуна". Для этого мы должны действовать совместно как братья и составить заговор. Таддео излагал детально и план захвата башни Сан Миниато и изгнания флорентийцев с помощью извне. Таддео обращался с призывами поддержать антифлорентийский заговор и к жителям ряда соседних коммун у стен бурга, у входа в церковь, в других местах скопления народа. При этом он делал упор на непомерную тяжесть всякого рода чрезвычайных налогов, которые жители коммуны вынуждены уплачивать Флоренции"²³

Из судебного расследования, проведенного в феврале 1381 г., известно еще об одном выступлении против Флоренции в сельских коммунах. Некий Арриго ди Джованни Муччори из Меличчано (контадо Сан Миниато) обвинялся в том, что он побуждал должностных лиц соседнего

бурга Каннето созвать людей ударами колокола, обратившись к ним со следующей речью: "Синьоры из Каннето, вы видите, какие махинации творят флорентийцы по образу разжиревших свиней... Будьте уверены, однако, что найдется уздечка на этих волков... с помощью других коммун, викариата, к коммуна я обращусь, виновные понесут наказание" Арриго обращался с подобными призывами к активным действиям и к должностным лицам других бургов – Сан Квинтино, Кастельнуово, Барбиалла²⁴

Приведенные факты свидетельствуют, как нам представляется, о том, что в одном из крупнейших городских округов Центральной Италии – дистретто Флоренции – в десятилетия наиболее острых и ожесточенных классовых битв на улицах и площадях города было очень беспокойно и в округе.

Прежде всего против богатых горожан Флоренции, тех же "жирных пополанов", которые, как правило, обладали немалыми земельными владениями, были направлены выступления исполщиков и других арендаторов, а также сельских наемных рабочих.

Их требования и действия, а также реакция городского совета на выступления были обусловлены спецификой нового этапа развития, глубокими переменами в аграрных отношениях, взаимозависимостью хозяйственных связей города и деревни, кризисными явлениями в экономике, что привело к обострению социальных и классовых конфликтов во второй половине XIV в. Весьма показательны и многочисленные акции коллективного протеста со стороны мелких и более крупных сельских коммун, вызванные политическим и прежде всего финансовым гнетом со стороны подчинившей их своему господству Флорентийской коммуне, делающей первые шаги по пути превращения в региональное государство.

Примечания

Сказкин С.Д. Восстание Дольчино (План монографии). Восстание Дольчино. Исторические условия восстания Дольчино//Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. Материалы научного наследия. Отв. редактор Е.В.Гутнова. М., 1981

Сказкин С.Д., Самаркин В.В. Крестьянские движения в XIX–XV вв (История Италии. Т.1 М., 1970); Сказкин С.Д., Самаркин В.В. Дольчино и Библия (к вопросу о толковании "Священного писания" как способе революционной пропаганды в средневековье//СВ, 1975 Вып.38.

Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в XIII–XV вв. М., 1987. С.99–113; Она же. Некоторые особенности социальной природы итальянских пополанов в XIV–XV вв (Землевладение торгово-промышленных и банковских компаний Тосканы) // Социальная природа средневекового бюргерства, XIII–XVII вв. М., 1979. С.136–141

¹ Statuti della repubblica Fiorentina. Ed. R.Caggese. Vol. II. Statuto del Podesta dell'anno 1325. Firenze, 1921. L.2. Rubr. 51. См. также Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство и город в XI–XIV вв. М., 1967. С. 277–279.

Da Certaldo P. Libro di buoni costumi/A cura di A.Schiaffini. Firenze, 1945. Cap.103. Подробнее о положении арендаторов и прежде всего пользователей в XIV в. на землях, принадлежащих пополанам Тосканы, см. в нашей статье. Пополанское землевладение в Тоскане в XIV теория и практика хозяйствования//Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. С.147–173.

Pinto C. Firenze e la carestia del 1346–1347//La Toscana nel tardo Medioevo. Firenze, 1982. P.334–347.

Villani G. Cronica. XII. C.73.

Pinto C. Firenze e la carestia... P.354–361.

Ibid. P.371.

¹¹¹ Villani G. Cronica. XII. C.73.

Pinto C. Firenze e la carestia... P.358–359.

Pinto C. Firenze e la carestia...Appendice IV, doc. 10. P.395–397

Pinto C. Firenze e la carestia... P.359.

Conantur homines et personas populares comunis Florentie per illicitos modos et per dolores inacchinationes verare atque gravare faciendo seu fieri faciendo inibitiones seu preceptas quod nemo colat eorum possessiones et quod nullus inhabitet eorum domum et quod nullus molat seu mannet ad eorum molendina et quod nemo negotietur cum eis vel eorum laboratoribus vel inquilinis et permitendo quod quilibet devastet de bonis et fructibus possessa eorum et imponendo onera et munera contra colonos

- et inquilinos eorum...": Rodolico N. Il popolo minuto. Note di storia Fiorentina (1343–1378). Firenze, 1968. Appendice. Doc. N 25. См. также: Ibid. P. 60–62.
- ¹⁵ "Omnes et singulos alios laboratores qui laborant in ipso comitatu Florentie": Rodolico N. Il popolo minuto. P. 62. Примеч. I. (автор цитирует постановление приоров, хранящееся в Гос архиве Флоренции в фонде Provisions, Consigli maggiori, 37. С.154.
- ¹⁶ Quod ipsi laboratores non possint hinc ad tres annos proxime futuros dictas terras in cultas demittere sine licentia... sub pena librarum ibidem centum.
- ¹⁷ Rodolico N. Il popolo minuto. P. 63.
- ¹⁸ ...pro parte quorundam civium civitatis Florentie qui operibus et malleficiis et posturis laboratorum terrarum continue opprimuntur et oppressantur... – Ibidem.
- ¹⁹ Rodolico N. Il popolo minuto. P. 63.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Giudice degli Appelli, 93, fasc. 10. С.34–84; fasc. 12. С. 24–64. Цит. по: Pinto G. Controllo politico e ordine pubblico nei primi vicariati Fiorentini. Gli "Atti criminali degli ufficiali forensi"//Quaderni storici, 49, XVII.
- ²² Ibid.
- ²³ Giudici degli Appelli, fasc. 10. С. 94–134. Из документа неизвестно, какой приговор был вынесен обвиняемому.
- ²⁴ Ibid fasc. 24. С.39–40.

**Освободительное движение во Франции и
формирование национального самосознания
(вторая половина XIV — первая половина XV вв.)**

Широкий размах массового освободительного движения во Франции в период Столетней войны достаточно признан и отмечен в историографии¹. Хотя какая-то часть английских историков сохраняет определенный скепсис в отношении подлинных целей участников средневекового сопротивления, масштабов и действенности антианглийского движения, в целом факт его существования в первой половине XV в. уже не оспаривается. На мой взгляд, который был представлен в нескольких работах, освободительное движение во Франции было не только весьма широким и массовым, но и значительно более длительным, чем это принято считать — широко известная деятельность Жанны д'Арк стала, по моему мнению, кульминацией явления, родившегося еще в середине XIV века. Реальный вклад массовой борьбы против завоевателей-англичан и развитие военно-политического конфликта между Англией и Францией и в целом в международные отношения эпохи в историографии недооценивался. Само освободительное движение отличалось сложной структурой, не раз менявшейся за долгую историю англо-французского конфликта; в своем развитии оно прошло несколько этапов, которые отличались по составу участников, методам борьбы, формам ее организации².

Значительность явления определяет его многогранность, множит круг проблем и частных вопросов, с ним связанных. Среди проблем, которые неотделимы от изучения истории массового освободительного движения во Франции в XIV–XV вв., пока совсем мало затрагивалось

его взаимодействие с процессом становления национального самосознания. В зарубежной историографии этот вопрос не возникает, прежде всего потому, что в XIV в. исследователи не отмечают наличия освободительного движения во Франции, а применительно к XV в. уже уверенно говорят о "нации" и "национальном чувстве"

В рамках периодизации западноевропейской истории, принятой в отечественной медиевистике, изучение истории массового средневекового сопротивления привело к некоторым несообразностям. Трудно не увидеть в обширном и ярком фактическом материале несомненных признаков наличия национальных чувств и пристрастий у людей, которые жили и боролись в эпоху, относившуюся к стадии развитого феодализма (даже учитывая, что в отдельных исследованиях XIV–XV вв. стали выделять в качестве второй ее стадии)³ Нация понималась как социально-этническая общность, впервые складывающаяся при переходе от феодализма к капитализму, а переходной эпохой считалось для большинства стран западной Европы, в том числе — Англии и Франции, время никак не ранее второй половины XV века. Долгий и драматичный англо-французский конфликт был к этому времени завершен. Следовательно, национальное самосознание (в данном случае на материале Франции) проявилось значительно раньше, чем французская нация приобрела отчетливые очертания.

Прежде чем попытаться представить объяснение этому, следует напомнить и показать некоторые неизвестные или мало известные факты из истории массового освободительного движения во Франции, попытаться реконструировать их отражение в умах современников. Хотелось бы определить конкретные черты самосознания людей, которых еще нельзя назвать нацией, но которые были уже вполне способны на сильное, всегда острое и субъективное чувство, трудно определяемое вне термина "национальное". К этим людям, по крайней мере, многим конкретным личностям и в разной степени — социальным

группам (горожане, крестьяне в особенности) уже, безусловно, применимо понятие "патриотизм". А какой смысл оно имеет вне понятия "нация"?

Этническое самосознание, которое, по мнению специалистов, формируется еще на уровне племенной общности, отличается, как известно, прежде всего альтернативным подходом к восприятию людей, не принадлежавших к своему племени. Антитеза "они" и "мы" проявляется в поведении и сознании с глубокой древности. Не изжитая вполне и сегодня, она вполне отчетливо проступает в образе мыслей средневекового человека. В хрониках — неисчерпаемо богатых источниках не только и даже не столько по фактической истории, сколько по истории мыслей и чувств хрониста и стоящих за его рассказом многих и разных людей — имеются многочисленные критические замечания в адрес "других" народов. Чем сложнее складывались отношения между народами и государствами, тем более негативными были передаваемые хронистами суждения. Шотландцы, как правило, выглядели непривлекательно на страницах английских хроник; жители Англии и непокорной Фландрии зачастую весьма критически оценивались хронистами Франции. Во второй половине XIV в. в официальной французской хронике звучало недовольство засильем при королевском дворе "иноземцев" — выходцев из Германии и Чехии⁴.

Долгое англо-французское противостояние на международной арене, особенно острое в период Столетней войны, не могло не усилить свойственной самосознанию этноса альтернативности в восприятии "других" народов. Это ощущалось с самого начала активных военных действий между Англией и Францией. Так, после неудачного для французов морского сражения при Слейсе в 1340 г. в Англии распространилась обидная для жителей Франции шутка: если бы Бог позволил рыбе говорить, она заговорила бы по-французски, так как съела множество французов. В 1356 г. англичане у стен осажденного Гарфлсра

презрительно называли французских солдат "Жаками-Простаками", стремясь оскорбить их⁶

Сами по себе эти и другие подобные высказывания и действия, в сущности, продолжают восходящую к глубокой древности традицию настороженности или враждебности по отношению к соседним народам. Но эпоха зрелого средневековья, которая среди прочих новых явлений жизни характеризовалась более высоким уровнем государственности, усложнением форм политической жизни привнесла новое в традиционное явление. В проявлениях враждебности к соседней Англии во французских хрониках зазвучали политические мотивы. Хронисты, принадлежавшие к различным слоям общества — от придворных и служителей церкви до выходцев из непривилегированных сословий — со второй половины XIV в. начали включать в свои оценки действий англичан моменты политического характера. Как сообщает автор "Хроники первых четырех Валуа", война в 1369 г. возобновилась "по вине англичан", и французский король Карл V послал вызов английскому королю (поступок, совершенно соответствующий нормам традиционной рыцарской морали) "с согласия Совета, баронов, прелатов и добрых городов"⁷. Действия Карла V, таким образом, преподносятся не как поступок конкретного лица, а как выражение воли всех жителей королевства, как государственный акт.

Традиционная давняя критическая оценка определенных свойственных англичанам качеств по-прежнему звучит во второй половине XIV в. в сочинениях французских хронистов. Автор придворной хроники называет англичан "проклятыми жестокими иностранцами", отписывает им "высокомерие и гордыню", пишет об их "всроломстве", о том, что в Альбионе "по наущению дьявола происходят чудовищные дела", что английский полководец "суверен как все англичане"⁸. Однако теперь все эти негативные свойства отчетливо увязываются автором с политическими событиями, с англо-французской войной: "...англичане, которые по своему обыкновению, не могли остаться в покое,

решили напасть на Францию", ...англичане, по своему обыкновению, затянули переговоры на два месяца, выдвигая непомерные требования, своими запутанными и двусмысленными речами добились, что переговоры не могли привести ни к какому полезному результату"⁹ Авторы официальной французской хроники монастыря Сен-Дени, начиная с 80-х гг. XIV в. неизменно подчеркивали, что англичане — "всегда агрессоры, захватчики в отношении Франции", что они — "вечные враги королевства", которые "бросались в Нормандию, как голодные волки"¹⁰

На мой взгляд, эти и многие подобные примеры свидетельствуют о политизации этнического самосознания жителей Франции. Тесная связь традиционных антипатий с интересами всего королевства, объективно — с интересами государства — становится, как свидетельствуют хроники, со второй половины XIV в. характерной чертой миропонимания какой-то части французского общества. О том, что это явление приобрело широкий характер, свидетельствует идеологическая подоплека развернувшегося во Франции массового освободительного движения. Главным его истоком, конечно же, были конкретные страдания и тяготы, связанные для жителей Франции с английскими вторжениями. Однако и мир идей, чувств и представлений должен был оказать влияние на массовое сопротивление захватчикам, испытав в свою очередь воздействие массового освободительного движения против завоевателей. В моменты высокого подъема антианглийской борьбы во Франции (70-е гг. XIV в., 20–30-е гг. XV в.) наблюдался новый, невиданный накал "антианглийских" чувств и настроений. И порожден он был не только успехами завоевателей, принсенными ими бедствиями. Конкретная, драматическая обстановка обострила и резко обнажила то, что годами накапливалось в недрах этнического самосознания. На мой взгляд, именно здесь этническое самосознание трансформировалось в этнополитическое.

Ни в коем случае не хотелось бы, чтобы причины этого явления хотя бы в какой-то мере были сведены к войне.

Политизация этнического самосознания, на мой взгляд, — одно из проявлений вступления средневековья в стадию зрелости. Война лишь, как и во всем другом, ярко вывела то, что в другой ситуации медленно проступало бы в общественной и духовной жизни¹¹

При освобождении французских городов в 70-х гг. XIV в. участие горожан, на которых умел опереться французский главнокомандующий Бертран Дюгеклен, способствовало французским побдам. Но оно имело значение и духовное, идеологическое. Именно в городской среде впервые произошло соединение антианглийских настроений с патриотическими чувствами и идеями, основывавшимися на преданности "французскому королевству", которое фактически не отделялось в массовом сознании от личности короля¹². Горожане в начале XV в. не раз демонстрировали готовность умереть, но не сдаться англичанам, неприязнь к которым как к завоевателям дошла до крайнего предела¹³. Наиболее ярко выразил это уже в 1417 г. известный политический деятель и хронист Базен: "И хотя только море разделяет два народа, англичане — не люди, а дикие звери, жадные и жестокие; они бросаются на людей и пожирают их"¹⁴

Ненависть к завоевателям во все исторические эпохи усиливала любовь к родине. Болью за Францию, за ее опустошенные деревни и поля, по которым бродят голодные волки, пронизаны страницы известной хроники Жана де Венетта. Его откровенное восхищение народными предводителями партизанского отряда в деревне Лонгейль близ Компьеня, резкие обвинения в адрес тех представителей знати, которые равнодушны к страданиям народа, — это любовь к родине¹⁵. Восторженный стиль, в котором авторы нескольких анонимных поэм XIV в. о Бертроне Дюгеклене описали освобождение французских городов, — это тоже любовь к страдающей, поруганной Франции¹⁶. Хроника Жана де Венетта или сочинения анонимных поэтов не могут быть основанием для того, чтобы уверенно утверждать, что эти настроения и чувства были массовы-

ми хотя черты индивидуального сознания их авторов показательны сами по себе. К тому же поэтических произведений патристического содержания могло быть значительно больше, чем мы знаем сегодня. Во французской историографии высказывалась мысль, что "Жалобная песнь о битве при Пуатье" — лишь одно из многих подобных творений XIV в.¹⁷

Неспоримым свидетельством того, что свойственная этническому самосознанию альтернативность приобрела во Франции эпохи Столетней войны новый характер, что она стала включать наряду с несприязнью к "чужим" политическое осмысление происходящих событий и острую осознанную любовь к родине, стало время наивысшего подъема массового освободительного движения в первой трети XV в.

Жанна д'Арк — явление феноменальное во многих отношениях, в том числе и в смысле свойственного ей высшего для своего времени уровня политизации этнического самосознания. Дсва Франции, не переставшая изумлять потомков на протяжении столетий, с ее белым знаменем, поразительным бесстрашием и истовым монархизмом стала символом любви к родине. В ее чувствах и поступках все пронизано духом среднесвековья: ангелы, "голоса", неистребимая вера в значимость "помазания божьего", страх перед ересью и грехом. И в то же время Жанну д'Арк отличало удивительное политическое чутье, понимание необходимости подчинить все силы, желания и чувства интересам Франции, высшим олицетворением которой для нее был король. В мировоззрении народной героини, на мой взгляд, проявилась не только яркая неординарная личность, но и крупное социальное явление: сформировавшееся этнополитическое самосознание, вполне подготовленное к переходу на национальный уровень.

И все же феномен — это исключение или то, что среднесвековский человек называл чудом. Если Жанна уникальна, едва ли можно говорить о формировании основы национального самосознания для первой половины XV в. Но к то как раз в том, что выпадали из нормы ее личные ка-

чества, редчайшая историческая судьба. Питавшие же социальное поведение Жанны д'Арк свойства общественного сознания вырастали, как было показано выше, из длительного опыта массового сопротивления завоевателям. И те, кто толпами пошли за Девой, были в конечном счете в широком смысле слова преемниками граждан Кале, партизан из Лонгейльского отряда, не пожелавших сдаться англичанам жителей Кана, Седана и других городов, тех крестьян, которые по описанию Жана де Венетта сочетали работу на пашне с самообороной деревень и многих, многих других.

Среди источников, которые способны раскрыть для нас умонастроения современников Жанны д'Арк, есть совсем мало известная "Хроника монастыря Сен-Мишель" в Нормандии. Его гарнизон больше двух десятилетий оставался островком французской земли в оккупированной англичанами Нормандии. Все это время хронисты писали свой "репортаж" для потомков. Поражает глубочайшее неприятие ими самого факта английского завоевания сверофранцузских земель и условий известного им договора в Труа 1420 г., согласно которому Франция юридически стала частью объединенного англо-французского королевства. Сообщая о смерти в 1422 г. Карла VI, который подписал трагический для Франции договор, автор хроники дважды называет его королем Франции, подчеркивая незыблемость понятия "французское королевство". А скончавшийся в 1435 г. Бедфорд для монастырского хрониста — только "герцог", а вовсе не "наместник Франции". Лишенного права на французский престол дофина Карла хронист величает не иначе как "королем Франции", подчеркнуто часто употребляя этот юридически необоснованный титул, даже без особенной необходимости для хода своего повествования¹⁸.

Убедительным свидетельством принципиально важных персмен в общественном сознании широких слоев населения Франции стало, на мой взгляд, родившееся представление о том, что такое национальное предательство. Не

имена сеньору, а именно предательство интересов французского короля и королевства, прежде всего — в виде помощи захватчикам-англичанам. Еще во второй половине XIV в. Бертран Дюгеклен настаивал на казни французов, захваченных с английскими гарнизонами¹⁹ Хронист Монстреле не раз отмечает, что в 20–30-х гг. XV в. французы при освобождении своих городов неизменно сурово карали тех, кто "когда-то присягал англичанам и держал их сторону"²⁰ Английским солдатам при этом, как правило, предоставляли возможность освобождения за выкуп. Но сообщению автора "Хроники Девы" Кузино, вешали "тех, кто говорил по-французски" (и служит англичанам)¹ Неразрывная связь между массовым освободительным движением и становлением национального самосознания проступает здесь вполне отчетливо.

Чрезвычайно интересны перемены, проявившиеся в XV в. в представлениях о роли Бога в земных конфликтах и деяниях людей. В эпоху раннего средневековья Бог, по представлениям средневекового человека, утверждал справедливость в основном в отношении конкретных людей и их судеб. Во времена Столетней войны речь пошла об изъятии Божьей воли применительно к королям и королевствам, воплощавшим собою государственность и формирующееся национальное государство. Рождающееся национальное самосознание стало награждать Бога национальными пристрастиями. Своим удивительным народным разумом и стихийным политическим чутьем Жанна д'Арк фактически создала философскую концепцию: справедливый Бог должен поддерживать справедливое дело французов, которые защищают свою землю от завоевателей. И это принципиально отличалось от идеологической платформы, принятой английским королем Генрихом V. Этот незаурядный политик и полководец в основу своей агрессии во Франции положил традиционный феодалский принцип справедливой борьбы за законные юридические права на престол. Жанна постоянно подчеркивала "Божью волю" в отношении Франции и французов.

И в этом народная героиня Франции не была только ярким исключением из правила. Высокий накал массового освободительного движения привел к тому, что в XV в. даже отдельные выходцы из рыцарского сословия заговорили языком яростных патриотов Франции. Нормандский рыцарь Блонделль в сочинении об освобождении Нормандии (40-е гг XV в.) постоянно подчеркивает благоприятную для французов волю Бога. "Неистовый англичанин", наделенный, по мнению Блонделля, многими негативными чертами, "сехт безумие" во Франции. Французский же король — защищает справедливость, опираясь на волю Бога.²²

Освободительное движение во Франции XIV–XV вв. стало, таким образом, действительным ускорителем естественно происходившей в зрелом средневековом обществе политизации этнического самосознания. Этот процесс протекал во французском обществе в особенной экстремальной обстановке, не породившей, но существенно стимулировавшей его. Наличие таких слагаемых при становлении национального самосознания не уникальное явление, имевшее место только во Франции. Близкие аналогии ему, думается, можно найти, например, в истории средневековой Шотландии или Чехии. Соединение этических и политических элементов в общественном самосознании на закате средневековья было, на мой взгляд, одним из важных слагаемых формирования нации.

Примечания

- ¹ Newall R.A. The English Conquest of Normandy, 1416–1425. L., 1924; Rowe B. John, Duke of Bedford and the Norman "Brigands" // English Historical Review. 1932. Vol. XLVII; Pernoud R. Jeanne d'Arc. P., 1959; Jouet R. La résistance à l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418–1450). Caen, 1969; Contamine Ph. Les compagnies d'aventure en France pendant la Guerre de Cent ans // Melanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps modernes. N.87. P., 1975; Favier J. La Guerre de Cent ans. P., 1980; Bourassin E. La France anglaise 1415–1453. Histoire d'une occupation. P., 1981; Jeanne d'Arc: une époque, un rayonnement. colloque d'histoire médiévale, Orleans, oct. 1979. P., 1982; A. The Hundred Years War. Z., 1993; Gaier Cl. Armes et combats

dans l'univers médiéval // *Le Moyen Age*. 1996, N. 2; Guenée B. Le portrait de Charles VI dans la Chronique de religieux de Saint-Denis // *Journal des Savants*. 1997, janvier-juin; Люблинская А.Д. Столетняя война и народные восстания XIV–XV вв. // *История Франции*. Т.1. М., 1972; Райтсес В.И. Жатина д'Арк. Л., 1982; Басовская Н.И. Столетняя война 1337–1453 гг. М., 1985.

Басовская Н.И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // *Вопросы истории*. 1987 № 1.

Бессмертный Ю.Л. "Феодальная революция" X–XI веков? // *ВИ*. 1984. № 1; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т.2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., 1986.

⁴ *Chronique de religieux de Saint-Denis, contenant le regne de Charles IV, de 1380 à 1422* / Publ. M.L.Bellaguet. V.I.–IV P., 1839–1844. V.I. P.564.

The Chronique of Jean de Venette / Ed. R.A.Newhall. N.Y. 1953. P.33.

Chronique des Quatre premiers Valois (1327–1393) / Publ. S.M.Luce. P., 1862 P.64.

Ibidem. P.200–201.

Chronique de religieux de Saint-Denis... V.I P.178. V.II P.716–718, 732.

⁹ *Ibidem*. V.I P.256, 344.

Ibidem. V.I P.428; V.III. P.364.

¹¹ См. Басовская Н.И. Столетняя война и рост социально-политической активности городского сословия // *Городская жизнь в средневековой Европе*. М., 1988.

¹² *Chronique de Bertrand du Guesclin pur cuvelier trouvère du XIV^{em} siècle* / Publ. E.Charrière. P., 1839. T.II. Vers. 21575–21584.

¹ См. *Chronique de la Pucelle au Chronique de Cousinot* / Publ. M.Vallet de Verville. P., 1859. P.195–196.

¹⁴ Basin Th. *Histoire de Charles VII* / Ed. Ch.Samaran. P., 1944. P.50–53, *Chronique of Jean de Venette...* P.90–93, 19.

¹⁶ *Chronique de Bertrand du Guesclin...* T.II. Vers. 21582.

См. Mirepoix L. *La guerre de Cent ans*. P., 1973; Медяк-Гайказова И.И. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М., 1970

¹⁸ *Chronique du Mont-Saint-Michel (1343–1468)* / Publ. S.Luce. T.I–II. P., 1879, 1883. T. I. P.23, 24, 34, 37.

¹ *Chronique de Bertrand du Guesclin...* T.II. Vers.19594–20440.

Chronique de Monstrelet (France, England, Bourgogne) 1400–1444 / Ed. J.A.Buchon. P., 1875. P.584, 619.

¹ *Chronique de la Pucelle...* P. 241–243.

Narratives of the Expulsion of the English from Normandy / Ed. Y Stevenson. L., 1863. P.84, 336, 368.

Требования шведских крестьян в восстании XV века

По единодушному мнению скандинавских историков, к которому нельзя не присоединиться, народные движения в Северной Европе достигли в XV в. такого размаха, накала и значения, каких не получали ни ранее, ни позднее.

Начало положили шведы в 1434–1436 гг. Это восстание под руководством Энгельбректа Энгельбректссона было смешанным по социальному составу: включало представителей низов, средних слоев и феодалов, в том числе высших. Оно имело комплексные задачи: национально-освободительные (против диктата Дании – главы Кальмарской унии трех скандинавских стран) и, одновременно, антифеодальные и стало подлинной народной войной. Очевидцы даже сравнивали его с восстанием гуситов. Шведское восстание стало толчком и образцом для восстаний в Норвегии (1436–1438) и Дании (1439–1443). Поэтому в основе предлагаемой краткой информации лежит шведский материал.

Все документы того времени в качестве основной движущей силы шведского восстания называют бондов. Термином "бонд" (bonde) сегодня скандинавы обозначают крестьянина, но в средние века он применялся исключительно к той их части, которая сохраняла родовую (наследственную) землю и была обязана повинностями лишь государству. Правда, имеются неоспоримые свидетельства, что в восстании участвовали также земельные держатели (как и все шведские крестьяне, они были лично свободными), бюргеры и, конечно же, горняки, которые стали волноваться еще в начале 30-х годов. Из среды гор-

ных мастеров – мелких дворян Далекарлии – вышел и руководитель восстания. Но упорное именованис повстанцев бондами весьма показательно. Это еще одно свидетельство большой общественной значимости данного слоя, в том числе его роли в восстании. Именно бонды, т.е. свободные (лично и поземельно) мелкие хозяева-общинники, составлявшие верхушку крестьянства, явились основной ударной силой общенародного движения.

Объясняя оппозицию бондов, хроника того времени выразительно описывает их лишения, вызванные растущими поборами, которые управители-фогды взымали по велению королей унии. Вседь дошло до того, что в местностях, где ранее проживало 100 бондов, осталось едва ли не 20; остальные же, очевидно, потеряли свой статус и влились в низшие, безземельные слои. Поэтому бонды, как говорит хроника, яростно выступали против королевских управляющих – фогдов. Немецкий хронист того же времени пишет о целях повстанцев, о том, что они стремились прогнать датского короля, иметь в Швеции "собственного короля", самим быть господами и вернуть порядки Эрика Святого, когда не было поштин, поборов, тяжелых налогов.

Протест против королей унии был для того времени политической реальией. Что же касается остальных лозунгов, то здесь речь, видимо, должна идти об утопии, обращенной в прошлое. Однако апелляция в этой связи к Эрику Святому весьма интересна и не случайна, а напротив, очень точна.

Эрик Святой – шведский король, погибший около 1160 г. и впоследствии канонизированный (он стал одним из первых скандинавских святых), был святым патроном домсена шведских королей (Упсальского удела) и Стокгольма. Его время было, по существу, последним, когда бонды, составлявшие большинство шведского населения, не имели регулярных налоговых обязательств, да и вопрос о них тогда еще не стоял. Как раз в середине XII в. в стране начались гражданские войны, которые продлились столетие – до середины XIII в., когда победили короли-

централизаторы. Тогда мятежно настроенная областная знать боролась против усиливавшейся центральной власти под знаменами язычества и народных свобод. И бонды активнейшим образом участвовали в этой борьбе, поддерживая главу оппозиции – знатный упландский род Фолькунгов. Последним их сражением стала битва с королевскими войсками при Спарсестере в 1247 г. "Сигтунские анналы" замечают по этому поводу, что общины крестьян (*rusticorum*) Упланда при Спарсестере "потеряли победу и свою свободу", на них были возложены регулярные налоги и подати. Шведы середины XIII в. приравнивали, таким образом, обязанность бондов нести регулярное тягло к "несвободе".

Через 200 лет поредевшие потомки тех бондов, которые сражались при Спарсестере, снова выступают против налогового бремени – теперь уже реального, утвердившегося и возросшего. Вопрос о государственном тягле остался, таким образом, основным для бондов, характерным объектом их социального протеста.

Можно также утверждать, что борьба против тяжести государственных поборов первоначально легла и в основу антидатских настроений бондов, их выступлений против датского государства (как монарха унии на шведском престоле) и его чиновников. На том историческом этапе освободительные настроения не имели еще подлинно общенациональной или, точнее, общегосударственной подоплеку. Чувство политической солидарности, общей гражданственности пришло позднее и в немалой степени уже в результате восстания. Понятно, что и в этой борьбе верхушка крестьян стала активной движущей силой.

Обиды, которые скопились у бондов, конечно, разделили бюргеры и горняки, т.е. группы из того же широкого в Швеции среднего слоя – слоя мелких, свободных, но непривилегированных собственников-налогоплательщиков.

Не менее важно и другое обстоятельство. Лозунги повстанцев показывают, что недовольство усиливавшимся нажимом со стороны государства стало основой верти-

кальной социальной солидарности, также характерной для движения 1434–1436 гг. Последняя стала тем связующим элементом, который позволил соединить в восстании силы средних слоев с силами как низших групп крестьян, горожан и горных людей (земельные держатели, наемные работники и др.), так и дворянства, – при том, конечно, что каждая из этих групп, вероятно, имела в восстании также и свои собственные задачи.

В этом случае снова стоит вернуться на 200 лет назад. Ведь смыкание бондов с феодалами на почве оппозиции королевской власти было характерно еще для мятежей второй половины XII–XIII вв.

И вот теперь, в 30-е годы XV столетия, мы обнаруживаем во главе народного движения 30-х гг. XV в. дворянина из числа горных мастеров и помещиков – Энгельбректа Энгельбректссона, а среди его ближайших сподвижников – дворянина Торстена Ингельшуна и представителя высшей знати Эрика Пуке.

К ловстанцам сразу же фактически присоединился Государственный совет – риксрод, не говоря уже о начавшем вскоре действовать сословном собрании – риксдаге. Эти учреждения стали регулировать движение, использовали его в своих интересах, затем подавили его, но тут же объявили себя наследниками вольнолюбивого Энгельбректа – точно так же, как короли-централизаторы из рода Ярла Биргера в середине XIII в. объявили себя наследниками своих побежденных врагов Фолькунгов.

Очевидно, что восстание 1434–1436 гг. не имело четкой антидворянской ориентации. И хотя в XV в. в народное движение влились новые слои – помещичьи крестьяне, бюргеры и вольные рудокопы, но их особые требования не были выработаны и в целом перекрывались требованиями и общими интересами податного сословия.

Мятеж не имел еретической окраски. В тактических его методах господствовали умеренный радикализм и готовность к компромиссу, почему интересы низов и оказались подчиненными интересам дворянства. В условиях дли-

тельного сохранения широких средних слоев, прежде всего за счет самостоятельного крестьянства, феодальная верхушка Швеции еще и в XV в. оставалась наиболее собранной и осознавшей себя политической силой, которая могла подчинить себе социальные интересы низов.

Аналогичные особенности были, вероятно, свойственны восстанию в Норвегии, где участвовали крестьяне вместе с низшими рыцарями, требуя отмены "незаконных" налогов и политической независимости страны. Лишь в Дании восстание охватило преимущественно крестьян и получило, видимо, более четкую антидворянскую направленность. Нелишне в этой связи напомнить, что в Дании сеньориальная зависимость крестьян была сильнее, нежели в других странах Северной Европы.

Литература

О политической истории стран Северной Европы см.: Сванидзе А.А. Швеция в период Кальмарской унии. Начало сословной монархии // История Швеции. М., 1974; Она же. Утверждение средневековых порядков (1047-1340) // История Дании. Т.1 М., 1997; Она же. Эпоха уний в Северной Европе: XIV – начало XVI в. // "Средние века", вып.52. М., 1987; Она же. Северная Европа в XII-XV вв. // История Европы. Т.II. Средневековая Европа М. 1992; Carlsson G. Sveriges historia till våra dagar. V.3:1. Stockholm, 1941; Brtlev K. Danmarks historia under dronning Margarethe och Erik af Pommern. V.1-2. 1882, 1901.

Специально о восстании Энгельбректа см.: Щеглов А.Д. Хроника Энгельбректа как исторический источник и памятник литературы. // "Хроника Энгельбректа" Пер., комм., вступит. статья А.Д.Щеглова. Отв. ред. А.А.Сванидзе (в печ.); Schück H. Engelbrekt Stockholm, 1915; Lönnroth E. Sverige och Kalmarunionen 1934 (ny uppl. 1969); Idem. Engelbrekt//Scandia, 1934; Nyström P. Engelbrekts revolution//Historieskrivningens dilemma. 1974; Larsson L.-O. Det svenska rådet och Engelbrektsupprorets in-

ledningsskede/Hist.Tidskrift, 1984, hf.3; Idem. Engelbrekt Engelbrektsson och 1400-talets svenska uppror. Stockholm, 1984.

Основной источник по восстанию: Nya eller Karlskrönikan/Utg. av G.E. Klemming//Svenska Medeltidens rimkrönikor. Samlingar utg. av Svenska fornskrift=sällskapet, 17:2. Stockholm, 1866. На современный шведский пересведена в: Svenska Medeltidens Rimkrönikor. Utg. av A.Rydfors. Stockholm, 1925. Подготовленный русский перевод – "Хроника Энгельбректа" (см. выше). Новейшие исследования хроники (и восстание) см. Щеглов А.А. Хроника Энгельбректа..., Schück H. Engelbrektskrönikan: Tillkomsten och författaren. Stockholm, 1994.

Борьба подмастерьев ганзейских городов против мастеров в XV–XVI вв.

Города вендской Ганзы – Любек, Росток, Висмар, Гамбург, Штральзунд и Люнебург – известны прежде всего как центры транзитной торговли. Их экономическая жизнь, в частности развитие ремесел, традиционно привлекала меньшее внимание. Немецкими историками (К.Вермайн, Э.Бодеман, О.Рюдигер, В.Штила и др.) достигнуты определенные успехи в описании цеховых обычаев и отдельных ремесел, однако вопрос о месте и роли ремесла в хозяйственной деятельности северных ганзейских городов по-прежнему остается нерешенным. Между тем имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о довольно заметном и регулярном сбыте ремесленных изделий этого региона на рынках Норвегии, Дании, Пруссии, России и других стран, что, безусловно, говорит о достаточно высоком уровне развития ремесла в ганзейских городах Северной Германии.

Не ставя перед собой задачу решения столь сложной проблемы в целом, мы ограничились рассмотрением лишь частного вопроса об основных причинах, характере и результатах борьбы подмастерьев северогерманских городов с мастерами в XV–XVI вв.

В уставах этих городов, где в ремесленных цехах существовала трехступенчатая иерархия, подмастерье обычно фигурировал под названием *Knecht* – работник. С середины XVI в. в отношении подмастерьев начинает употребляться термин *Gesellen* – товарищи¹. Ранее таковыми считались сотоварищи по ремеслу, мастера одного и того же цеха². Введение термина *Gesellen* применительно к подмастерьям косвенно свидетельствует, на наш взгляд, о признании цеховым законодательством их высокой, прак-

тически равной с мастерами, квалификации, и опосредствованно отражает изменения, которые произошли в цехе и были связаны с его замыканием и появлением слоя "вечных" подмастерьев.

На протяжении XV–XVI вв. доступ в цехи вендских городов стал заметно труднее. Поскольку все усложняющаяся на пути к званию мастера система преград и прежде всего экономические барьеры часто оказывались непреодолимыми для тех, кто домогался получения цеховых прав, часть подмастерьев фактически превратилась в постоянных наемных рабочих. Их рабочий день обычно составлял от 12 до 14 часов и оплачивался невысоко. Тяжесть положения таких подмастерьев усугублялась их приниженностью и бесправием. Как правило, они не могли без разрешения отлучаться из дома хозяина, использовались им для домашних работ, отчитывались о своем времяпрепровождении, тратах, знакомствах и т.п.

Из столь тяжелого положения у подмастерьев для защиты собственных интересов оставался один выход – объединяться в союзы, которые со временем, – как это, например, случилось в 1490 г. с висмарскими союзами скорняков и меховщиков, художников и стеклодувов³, – добились признания со стороны цехов и магистратов³. Однако известны случаи, когда подмастерья действовали совершенно самостоятельно и создавали союзы вопреки воле мастеров. Правда, сообщения об этом относятся к более поздним временам, когда основная цель подобных объединений – их борьба против произвола мастеров – стала слишком очевидна. Так, из письма любекского магистрата, направленного висмарским властям в 1576 г., становится известно, что полотнянщики вендских городов объединились "без согласия и разрешения своих хозяев"⁴. Поскольку в этом документе речь идет о вендских городах вообще, то можно предположить, что между подмастерьями одних и тех же профессий существовали межгородские связи.

Первоначально подмастерья объединялись в виде религиозных братств для совместного отправления культа свя-

тых – покровителей цехов. В цеховых документах содержатся сведения о том, что это не вызывало возражений у мастеров, осуществлявших строгий надзор за деятельностью союзов подмастерьев. Типичным примером союза такого рода может служить объединение висмарских шерстянщиков. Первые сообщения о нем относятся к 1489 г., но из записи в цеховой книге ясно, что союз возник ранее указанного времени⁵. Взаимопомощь его членов выражалась в предоставлении больным сотоварищам возвратных ссуд, участии в расходах на похороны умерших, в посредничестве при устройстве на работу пришлых подмастерьев и носила, как видно, ограниченный характер. Союз имел правление из 4-х человек, призванное поддерживать порядок, своевременно проводить общие собрания и уведомлять о них старшин цеха, представлять перед цехом интересы подмастерьев, в случае необходимости налагать на провинившегося штраф. В должности члена правления подмастерье оставался год, в течение которого он не имел права странствовать. Финансами ведали 3 казначея: 2 подмастерья и мастер, причем на мастера цеховыми властями, видимо, возлагались функции контроля за деятельностью союза. Ежегодно старший кассир отчитывался о расходовании союзных средств, после чего он переизбирался и вручал ключи от кассы, хранившейся в доме цехового старшины, своему преемнику.

Принадлежность к союзу носила принудительный характер и выражалась в уплате вступительного и членского взносов, причем последний вносился поквартально и составлял 4 пфеннига. Такой же взнос каждый квартал уплачивали и подмастерья художников, которые, сверх того в последний день года вносили в казну своего союза еще по 6 пф.⁶

Итак, сроки уплаты взносов были строго определены, а их нарушение влекло за собой у висмарских шерстянщиков уплату штрафа в 1 шиллинг, у бочаров и шляпников – 2 шиллинга⁷. В случае неповиновения подмастерью грозили бойкот и увольнение. Таким образом, налицо втор-

жение союза подмастерьев в прерогативу мастера по найму рабочей силы, что, естественно, создавало почву для столкновений между ними.

Один из таких конфликтов, как видно из письма старшин цеха в городской магистрат⁸, произошел в 1489 г в висмарском цехе шерстянщиков. Поводом к нему послужило обвинение одного из подмастерьев в чрезмерном употреблении пива из цеховых запасов, что другим его товарищам казалось несправедливым. Но поскольку виновность его доказать не удалось, то двух подмастерьев, выступивших с обвинением, правление цеха приговорило к уплате по 3 шилл. штрафа. Они, однако, отказались внести деньги на том основании, что разбором дела занимался не союз подмастерьев, а мастера. В знак протеста подмастерья объявили бойкот и организованно покинули мастерские, заявив, что не приступят к работе до тех пор, пока мастера не отменят наказания для их товарищей. В такой обстановке мастера оказались вынужденными пойти на уступки и отменить свое прежнее решение. Кроме того, из подмастерьев были избраны 4 человека для решения вопросов о найме на работу. И хотя мастера признавали глубокость для себя такого шага, не сделать его они в сложившейся ситуации уже не могли.

Таким образом, в ходе упомянутого выступления были выдвинуты требования создания особого суда подмастерьев для улаживания конфликтов с мастерами, допущения подмастерьев к участию в распределении рабочих мест. Благодаря сплоченности подмастерьям удалось одержать победу.

Порой мастерам и подмастерьям удавалось достичь компромисса в деле трудоустройства. В частности, об этом свидетельствует договор ремесленников и кошельчников шести вендских городов, заключенный в 1540 г. между мастерами и подмастерьями. Совместно их представители обязывались в течение 14 дней подыскать пришлому подмастерью работу, однако, если ее не находилось, то подмастерь должен был покинуть город⁹.

Упомянутый документ сообщает и другие любопытные сведения. Например, он запрещает подмастерьям самим, без участия старшин цеха и мастеров, судить своих товарищей, а также прибегать к третейскому суду¹⁰. Следовательно, вынужденные примириться с существованием союзов подмастерьев, хозяева тем не менее пытаются ограничить их компетенцию. Вряд ли стоит сомневаться и в том, что это – реакция мастеров на ранее выдвигавшееся подмастерьями требование улаживать конфликты между мастерами и подмастерьями не членами своего цеха, а третейским судом мастеров одноименных профессий соседних городов, а также на требование создать особые суды подмастерьев, которые, возможно, и действовали на практике.

Со временем союзы подмастерьев вендских городов не только вырывают у мастеров право юрисдикции по делам подмастерьев и функцию распределения работы, но и берут на себя, как сообщают их уставы, осуществление надзора за всей жизнью подмастерья: за его поведением, характером одежды и т.п.¹¹

Однако основной почвой для конфликтов служили вопросы экономического характера. Прежде всего это касалось нарушения договора о найме, относительно чего мастера вендских городов, также объединявшиеся в противовес подмастерьям и для борьбы с ними в межгородские союзы мастеров одноименных профессий, занимали особенно непримиримую позицию. Межгородские соглашения бочаров (1321, 1366 гг.), кузнецов (1494 г.), шляпников (1574 г.) и др. гласят, что подмастерье, покинувший своего хозяина до истечения предусмотренного договором срока, не может быть принят на работу ни в одном из подписавших соглашение городов¹². Следовательно, подмастерью учинялся бойкот в пределах целого округа, делалась попытка сломить его экономически. Так мастера намеревались добиться от подмастерьев покорности, прикрепить их хотя бы на время к мастерской, гарантировав себя от неожиданной потери рабочих рук. Закреплялась

уга мера требованием от поступающего на службу подмастерья так называемого служебного письма — своеобразной характеристики-рекомендации от прежнего хозяина, причем предъявление его с XV в. становится в вендских городах обязательным.

Вторым источником конфликтов был вопрос о заработной плате. По свидетельству межгородских соглашений мастеров, последним удалось ввести максимальные ставки. В итоге материальное положение подмастерьев ухудшилось, так как для наиболее квалифицированных из них создавался "потолок" заработной платы, выше которого они подняться не могли, а для менее искусных нормой становились вычеты из заработной платы из-за невыполнения заданий, рассчитанных на самых умелых работников.

Не менее важное значение для подмастерьев имела продолжительность рабочего дня. Здесь главное требование сводилось к предоставлению подмастерьям "голубого" понедельника. В большинстве случаев им удалось добиться одного в две недели дополнительного выходного.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет заключить, что, выдвигая свои требования, подмастерья вендских городов по сути дела были не просто организациями по оказанию взаимопомощи, но и важнейшим средством борьбы с произволом мастеров. Религиозные лозунги служили лишь формальным мотивом для создания организации, главная причина их борьбы крылась в постепенном превращении подмастерьев в эксплуатируемых наемных работников в результате замыкания цехов.

Не выступая против цехового строя в целом, они борются за свои насущные узко групповые интересы и не шли дальше мелких столкновений в рамках отдельных цехов.

Примечания

См. например, устав висмарских ювелиров 1543 г. — Grull F. Das Auf der Goldschmieden Wismar W., 1887 Anm. 2. S. IV § 16.

Столцикая-Терещкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.-Л., 1936. С.110.

³ Grull F. Op. cit. S. 15.

⁴ Brüggemann J. Das Zunftwesen der Stadt Wismar bis Beginn des 17. Jhs. // *Mecklenburgische Jahrbücher*, 1935, N 99. S. 161 (далее — MJbb.).

⁵ Techen F. Aus dem Amtszeugenbuche der Wismarschen Wollenweber. — MJbb., 1893. N 58. S. 37—42.

⁶ Brüggemann J. Op. cit. S. 161.

⁷ Ibid. S. 162.

⁸ Techen F. Op. cit. S. 38—42.

⁹ Bodemann E. Die älteren Zunfturkunden der Stadt Lüneburg. Hannover, 1883. S. 184 § 4.

¹⁰ Ibid. § 6, § 8.

¹¹ Burmeister T. Altertümer des Wismarschen Stadtrecht. Hamburg, 1838. S. 45—49.

¹² HR, I, Bd. I. N 105—110; Bd. 2. N 376. Hofmeister A. Die Amtrezesse der wendischen Städte // *Hansische Geschichtsblätter*, 1889, Anh. S. 208—210; Wehrmann C. Die alten lübeckischen Zunftrollen. Lübeck, 1864. S. 446; Bodemann E. Op. cit. S. 112—116.

У истоков идеологии крестьянских крестовых походов в Венгрии во второй половине XV–XVI вв.

Со второй половины XV в. опасность турецкого завоевания нависла уже непосредственно над Венгерским королевством и подвластными ему землями. К этому времени идея крестового похода как международного предприятия европейского рыцарства показала свою несостоятельность¹. Организационные усилия римских пап в этом направлении видимых результатов не приносили, и Венгерское королевство было вынуждено рассчитывать в основном на свои силы в борьбе с султаном². Однако большинство венгерских феодалов не спешило откликнуться на призывы пап сокрушить неверных из-за боязни идти на большие расходы³. Так Белград, осажденный в 1456 г. турками, удалось спасти только благодаря войску Яноша Хуняди и крестоносцам, в рядах которых, как единодушно отмечали современники, абсолютно преобладало простонародье⁴. В 1514 г. призыв церкви крестовым походом обрушиться на прорывавшихся к Хорватии турок в первую очередь нашел поддержку в крестьянской среде. В то же время бароны снова медлили и, по сообщениям авторов исторических трудов XVI в., на "Государственном собрании" высказывали серьезные опасения в связи с тем, что крестьяне вооружаются и собираются в отряды. Бароны боялись, что в результате этого "война", которой они хотят отразить врага, обратится против них самих, превратится во внутреннее опустошение⁵. Эти опасения оправдались.

Позже, в условиях крайнего ослабления центральной власти и усиления политической борьбы внутри класса феодалов на фоне растущей турецкой угрозы крестьяне в борьбе с турками были вынуждены прибегать к самостоятельным действиям, формируя отряды самообороны, перестраивая на военный лад жизнь в своих комитатах. Так возникла комитатская крестьянская военная организация со своей структурой военных сил, своими командирами. Подобная ситуация сложилась не только в южных областях Венгерского королевства, но и в австрийских Каринтии, Крайне, Штирии, со второй половины XV в. также испытывавших на себе усиливавшийся натиск Порты⁶

В своей борьбе против османов крестьяне продолжали использовать традиционную и популярную в народной среде идею крестового похода. Именно так сформировалась в 1526 г. армия серба по происхождению Йована Черного, состоявшая преимущественно из сербских, а также из присоединившихся к ним венгерских, владшских крестьян, а также воинов пограничья⁷. Эта армия появилась и действовала после трагической для Венгерского королевства битвы при Мохаче, в которой почти полностью было уничтожено немногочисленное феодальное войско во главе с королем. После этого поражения правящий класс впал в состояние глубокой апатии и бездействовал, позволив туркам огнем и мечом пройти через всю страну до самой столицы. В этих условиях крестьяне были вынуждены встать на защиту своей жизни и своего имущества. Попытки народных низов самостоятельно бороться против османской агрессии продолжались и позже. В 1569–1570 гг. близ турецкой границы у Дебрецена по призыву "нового пророка" Дьердя Карачоня (Гергэ Крачуна) собралось 10-тысячное крестonosное крестьянское войско.

Что общего между этими происходившими в разное время, в разных областях государства, в разной политической обстановке крестьянско-плебейскими выступлениями, Почему народные массы так живо откликались на призывы церкви, в то время как феодалы уклонялись от

выполнения своих прямых обязанностей перед обществом? Какие идейные мотивы двигали при этом крестьянско-плебейскими массами? И были ли они вообще в данном случае присущи крестьянству?

По справедливому утверждению Е.В.Гутновой, участие крестьянских масс в крестоносном движении "представляло собой как специфическую форму их социального протеста, близкую по своим исходным причинам к побегам и уходам, к крестьянской колонизации XI–XIII вв., так и проявление народной религиозности"⁸ И хотя Е.В.Гутнова имеет в виду походы первого периода "классического" средневековья, ее замечания в равной мере можно отнести и ко второй половине XV–XVI вв. Присутствие крестьянско-плебейского элемента в таких предприятиях содержало в себе угрозу взрыва социального недовольства – и тем более в тех случаях, когда войско собиралось по инициативе народных низов, которые к тому же численно преобладали в данном случае.

События, связанные с перечисленными выше крестовыми походами, подтверждают это положение. После освобождения Белграда от турок 22 июля 1456 г. начались волнения среди недовольных приказами командования войск крестоносцев, которые в отличие от баронов жаждали продолжения военных действий, чтобы захватить добычу от бегущих в беспорядке турок⁹ Открытого бунта удалось избежать лишь потому, что крестьянские отряды были распущены в двухдневный срок под угрозой строгого наказания в отношении ослушавшихся. Однако след недовольства потянулся вместе с ними в деревни южных окраин Венгерского королевства, которые в основном и "поставили" участников сражения при Белграде. В итоге феодальное войско, не желавшее продолжения войны с турками, под предводительством королевского судьи отправилось против взбунтовавшихся крестьян (*contra insultus rusticorum*)¹⁰

В 1514 г. в процессе сбора войск крестоносцев и ожидания выступления против турок, чему всячески препятст-

вовали феодалы, терзавшие работников своих имений, вспыхнуло одно из крупнейших в истории средневековой Европы крестьянское восстание под предводительством Дьердя Дожи.

В 1526 г. 10-тысячное войско Йована Черного, которому новоизбранным венгерским королем Яношем Запольи была поручена охрана южных рубежей государства, стало все чаще вопреки существующему общественному порядку, захватывать поместья венгерских феодалов, нападать на их замки, города, рыночные местечки, грабить купцов. Против Йована был объявлен крестовый поход феодалов, плачевно закончившийся для последних. Лишь после нескольких неудачных попыток венгерские феодалы расправились с Йованом Черным и его людьми¹¹. В противоположность прежней оценке в историографии этого движения как классовой борьбы крестьянства, направленной против феодальной эксплуатации, и, следовательно, антифеодального по своему характеру¹², в работах венгерских историков последних лет оно оценивается как широкое по своим задачам движение различных социальных групп, которому была лишь присуща антифеодальная окраска¹³.

Дьердь Карачонь в 1570 г. направил передовой отряд своего крестоносного крестьянского войска против турок. Этот отряд без особых осложнений был почти сразу рассеян противником. Дьердь Карачонь искал виновников этого поражения среди примкнувших к крестоносцам чуждых элементов, отмеченных неверием и алчностью. Он пытался принудить к помощи отвернувшийся от крестоносцев городской совет Дебрецена и напал на город. Крестьяне были разбиты силами горожан и подоспевших феодалов, несмотря на то, что по умолчанию источников, крестьянский "пророк" не подстрекал – во всяком случае прямо – против господ и не предпринимал открытых антифеодальных действий¹⁴.

Таким образом, угроза перерастания крестьянских крестовых походов в антифеодальные движения существовала всегда, хотя и не во всех случаях реализовывалась. По

вполне понятным причинам феодалы в этот период безоговорочно отрицательно относились к подобным инициативам народных низов, и жестоко пресекали их. У венгерских феодалов оснований для опасений было тем больше, что, во-первых, в целях самообороны от османов крестьяне создавали свои военные организации, которые могли быть использованы как в крестоносном, так и антифеодальном движении. Во-вторых, среди выступавших против турок, – а затем порой и своих феодалов, – крестьян было немало воинов пограничья, которые оказывались не у дел после захвата турками все новых и новых земель бывшего Венгерского королевства. Профессионализм и военный опыт пограничников придавал большую боеспособность и организованность крестьянским войскам.

Переходя к вопросам идеологии крестьянских "крестовых походов" в Венгрии во второй половине XV–XVI вв., я должна сказать, что они затрагивались в развернувшейся в 60–70-е годы в венгерской историографии дискуссии об идеологии в эпоху феодализма в связи с анализом понятий "родина" и "нация"¹⁵. Если в первых работах венгерских историков-марксистов превалировала мысль о том, что народными массами, участвовавшими в широких освободительных движениях XV–XVII вв., двигало чувство патриотизма и стремление защитить свою родину перед лицом иноземных захватчиков, то в дискуссии были сделаны попытки конкретизировать понятия "патриотизма" и "чувства нации" с учетом их классового содержания в феодальном обществе, а также их эволюции в ходе исторического развития. Такие нравственные категории, как "родина", "нация" (в том виде, в каком они существовали тогда у господствующего класса) воспринимались крестьянами и плебсом, и трансформировались в народной среде в соответствии с ее мировоззрением и насущными потребностями. Можно согласиться с Э.Мольнаром, который еще до дискуссии ставил эти вопросы в связи с событиями у Белграда в 1456 г., полагая, что тогда народ "был полон решимости защитить свои

бедные хижинны от огня пожаров, свои семьи от рабства, несколько голов скота от того, чтобы его угнали. Он решил защитить то, что в феодальном обществе для него могло означать родину (курсив мой. – Т.Г.)¹⁶ Также, по мнению другого венгерского историка, М.Комьяти, можно трактовать понимание крестьянами своей причастности к "христианскому миру", которое от феодального понимания единства с христианской Европой, в крестьянском мировоззрении сужалось до идеи о "родном доме", "родной деревне"¹⁷ Видимо, приняв такой критерий оценки, мы сможем лучше разобраться в том, почему в 1456 г. на призыв папских легатов Хуана Карвахала и Джованни Калистрано "поднять крест" против неверных в конечном счете откликнулось больше всего жителей пограничных районов Венгерского королевства. При этом в источниках крестьянского происхождения в связи с вербовкой крестоносцев фигурирует слово "patria" как синоним "деревни" или "городка с округой"¹⁸ И если при первоначальной проповеди этого крестового похода в южных районах ставка делалась лишь на католиков, а православному населению, воспринимавшемуся папскими эмиссарами (кстати, инквизиторами) как еретики, было отказано в праве вступать в ряды крестоносцев, то позже, после настойчивых требований Яноша Хуняди, поддержанных папой, Джованни Калистрано отодвинул религиозные разногласия на задний план и обратился с проповедью ко всем христианам. Последний призыв оказался более действенным¹⁹ Близкое к этому понимание "родины" встречается в документах 1514 г. – в воззвании Дьердя Дожи к городам, местечкам и деревням Венгерского королевства. Он грозит разрушением домов, разорением имущества, убийством жнн и детей тем, кто не присоединится к его войску²⁰ Думается, что в народной среде проповедь крестового похода во второй половине XV–XVI вв. встречала более горячий отклик, чем в XII–XIII вв. именно потому, что сейчас речь шла о защите кровных интересов крестьян.

яинства, самому существованию которого угрожала реальная опасность

К такому, своего рода "естественному патриотизму", который самими крестьянами, конечно, не осознавался как таковой, очевидно, примешивалось чувство справедливого недовольства по поводу того, что господа не хотят защитить своих подданных от постоянных опустошительных турецких набегов. Немало подобных рассуждений встречается в трудах историков XVI в., писавших, в частности, о восстании Дьердя Дожи, и в большинстве своем с глубоким сочувствием относившихся к бедам венгерского крестьянства, к его угнетенному положению. Эти историки гуманистического толка осуждали бездействие баронов и дворян, которые вместо того, чтобы сражаться с турками, вконец обленились и предаются разгулу и разврату в своих поместьях²¹. Не сохранилось прямых письменных свидетельств высказываний крестьян и их вождей о нарушении дворянами их общественного долга. Однако можно предположить, что такие разговоры и мнения были распространены в народной среде и из нее попали в историческую литературу.

Аналогичную ситуацию проследил в антитурецких призывах, памфлетах и статьях крестьянских союзов южной Австрии в 1470 г. венгерский историк Е. Сюч. После опустошительных набегов турок крестьяне, отразившие их, задавались вопросами: а где же были господа? Что это за мировой порядок, в котором главное дело дворян – война, а они не воюют и не хотят воевать? Что это за порядок, при котором крестьяне не только выполняют свою работу, но вынуждены кроме того выполнять обязанности за дворян, и владеть не только плугом и ярмом, но и мечом? Высказывались обвинения в адрес дворян, которые будто бы предали крестьян, заключив тайный союз с османами. В этих условиях крестьяне считали себя защитниками христианской веры, "избранным богом" народом, освобождая себя от обязательств в пользу господ и, наконец, подняли против них восстание²².

Таким образом, крестьяне приходили к мысли о необходимости самим оборонять свою "малую родину" от турок, осознав, что господа отказываются встать на защиту интересов своих подданных. Речь идет о своеобразном нарушении общественного договора, на котором строился в представлении средневекового человека общественный порядок с присущим ему распределением обязанностей между *oratores*, *bellatores*, *laboratores*. Здесь уже отчетливо видны проявления социального недовольства крестьянства несправедливостью общественного порядка и обоснование законного права нарушить его.

Религиозные мотивы были ведущими в идеологии крестьянских крестовых походов. Это и понятно. Их диктовал религиозный характер самого предприятия, объявленного церковью или затеянного самими народными низами. Не только интуитивное стремление избавиться от феодального гнета и притеснений уводило крестьян из родных мест, но и искреннее религиозное чувство. В борьбе с неверными крестьян окрыляла надежда получить обещанное церковью участникам походов вечное спасение или, по крайней мере, отпущение грехов. Это чувство не покидало их и тогда, когда они обращали свое оружие против своих феодалов. Источники свидетельствуют о том, как происходила трансформация этого, казалось бы, банального и чисто религиозного представления, в социальную идею. Руководители одного из крестьянских отрядов в несостоявшемся крестовом походе 1514 г. Тамаш Кечкеш и Лёринц Месарош в своей прокламации обращаются к народу от имени папы, архиепископа и короля, но при этом вопреки содержанию папской буллы обещают спасение и прощение не только в общей форме всем принявшим участие в походе или помогающим ему, но особо – беднякам, "желающим получить прощение и помогающим в меру своих сил" При этом *principes cruciferorum*, как себя называют оба этих вождя, разрешают безнаказанно убивать сборщиков налогов²³ За это, как явствует из распоряжения архиепископа Тамаша Бакоца о прекращении похода,

преследователи и убийцы получали индульгенцию на 100 дней²⁴. Таким образом, в данном случае под традиционной формой папской буллы появляются элементы новой, революционной трактовки воздаяния. Понятию же "неверный" крестьяне распространяли на своих господ, которые не только сами не "поднимали крест", но и преследовали крестьян в выполнении их святого долга перед Богом и церковью²⁵. В число "неверных" господа попадали в представлении крестьян еще и потому, что притесняли последних не менее жестоко, чем турки.

Себя крестоносцы называли "благословенным народом крестоносцев" (*benedictus gens cruciferorum*)²⁶, который в силу своей богоизбранности должен одержать победу над неверными. Эту, радикально понимаемую идею хилиастической избранности, как и многие другие, принесли в ряды крестоносцев монахи-обсерванты, унаследовавшие ее от западноевропейских спиритуалов и бегингов XIII – начала XIV в. Они пронесли ее в проповедях походов 1456 г и 1514 г. На нее опирался в 1569–70 гг. и Гергэ Крачун. Но в 1456 и 1569–70 гг. основной акцент в проповеди делался на то, что даже малочисленное и вооруженное не мечами и копьями, а молитвой и покаянием богоизбранное войско бедняков сокрушит турка-Антихриста. Хуан Карвахал писал в Рим: "Мы не должны представлять так, как будто возлагаем надежды на оружие. Я не позволил нашим слугам брать с собой оружие, которое они принесли с собой. Вся моя надежда на молитвы церкви, и только на них"²⁷. Янош Хуняди, конечно, решительно возражал против подобной агитации. В 1570 г. безоружное войско крестоносцев двинулось на турецкий лагерь с пением псалмов и под звуки труб в надежде на то, что вражеские укрепления рухнут от этого. В результате это "войско" разбежалось при первых выстрелах турецких пушек²⁸. Хилиастические настроения в этих событиях были особо ярко выражены, поскольку дебреценские протестантские проповедники, имевшие огромное влияние на крестоносцев, предрекали конц света на 1570 г.²⁹ Думается, что в

создавшейся ситуации при наличии подобных настроений лишь один шаг отделял крестоносцев от восстания, которое разразилось бы, не будь крестоносцы рассеяны при попытке захватить Дебрецен.

Итак, религиозные идеи играли в крестьянских выступлениях огромную роль – более того, можно сказать, исключительную, если учесть, что проповедь крестового похода поручалась церкви, в основном монашеству. Конечно, настроения масс во многом зависели от того, какие мысли и идеи им внушат проповедники, которые к тому же чаще всего сопровождали свою "крестоносную паству" в походе. Какие же проповеди и призывы слушали крестоносцы? Перерастание религиозного предприятия в антифеодальное происходило вопреки или благодаря этим призывам? Если "благодаря" и "в результате" – то каким образом они отразились в идеологии крестьянских антифеодальных выступлений?

При изучении генезиса крестьянской идеологии в крестьянских движениях, которые носили антифеодальный характер или имели хотя бы антифеодальную окраску, важно знать, кто в Венгрии занимался проповедью крестовых походов и какие настроения были распространены в самой церкви.

Эта миссия была поручена в Венгрии францисканцам-обсервантам. Их орден, возникший в ходе борьбы с конвентуалами, с середины XV в. занял особенно прочные позиции в Венгрии. В 1448 г. от Боснии отделилась особая провинция ордена в Венгрии, названная "*provincia sanctissimi Salvatoris*"³⁰. К 1520 г. на территории Венгерского королевства насчитывалось около 70 монастырей обсервантов, расположенных в девяти орденских округах³¹. В южных районах Венгерского королевства и в Трансильвании орден обсервантов оказался в центре борьбы с распространившейся там гуситской ересью. Ему было также поручено обращение в католицизм схизматиков из православного населения. За этим занятием, кстати, застают в Венгрии Джованни Капистрано события 1456 г. Отсюда

становится понятной важная роль, которую играл орден в жизни этих областей и его авторитет по всему королевству, поддерживаемый еще и благодаря просветительской деятельности монахов и соблюдению ими более строгих, чем в некоторых других орденах, правил жизни.

Кроме прочего на францисканцев-обсервантов была возложена и антитурецкая пропаганда. Так, они оглашали папскую буллу и проповедовали крестовый поход в 1456 г., и через 60 лет, в 1514 г. Однако во второй раз многие монахи этого ордена, воспользовавшись порученной им миссией, как свидетельствуют источники, стали вести агитацию против духовных и светских властей. Они призывали отказываться от платежей светским господам и налогов королю и других обычных платежей, призывали преследовать и убивать сборщиков налогов, общая за это прощение грехов³² Тамаш Бакоц обвинял таких "живых проповедников" в том, что "по вине ...этих отступников, отлученных от церкви, а порой и по их собственному почину опустошаются имения, дома и жилища дворян и других честных людей, их добро и имущество превращаются в военную добычу, домашний скarb разбивается, здания разрушаются до основания и поджигаются, без разбора совершаются убийства..."³³ Подстрекательские речи "серых монахов" Дьердь Дожа слышал еще в юности, как о нем пишет Тауринус – автор поэмы о крестьянской войне, написанной в 1519 г.³⁴ И хотя речь Дожи, в которой он якобы произносит эти слова, выдумана поэтом, в ней, очевидно, отражена общая ситуация – провокационные проповеди социального содержания. Тауринус называет беглых монахов среди наиболее активных участников восстания³⁵

Действительно, источники свидетельствуют о том, что монахи-обсерванты возглавляли одни крестьянские повстанческие отряды или входили в состав руководства других. Важным представляется наблюдение Е.Сюча о том, что все узловые точки восстания совпадали с расположением монастырей ордена³⁶ О массовом участии обсервантов в Крестьянской войне 1514 г. говорит и то, что после

ее подавления в ордене в течение года велось тщательное расследование о тех монахах, которые "недостойно повели себя в этих событиях"³⁷ Наконец, 48-я статья закона 1514 г., "принятого на Государственном собрании" после подавления восстания, предусматривала "расследование дел преступных священников" и их наказание³⁸, а статья 60-я во избежание возможных инцидентов в будущем – строгое наказание для монахов и школяров, носящих оружие³⁹

Одной из причин участия низшего духовенства в событиях 1514 г. на стороне крестьян была, несомненно, их близость к крестьянству деревень и жителям рыночных местечек. В этом плане полезно сравнить упомянутое выше наблюдение Е.Сюча с выводами другого венгерского историка Г.Барты, который установил, что маршруты движения отрядов восставших крестоносцев в основном пролегали через области с высокой концентрацией рыночных местечек, в первую очередь, в Альфёльде⁴⁰ Мало того, что священниками низшего ранга становились выходцы из деревень и рыночных местечек, вся их последующая жизнь и деятельность была теснейшим образом связана с населением рыночных местечек и крестьянством. Поэтому они знали и понимали нужды и чаяния народных низов.

В то же время в документах Крестьянской войны монахи, примкнувшие к восставшим, называются "отступниками", отлученными от церкви (apostates et excommunicates)"⁴¹, "приведенными в движение не нашей властью (т.е. Тамаша Бакоца – Т.Г.) и властью святого апостольского престола, а внушением злых духов и сеятелей плевел, постыдным дерзновением и святотатственным безрассудством"⁴²

Во-первых, ими могли быть последователи гуситского учения, имевшего, как уже упоминалось, большое распространение в южных областях королевства. Об их влиянии на восставших венгерских крестьян указывает папский протонотарий в письме к Миланскому герцогу. Он пишет о том, что чехи-схизматики учат в Венгерском королевстве

толпы людей не подчиняться папскому престолу и не платить церковную десятину⁴³

Но в то же время отступничество существовало и внутри самого ордена францисканцев-обсервантов. Речь идет о монахах, последователях радикального спиритуализма, с которыми орден боролся задолго до Крестьянской войны. Следы этого раскола зафиксированы в хронике ордена 1510–1533 гг., формулах и грамотах ордена, проповедях⁴⁴ Уже во второй половине XV в. часть францисканцев-обсервантов требовала реформ в духе спиритуализма и аскетизма, не подчинялась дисциплине ордена и распоряжениям викария, покидала братство, чтобы полностью отдаться аскетической жизни. Многие из них бежали тогда в Молдавию, где в 60–70-е гг. XV в. сохранялись очаги гуситского движения после преследований, которым они подвергались инквизицией в южных областях Венгерского королевства. В первые десятилетия XVI в. в Венгрии распространяются различные аскетические секты, в частности, флагеллантов, которые вышли из-под контроля ордена⁴⁵ Участились случаи неповиновения молодых монахов уставу и приказам ордена⁴⁶ в результате чего в 1513 г. из Италии был прислан эмиссар для расследования "бунта ложных братьев"⁴⁷ но этот эмиссар сам попал под влияние оппозиции⁴⁸ Викарий ордена обращал особое внимание на молодых монахов, которые задумываются над тем, что написано в Священном писании, различных церковных книгах, берутся комментировать их, что скорее приводит братьев в возбуждение и нарушает их спокойствие, чем способствует оздоровлению⁴⁹ Чтобы избежать чуждого влияния, руководство провинции ордена в Венгрии предписывало братии ограничиваться короткими и словесными комментариями текста⁵⁰

В проповедях некоторых францисканцев-обсервантов содержались элементы социальной критики, которые как раз могли привлекать монашескую молодежь, а также определенные круги мирян. С такими проповедями могли выступать вполне заслуживавшие доверия и пользовав-

шиеся авторитетом духовные лица. Например еще в 1456 г. Джованни Капистрано, в благонадежности которого нет оснований сомневаться хотя бы потому, что с 1446 г он являлся главным викарием всех обсервантских монастырей, а также был инквизитором, во время белградской битвы говорил перед крестоносцами о том, что "господь выбрал слабых, бедных и беспомощных, чтобы они уничтожили и рассеяли могущественных"⁵¹ И хотя под "могущественными" он подразумевал турок, интерпретировать его могли по-всякому. Не случайно, когда после победы в лагере крестоносцев начались волнения, то звучали разговоры о том, что победа была достигнута не баронами, которые тем не менее хотят воспользоваться ее плодами⁵²

Викарий ордена обсервантов в венгерской провинции Ошват Лашкаи, живший во второй половине XV – начале XVI вв., в молодости отдал дань увлечению левыми францисканцами, что нашло выражение в его ранних проповедях. Они пользовались такой популярностью, что несколько раз пересиздавались уже в конце XV – начале XVI в.⁵³ У него можно найти соображения о богатстве и бедности, о власти господ, о земном порядке, о законах, о благородстве и т.д. В целом он признавал существующий порядок, восхвалял бедность, оправдывал богатство, призывал к послушанию. Но когда Лашкаи делал краткие экскурсии в современность, он позволял себе критические замечания. Так, говоря о положении современных ему деревень и рыночных местечек, он осуждал произвол господских управляющих: "Скотская эта власть!"⁵⁴ Рассуждая о том, почему у богатых меньше детей, чем у бедных, Лашкаи утверждал, что это божественное установление ради пользы бедняков. Ибо " дети богачей и так продолжают обычаи родителей, угнетая бедных, выкачивая из них деньги, терзая их многими повинностями и службами... ибо волк порождает волка, и сын не лучше отца..., грабитель порождает грабителя..."⁵⁵ Но поскольку Бог не может быть сторонником зла, рассуждал Лашкаи, а на-

оборот, разрушает его, он не дает жестоким богатым много детей⁵⁶ Оправдывая богатство и бедность, Лашкаи возмущался теми, кто незаконным путем наживает сокровища и земли. Он сокрушался о том, что установленный Богом на земле порядок не соблюдается, ибо "сколько таких, кто не трудится как крестьяне, не несет слово как священники, не сражается как воины – более того, живет не так, как люди, не поддерживает никакого порядка, и из-за этого на том свете будет страдать вместе с демонами"⁵⁷ Размышляя о благородстве, Ошват осуждал тех господ, которые считают крестьян имуществом подобным скоту, и говорил о том, что Бог создал всех людей равными: он не хотел, чтобы один, ставя себя выше другого, презирал его. Все люди произошли от одного предка – Адама. И это равенство между людьми должно соблюдаться до тех пор, пока люди живут разумом. Потеряв же разум и впад в грех, человек становится подобным скотине⁵⁸ Обосновывая необходимость светской власти тем, что она должна защищать подданных, исправлять дурные нравы и направлять людей на истинный путь, Лашкаи в то же время признавал за подданными право не подчиняться и не платить подати тем, кто злоупотребляет властью, грабит подданных и грешит⁵⁹

Идеи, высказанные в проповедях Лашкаи – пусть их не всегда можно называть оригинальными – способствовали углублению раскола среди обсервантов. Этот раскол и привел наиболее революционные их элементы в ряды восставших в 1514 г. крестьян. Отголоски этих идей мы встречаем в документах Крестьянской войны и в исторических произведениях современников, описавших ее.

Крестьянская война 1514 г. была подавлена, ее руководители казнены, а "ложные" проповедники сурово наказаны. Однако саму оппозицию в ордене обсервантов ликвидировать не удалось. Усиливалась критика папства, богатства церкви, аморальной жизни прелатов и других духовных лиц. В 30-е гг. XVI в. среди обсервантов стали распространяться лютеровские идеи. С этого времени лю-

теранство в его радикальной трактовке все больше становится идейным знаменем в антифеодальных выступлениях народных масс в Венгрии.

Примечания

- ¹ См. об этом: Atiya Aziz Suryal. The crusades in the later Middle Ages. London, 1938.
- ² Barta G. Nandorfehérvár, 1456. Bp., 1985. 205–214.o.
- ³ Thuróczy J. A magyarok krónikája. Bp., 1978, 418–419.
- ⁴ Történelmi Tár. 1901. 214.o.
- ⁵ Regni Hungarici Historia per Nicolaum Istuanffium Pannonium ejusdem Regni Proolatinum libris XXXIV Coloniae Agrippinae, 1685. P.42–43.
- ⁶ Szűcs J. Nemzet és történelem. Tanulmányok. 2.kiadás. Bp., 1984. 128–130.o.
- ⁷ R.Kiss. Fekete emberek a magyar történelemben. – Debreceni Szemle. Debrecen-Budapest, 1929. 13–14.o.
- ⁸ Гусарова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI–XV вв.). М., 1984. С.250.
- ⁹ Bolcskey O. Capistranói Szent János élete és kora. 2.köt., Szekésfehérvár, 1923. 340.o.
- ¹⁰ Wagner. Diplomatarium comitatus Sarosiensis, 65–66.o.
- ¹¹ Szeremi Gy. Magyarország romlásáról. Bp., 1979. 126–127, 138–163, 141.o.
- ¹² История Венгрии. Т. I М., 1971 С.355.
- ¹³ Magyarország története. 1526–1686. I.köt. Bp., 1985, 173.o.
- ¹⁴ Szabó J. Karácsony György totemmozgalmának rugói. – Debreceni Szemle. 1929. 142–146.o.
- ¹⁵ Molnár E. Ideológiai kérdések a feudalizmusban. A nemzeti kérdéshez. A "haza" fogalma a feudalizmus korszakában. – Térsándalmi Szemle. 1961, I–3, sz. Várkonyi A. A nemzet, a haza fogalma a török harcok és a Habsburgellenes küzdelmek idején (1526–1711)/Várkonyi A. Magyarország keresztútján. Tanulmányok a XVII. századról. Bp., 1978; Szűcs J. Nemzet és történelem. Tanulmányok. 2. kiad. Bp., 1984. См.: О самой дискуссии см.: Гусарова Т.П. Антигабсбургские освободительные движения XVII в. в Венгрии в работах современных венгерских историков//Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. М., 1985.
- ¹⁶ Molnár E. A magyar társadalom története az Árpádkortól Mohácsig. Bp., 1949, 288–289.o.

Komjathy M. Hozzájárulás Szücs Jenő Nandorfehérvár és parasztság című referatumaához. – Társadalmi Szemle. 1963. I.sz., 66 o.

¹⁸ Szücs J. Nemzet és történelem. 126–127.o.

¹⁹ Bölcsey O. Op.cit., 2. köt., 200.o.

²⁰ Monumenta rusticorum in Hungaria rebellium anno MDXIV. (Publicationes Archivi Nationalis Hungarici II. Fontes, 12). Bp., 1979 (Далее – MRHR). Doc. 79. P.91–92.

²¹ Stephanus Taurinus. Stauromachia id est cruciatorum servile bellum. Bp., 1944; Ludovici Tuberonis, dalmatiae abbatis commentariorum de temporibus suis... In: Scriptores rerum hungaricarum veteres ac genuiti. Vol.2, Vindobonae, 1746.

²² Szücs J. Nemzet és történelem. 128–131.o.

²³ MRHR. Doc.49. P.95.

²⁴ MRHR. Doc.430. P.72–75.

²⁵ MRHR. Doc.79. P.121–122.

²⁶ MRHR. Doc.120. P.157.

Bölcskey O. Op.cit. Vol.2, 268.o.

Kévész I. Debreceni lelki válság 1561–1571//Századok, 1936. LXX. évf. 194.o.

Katona G. Karácsony György "Szent hada" 1569–1570. Egyháztörténet, 1958. 4.füzet, 272.o.

Karácsony J. Magyarország egyháztörténete főbb vonásaiban 970-től 1900-ig (Tudománytár). Bp., 1985. 69–70.o.

²⁷ Ibidem.

²⁸ MRHR. Doc.30. P.73.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Taurinus. Op.cit. P.83–87.

Ibid. P.190–193.

Szücs J. A ferences rend a középkor végén//Historia, 1983, 5–6. sz.

Распоряжение о начале таких исследований дат еще летом 1514 г. викарий провинции Балаж Дече (MRHR. Doc.225. P.311–312).

Антикрестьянское законодательство 1514 г. в Венгрии (седьмой декрет Уласло II). Публикация Т.П.Гусаровой. – Средние века. 1984. Вып. 47 С 327.

³¹ Там же. С.330.

Barta G. A 1514 évi parasztháború résztvevői//Békesi Élet, 1975, I.sz. 200–205.o.; Barta G., Szakály F. Dozsané és a magyar társadalom//Társadalmi Szemle, 1972, 6.sz. 77–79.o.

³² MRHR. Doc.30. P.73; Doc.76. P.119–120.

³³ MRHR. Doc.30. P.73; Doc.34. P.77–79.

³⁴ MRHR. Doc.72. P.114.

³⁵ Cronica seu origo fratrum minorum de observantia in provinciis Bozne et Hungariae 1510–1533; Formularium in usum Ordinis Fratrum Minorum

- regularis observantiae in Hungaria//Codices manu scripti Latini I. Codices Latini Medii Aevi. Bp.,1940; et in: Szűcs J. Dozsa parasztháború ideológiája – Váloság, 1972, II.sz.
- ⁴⁵ Cronica seu origo. P.271.
- ⁴⁶ Szűcs J. Dozsa, 34. jz.
- ⁴⁷ Karacsony J. Szt. Ferenc rendjének története Magyarországon 1711–ig. I. kot. Bp., 1922. 370.o.
- ⁴⁸ Szűcs J. Ferences ellenzéki áramlat a magyar parasztháború és re-formacio hatterében // Irodalomtörténeti közlemények, 1974, 4, sz., 422.
- ⁴⁹ Ibid. 423.
- ⁵⁰ Ibidem.
- ⁵¹ Bolcskey O. Op.cit. 2. kot. 350.o.
- ⁵² 340.o.
- ⁵³ Издания 1497, 1498, 1499, 1501, 1502, 1505, 1506 etc. (Szűcs J. Ferences. 428.o.).
- ⁵⁴ Szűcs J. Ferences, 428.o.
- ⁵⁵ Ibidem.
- ⁵⁶ Ibidem.
- Ibidem.
- ⁵⁸ Ibidem. 429.o.
- ⁵⁹ Ibid. 430.o.

Итальянские еретики XVI в. и свидетельство о них венецианского ремесленника

Нский молодой венецианец Маркантонио Варотта /Баротто/, бывший художник "золотых штандартов" (pittor de standardi d'oro), а затем ткач, вернувшийся в Венецию из трехлетних странствий по Европе, 21 января 1567 г. в инквизиции Удино сделал признание о том, что он впал в ересь. Смиренно, на коленях, со слезами на глазах он умолял простить его преступления и позволить вернуться в лоно католической церкви, единственно истинной и святой. В доказательство искреннего раскаяния он обещал чистосердечно поведать о своих заблуждениях, рассказать о "дьявольской" догме Кальвина, иных известных ему ложных доктринах и о ерестиках, с которыми встречался¹. В пору торжества Контрреформации подобные признания в Италии отнюдь не были редкостью. Как правило, их силой вырывали из уст своих жертв инквизиторы, но иные, разочаровавшись в Реформации и новых вероучениях, давали показания добровольно; могли быть свидетели типа Пьетро Манельфи, католика, ставшего анабаптистским "апостолом", а затем выдавшего инквизиции тайную организацию вновь обретенных братьев². Показания еретиков, наряду с религиозно-философскими трактатами, проповедями и памфлетами противников римской церкви в одних странах, или же протестантских режимов в других, – ценный источник для изучения духовной жизни на Апеннинском полуострове и судеб итальянской диаспоры за Альпами. Донос Манельфи относится к 1550 г., когда в северных районах страны движение анабаптистов-антитринитариев достигло наивысшей точки своего развития. Исповедь Варотты проли-

васт свет на особенности религиозных движений в более поздний период – в 60-е годы XVI в., время решительного наступления Контрреформации, и дает свежий материал об итальянских общинах на чужбине, в том числе кальвинистской в Женеве и, что очень важно, о сообществах антитринитариев-анабаптистов в Моравии, сведения о которых весьма скудны.

О существовании в Италии эпохи Чинквеченто сложной, неоднородной оппозиции католической церкви и "папизму", в том числе о возникновении радикальной народной ереси, в исторической науке известно давно. Еще полтора столетия назад Ф.Трехзель обратил внимание на соццинианство, религиозно-философское учение, которому положил начало Леллио Соццини, а затем развил Фаусто Соццини³. Под знаменем этого учения в XVI в. развивалось одно из значительных социальных движений, охватившее не только многие районы Апеннинского полуострова, но распространившееся в других странах Европы, особенно в Польше. Обстоятельный трехтомный труд об итальянских еретиках опубликовал К.Канту⁴, а в 80-х годах XIX в. деятельность антитринитариев и анабаптистов в венецианских владениях тщательно изучил К.Бенрат⁵. Тогда же Э.Комба в очерках "Наши протестанты" впервые ввел в научный оборот материалы доноса упоминавшегося выше Пьетро Манельфи, свидетельствовавшие о распространении анабаптизма-антитринитаризма в северной части Апеннинского полуострова⁶.

Изучение этой большой темы продолжили историки XX века. Благодаря их фундаментальным трудам стали отчетливо вырисовываться контуры разноликого антикатолического фронта, возникшего в 30–40-х годах на полуострове, и места в нем радикальных мыслителей, тесно связанных с народом. По-прежнему преимущественное внимание некоторое время уделялось соццинианству; его воздействию на развитие ереси в Польше и выступлениям "польских братьев" посвятили работы польские историки⁷, а также отечественные ученые⁸. Но вскоре были открыты

и иные направления религиозно-философской мысли Италии XVI в., противостоявшие католицизму.

Классические исследования о роли итальянской диаспоры в развитии европейского свободомыслия принадлежат Делио Кантимори, нарисовавшему широкую панораму деятельности итальянских философов-вольнодумцев за пределами Италии⁹. В содружестве с К.Фейст Кантимори опубликовал некоторые неизвестные произведения итальянских ересиархов¹⁰. Роль итальянских религиозных деятелей в ходе борьбы за церковные преобразования на континенте ярко показана во всеобъемлющем труде по истории радикальной Реформации Д.Уильямса¹¹.

Удачную попытку выявить характер и арсенал распространения анабаптизма-антитринитаризма в Италии мы находим в трудах А.Стеллы¹². Большой интерес вызывают работы К.Гинзбурга, посвященные различным видам вольномыслия в Италии¹³. Проблема эта была предметом изучения и других исследователей¹⁴.

Крупные работы созданы об отдельных представителях "философской ереси", в том числе о Бернардино Окино, выдающемся проповеднике-францисканце, начавшем с обличительных выступлений против пороков общества (в духе проповедей Савонаролы) и закончившем жизненный путь как изгнанник-вольнодумец, сочувствовавший анти-тринитариям¹⁵. Произведения смелого мыслителя-еретика, противника догм и католицизма, и протестантизма, сицилийца Камилло Ренато предал гласности Антонио Ротондо, один из видных специалистов в области изучения народной реформации, о чем он написал ряд трудов¹⁶. Судьбе и творчеству Челио Сскондо Курионе – автору обличительного памфлета против папства и многих философско-геологических трактатов, нашедшему приют в Швейцарии, посвятил монографию М.Куттер; писали о нем и другие историки¹⁷. Внимание многих ученых привлекала фигура Франческо Пуччи, погибшего на костре инквизиции. Его религиозно-философские воззрения, настойчивый призыв к веротерпимости и всеобщему миру, проект

"Католического государства", свободного от войн и религиозных раздоров, стали предметом исследования Луиджи Фирпо, создателя ряда солидных трудов об утопистах и вольнодумцах XVI в.¹⁸ Новые данные об итальянских беглецах в странах Восточной Европы включил в свою книгу Д. Каккамо, в приложении к которой он впервые издал исповедь Маркантонио Варотты¹⁹. Исследование итальянской эмиграции в Польше, Моравии и Трансильвании продолжил Массимо Фирпо; в приложении к книге он опубликовал фрагмент из "Disputationes" Никколо Паруты²⁰, венецианского антитринитария, ставшего затем унитарисм.

Огромный материал, добытый исследователями на протяжении более чем двух столетий, позволяет сделать вполне определенное заключение о существовании на Апеннинском полуострове достаточно развитой антикатолической оппозиции, особенно в 30–40-х годах XVI в. В дальнейшем под ударами Контрреформации это движение пошло на убыль, оказалось загнанным в подполье, способствуя развитию никодимизма – тайного сочувствия антикатолическим вероучениям при внешнем признании господствующей церкви²¹. Как и в других странах Европы, а может быть даже в большей степени, эта оппозиция включала в себя весьма разнородные элементы общества: представителей пополанства и ранней буржуазии, плебса, крестьянства, господствующего класса – некоторые группы клира и аристократии. Этому способствовали политические причины, территориальные притязания пап и их цезарепапистские устремления.

Особенностью движения за переустройство церкви на Апеннинском полуострове была долгая его нерасчлененность. Только в ходе реформации под влиянием событий в Германии происходило постепенное размежевание между различными религиозными течениями, выделение умеренного евангелизма и радикальной народной ереси. Отсюда нередко одни и те же религиозные доктрины находили поддержку в разной социальной среде, хотя и получали неидентичное толкование. Показателен пример с учением Хуана де

Вальдеса, прошедшего последние 9 лет жизни в Неаполе. Его идеи получили широкий резонанс, их воспринимали гуманисты Феррары в придворном кружке герцогини Репаты, в окружении кардинала Пола, ратовавшего за обновление и укрепление церкви, их отзвуки слышались в манифесте итальянского свангелизма "Beneficio del Cristo", авторами которого были Бенедетто да Мантова и знаменитый поэт-латинист Маркантонио Фламиннио; в то же время они оказали воздействие на Бернардино Окино, Пьетро Вермилли, Челио Секондо Курионе, Лелио Соццини и других представителей радикального крыла итальянской реформации.

К особенностям еретических выступлений на Апеннинских следует отнести и более тесную, нежели в других странах Европы, связь философской ереси с народной реформацией, нередко наличие прямых контактов между эрудитами-философами, сохранившими верность принципам гуманизма, и еретиками из народа. Пантеистические представления, "растворение" Бога в природе, глубокий интерес к человеку, признание причастности его к "Богу-природе", его способности к самостоятельному познанию истины и созидательной деятельности накладывали отпечаток на учения итальянских ересиархов, проникавшие и в толщу масс. Неудовлетворенность догмой и политикой церкви порождали интерес к раннему христианству, а вместе с тем и к нехристианским теологическим системам — мусульманству, иудаизму, а также к язычеству, что приводило к определенным заимствованиям и религиозному синкретизму. Новые ереси формировались и на базе старых, средневековых, оживавших в конце XV — начале XVI в., — ересей вальденсов, ариан, иоакимитов, апостольских братьев. На севере Италии после разгрома крестьянской войны в Германии распространилось учение анабаптистов.

Такая множественность оттенков верований неизбежно порождала бесконечные разногласия. Единые в критике многих догматов и практики католической церкви итальянские еретики расходились в толковании ряда положений

теологии. Споры выносили вопросы о природе Христа (для одних она была божественной, другие полагали, что Христос родился как человек, но был наделен божественным милосердием), о реальном присутствии Тела Господня в гостии, о необходимости крещения и покаяния, об искупительной жертве Христа и т.д. Многие из этих вопросов выходили за рамки чистого богословия и были связаны с новыми космологическими представлениями, развивавшимися в эпоху Возрождения, стремлением глубже понять мироустройство и место человека во Вселенной.

В ересь XVI в. находили отражение чаяния простого народа, плебейской прослойки общества, выражавшиеся в критике самих основ существующего строя. Анабаптисты и многие антитринитарии призывали отказаться от собственности, раздавать имущество бедным, жить трудовой жизнью, учредив имущественное равенство среди членов общин. Некоторые апостолы анабаптизма, действовавшие в 40–50-х годах, как Тициано, отвергали не только существующую церковь, они развивали идеи безгосударственности, ратовали за бедную церковь, простое богослужение и, разделяя милленаристские надежды, ожидали в ближайшем будущем блаженной жизни на земле²².

Анабаптисты-антитринитарии стремились расширить свое влияние. Их проповедники подолгу не оставались на одном месте, что объяснялось не только стремлением охватить пропагандой значительную часть населения, но и условием конспирации, необходимостью скрываться от преследований. Отсюда тайная жизнь общин, которая вела к неустойчивости, текучести их состава. Тем не менее, к середине XVI в. наметилась тенденция к созданию анабаптистско-антитринитаристской церкви. Общинами управляли "апостолы" (или "апостолические епископы"), по своему положению мало чем отличавшиеся от паствы. Среди них были выходцы из духовенства, студенты, учителя, встречались ремесленники. Все братья и сестры принимали второе крещение, что сводилось к омовению чистой водой. Верующие собирались по воскресеньям для

"общения с Богом" и решения неотложных дел. Отправление культа отличалось крайней простотой. Манельфи описал анабаптистскую вечерю: глава общины преломлял хлеб, читая "Отче наш", затем приглашал всех приложиться к общей чаше с вином²³

Отсутствие единства между общинами ослабляло антикатолическое движение. Сказывалась его разнородная социальная база, а также присущий многим "апостолам" индивидуализм, склонность к независимым, хотя часто эклектичным, суждениям. Попытка преодолеть разногласия была предпринята в 1550 г. на тайном синоде в Венеции. Выработанные на нем основы вероисповедания полностью отрицали догматику католицизма и умеренного свангелизма и сводились к следующим положениям: крещение детей объявлялось бессмысленным, оно действительно только для тех, кто сознательно принял учение Христа. Таинства, в том числе и крещение – внешние знаки, не имеющие реальной силы. Держаться следует лишь Священного писания, все ортодоксальные толкования Библии и учения отцов церкви отклонялись. Римская церковь – дьявольская и антихристова, как и государство. Чтить следует одного Бога-Отца, Творца всего сущего. Христос не Бог, а человек, рожденный от Иосифа и Марии. У матери Христа были другие дети (ибо в Писании сказано, что Христос имел братьев и сестер). Но он исполнен божественных добродетелей и стал Сыном Божиим, достойным покорности и почитания. Бог вручил ему царство свое, которым он вскоре будет править. Святой Дух, избравший Христа, – не ипостась Бога, а его свойство. Бог распространяет свой дух на всех людей. Нет особой ангельской природы: упоминающиеся в Священном писании ангелы – посланники Божии, т.е. люди. Нет дьявола, кроме человеческой мудрости, воплотившейся в древнем змии, искушавшем Еву. Нет ада, кроме могилы. Человек наделен способностью давать детям своим тело и душу; душа тесно связана с телом и жить без него не может. Однако полное отрицание бессмертия души, а, следовательно,

но, и потусторонней жизни, к чему приходили многие натурфилософы в эпоху Возрождения, не вызывало сочувствия в простом народе, так как лишало надежды на посмертное воздаяние. Поэтому синод принял компромиссное решение: души грешников исчезают вместе с телом, души праведников удостоиваются спасения. Первым праведником стал Христос, его избрал Господь пострадать за род человеческий. Умирая, души спасшихся почивают в Боге, они ничего не чувствуют вплоть до Судного дня, когда все воскреснут. Избранные спасены благодаря милосердию Господнему без добрых дел и вкушения крови Христовой, т.е. без таинства свхаристии²⁴ Решения синода свидетельствовали о взаимных уступках анабаптистов и антитринитариев. Их смысл — полное отрицание догматики и католической и протестантской церквей и их организаций. Однако одобренное синодом вероисповедание признали далеко не все общины, многие продолжали верить по-своему

Попытка объединения оказалась запоздалой, церковь успела сплотить свои силы, а предательство Манельфи, назвавшего 300 имен еретиков, в том числе руководителей, действовавших в Северной и Центральной Италии, развязало репрессии, последовали аресты, судебные процессы. Анабаптисты рассредоточились, многие бежали за пределы Италии. Их путь лежал в Польшу, Венгрию, Трансильванию, Моравию.

В Моравии нашел последний приют и Бернардино Окино, а в 60—70-х годах здесь искали пристанища другие итальянцы, скрывавшиеся в Польше, но вынужденные покидать и ее, поскольку и там началось искоренение народной ереси.

Тогда же посетил Моравию венецианский ремесленник Варотта (1567 г.). Центром поселений анабаптистов к тому времени стал Аустерлиц. Краткое описание существовавших в нем сект мы и находим в исповеди Варотты. Она даст материал не только о жизни моравских братьев, но свидетельствует также о неутраченном еще интересе части

итальянцев к Реформации, об упорной борьбе ее сторонников за каждую душу возможных единомышленников, о никодимитах, действовавших на Апеннинском полуострове.

Из признания венецианца мы узнаем, что в 60-х годах XVI в., несмотря на жестокие репрессии инквизиции, оппозиционные по отношению к церкви настроения на Апеннингах отнюдь не исчезли, а поскольку центр антикаатолического движения находился в "заальпийских" странах, туда и устремлялись взоры недовольных или просто любопытствующих. К последним относил себя и Варотта, подчеркивающий, что до прибытия в Женеву он не был "ни лютеранином, ни еретиком", а даже смеялся над таковыми.

Действительно, истинные причины, толкнувшие простого ремесленника отправиться в дальний путь, были, по видимому, вызваны желанием поправить свое материальное положение. В 1564 г. он прибыл в Лион, крупный центр итальянской иммиграции, рассчитывая найти применение своим силам как художник или попытать счастья в качестве военного наемника, поскольку во Франции бушевали религиозные войны. Надежды Варотты не сбылись. Вместе с повстречавшимся ему неким миланцем Гаспаро он решил посетить Женеву, "дабы повидать сторону, где живут одни лютеране" Венецианец имел смутное представление о кальвинистах и подобно многим в его время называл их лютеранами. "Мне рассказывали, что в этой земле много итальянцев, и я подумал, что они мне расскажут об этой вере"²⁵ Любознательность Варотты была удовлетворена, но дело этим не завершилось: он перешел в кальвинизм, к чему руководители итальянской общины в Женеве приложили немалое старание. Из рассказа Варотты явствует, что итальянское землячество в городе, пользовавшееся определенной автономией, было заинтересовано в пополнении своих рядов и развивало немалую активность в вербовке новых членов (что, впрочем, было характерно для представителей всех видов протестантизма, народных сект, а также и католиков. Все они продолжали жестокую борьбу между собой).

По словам Варотты, он и его спутник были встречены весьма радушно, им оказали покровительство самые видные члены итальянской общины, в том числе Андреа Да Понте, бывший венецианский патриций, получивший женеvское гражданство, и неаполитанский маркиз Галеаццо Караччоло, ради новой веры оставивший свои владения на юге Италии и любимую семью. Вновь прибывших приютили, кормили и поили, показали достопримечательности Женевы (ес сады) и немедленно приступили к наставлениям в новой вере, а вместе с тем и к обучению полезной профессии. Варотта нашел приют в доме калабрийца Фабио Тодеско, печатника и мастера по изготовлению тафты, от которого научился ткацкому ремеслу – им Варотта зарабатывал на жизнь и позже, вернувшись в Италию. Ознакомление с основами кальвинизма проводилось последовательно и методично, что говорит о несомненном педагогическом искусстве его учителей, бывших гуманистов. Первую проповедь, которую слушали неофиты, произнес глава общины доктор юриспруденции, бывший луккский патриций и богач Никколо Балдани. Спустя некоторое время Варотту подвергли экзамену и выдали диплом, скрепленный печатью, он стал кальвинистом. В Женеве Варотта провел 13 месяцев, продолжая постигать тонкости кальвинистской веры и укрепляясь в ней. Однако однообразная жизнь вскоре надоела молодому венецианцу: "ибо в Женеве не было развлечений", – объяснял он в своей исповеди²⁶ Под предлогом неотложных домашних дел он стал проситься на родину. С большим трудом получив разрешение при условии, что останется верным кальвинизму, Варотта покинул гостеприимную, но скучную Женеву и оказался в Турине.

Описание следующего периода в жизни венецианца, теперь кальвиниста, представляет немалый интерес для понимания характера и особенностей религиозной жизни на полуострове в условиях усилившейся Контрреформации. Варотта тщательно скрывал свою принадлежность к новому учению, оставаясь по видимости для всех католи-

ком. В Турине он 5 месяцев работал ткачом в доме мастера, изготавливавшего тафту и, "если бы тот не умер", – писал Варотта, он "не ушел бы оттуда" Жил Варотта по своему закону, и когда его спрашивали, посещает ли он по воскресеньям мессу, давал положительный ответ, на самом же деле в церковь не ходил, а свободное время посвящал развлечениям и возвращался в дом мастера к обеду. Иногда он читал кальвинистский катехизис на итальянском языке, но говорил, что был на мессе, называя каждый раз иную церковь. Он не соблюдал постов, утаил, что прибыл из Жневы, говоря, что пришел из Лиона. После смерти мастера, опасаясь строгой инквизиции, действовавшей в городе, Варотта перебрался в Милан. И там в течение трех месяцев он работал ткачом, ведя тот же образ жизни; не ходил на мессу, читал свой катехизис и Новый завет. Затем Варотта отправился в Мантую, где оказалось много еретиков. Он вступил в контакт с единоверцами и занимался пропагандой кальвинизма: помогал своему знакомому (которого некогда снабдил кальвинистским катехизисом на итальянском языке) обратиться к кальвинизму его жену, посещал его дом, разъяснял кальвинистские догматы и лучший порядок их усвоения. Пытался он завязать сношения с другими еретиками – одному из них предложил побеседовать о вере, на что получил типичный никодимистский ответ: "Сынок, если вы знаете истину, благодарите Бога и делайте свое дело, но держите это при себе, а не болтайте повсюду, так как теперь не время рассуждать о подобных вещах"²⁷

Из Мантуи Варотта решил отправиться в Венецию, где нашел приют в доме своего родича – художника золотых штандартов, владельца мастерской и лавки. И там он жил на свой лад, однако был разгадан близкими, напрасно пытавшимися вернуть его в лоно католической церкви. Угроза доноса в инквизицию заставила Варотту покинуть Венецию. Через Падую и Милан он прибыл в Пьяченцу, где встретился с неким венецианцем Марко, бывшим хирургом, а затем портным, у которого за проповедь ереси были

выколоты глаза и отрезана одна рука: несмотря на это он продолжал свою деятельность, проповедовал в монастырях Сиены, ходил по всей Ломбардии, выдавая себя за священника, пострадавшего от турок²⁸ Варотта сговаривался с Марко тоже пойти по Италии — учить истине. Слепец знал многих еретиков и называл их, но Варотта забыл имена. Примечательно, что в его исповеди в отличие от доноса Манельфи, мало имен противников католицизма. Варотта заявлял, что не помнит их, и называл, как кажется, лишь тех, кого не было в живых (к тому времени умер и Марко), или находившихся за пределами Италии, т.е. недосыгаемых для инквизиции.

Из Пьяченцы Варотта отправился в Рим, где в то время происходил карнавал. Вместе с земляками он посещал дом венецианского посла при папе, продолжая скрывать свою принадлежность к кальвинизму, так что "никто о том не догадывался" В папской столице он не обнаружил еретиков, за исключением одного лютеранина. Отсюда Варотта отправился в Сиену, где оказалось много инакомыслящих, и оставался там 15 дней. Вместе с венецианским посольством, следовавшим из Рима, он возвратился в родной город, но к родственникам не пошел, а остановился в гостинице. Тут у Варотты созрело решение наняться в венгерскую армию. Через Удино, Монфалькон и Триест он отбыл на северо-восток, получил полагавшуюся плату наемника, но оставался в Венгрии всего месяц, так как заболел. Затем он оказался в Вене, откуда намеревался переправиться в Польшу. Узнав, однако, что в Моравии много анабаптистов, он направил туда свои стопы.

Итак, вернувшись из Женевы на родину, Варотта вел тайную жизнь никодимита и явно был склонен к авантюризму. При возможности он занимался пропагандой кальвинизма, постоянно стремился к общению с единоверцами. Рассказ о его пребывании в Италии, один из интереснейших в исповеди, свидетельствует о существовании в стране подпольной деятельности противников католической церкви, однако деятельности спонтанной, неоргани-

зованной, основанной на энтузиазме отдельных лиц, что в совокупности с другими источниками подтверждает вывод о свертывании реформационного движения на Апеннинах.

Наибольшее число еретиков Варотта встретил в Мантуе и Сиене, но ему не удалось натолкнуться на какую-либо их организацию. Варотта ничего не говорил о представителях народной ереси, но общаясь со многими людьми, узнавал о разных верованиях, проявляя свойственную ему любознательность. Он стремился поближе познакомиться и с доктриной анабаптистов: "Мне было интересно с ними поговорить и узнать их мнение", писал он²⁹

Весьма интересны заметки Варотты о его пребывании в Моравии. Там уже более десятка лет обитали группы итальянских антитринитариев-анабаптистов, соседствовавших с общинами немецких гуттеров и последователей Губмайера. Как правило, это были ремесленники разных специальностей. По данным Каккамо, в Моравии находилось немало итальянских каменщиков и строителей, которые возводили дома в Оломоуце и других местах³⁰. Как видно, и здесь действовало строгое правило анабаптистов добывать пропитание физическим трудом. Из показаний на судебных процессах явствует, что часть итальянских беглецов относилась к типичным анабаптам, стоявшим за обобществление собственности и организации жизни на коллективных началах. Такого образа мыслей придерживались, например, Франческо делла Сега, Антонио Ризетто, Джулио Герланди, побывавшие в Моравии и др. С анабаптистами имел дело и Джан Джорджо Патрици из Истрии (дядя известного философа Франческо Патрици). По его словам, в Моравии собралось более 25 тыс. человек; каждая община состояла из 40–50 человек, все жили по-христиански, не ведая разврата, азартных игр, ненависти и убийства, свободно проповедуя слово Божие и добывая хлеб трудом рук своих. Бедных и стариков у моравских братьев содержала община, там не знали суровых наказаний, а провинившихся отстраняли от совместных трапез³¹

Но и в Моравии, как некогда на родине, между общинами не было единства. О разногласии в стане моравских братьев писали много. Некоторые современники, явно преувеличивая, сообщали, что в одном только Аустерлице насчитывалось чуть ли не 70 сект. Подобное среди немецких анабаптистов наблюдал в свое время и Себастьян Франк. В "Хронике" он сообщал: среди анабаптистов "господствует такое отсутствие единства, такой разброд, что я не в состоянии написать о них ничего вполне точного и определенного"³²

И Варотта нашел в Моравии несогласие и разброд. Он "видел столько вср и столько сект; одна противоположна другой, одна обвиняет другую, и все составляют катехизисы, все хотят быть министрами, кто тянет сюда, а кто туда, и все претендуют быть истинной церковью, и только одно маленькое местечко, называемое Аустерлицем, имеет 13 или 14 сект"³³

Молодой скитаец пытался разобраться в этом многообразии религиозных верований, и оставил описание некоторых сект, хотя и лапидарное. В Моравии живут и действуют пиккарды (богемские братья), лютеране и кальвинисты, аустерличане, "corneli" (во главе которых стоит Пауль Сега, немец, говорящий и по-итальянски), "шляпники" (carpellari), так Варотта называл последователей Гуттера, т.е. гуттеров, иосифиты, субботники, ариане, самосатены и другие. Некоторые группы имеют немного сторонников, и их проклинали остальные (например, секту некоего Видаля из Савойи). Одиннадцать сект более устойчивы, имеют последователей, "министров" и проповедников. Их учения схожи друг с другом, но отличаются в деталях, и потому каждая из них составляет свой катехизис.

Варотта выделял пиккардов, лютеран и аустерличан, которых к анабаптистам не относил, т.к. они крестили младенцев. "Шляпники" же – типичные перекрещенцы. Но в отличие от других анабаптистов они всякий раз подвергают новому крещению тех, кто к ним приходит, даже если те ранее уже принимали второе крещение или некогда

крестились у них, но потом уходили и снова возвращались. Это самая многочисленная и богатая секта. Свое имущество они отдают в общее пользование и "живут в одном доме, как в монастыре, едят, пьют и одеваются сообща, как бедные, так и богатые, как те, кто вносит (имущество в общину — Л.Ч.), так и те, кто не вносит". Однако подлинного равенства Варотта у них не нашел: управляющие делами "министры" находятся в привилегированном положении: "Когда другие идут пешком с посохом, они едут на лошадях и в коляске"³⁴. Об этническом составе общин Варотта ничего не сообщил.

Иосифиты — тоже анабаптисты, но в отличие от гуттеров они отрицают божественную природу Христа, считая, что он произошел не от духа святого, а зародился "плотски" от семени Иосифа.

Типичными антитринитариями выступают в описании Варотты самосатены (последователи учения Павла из Самосаты, жившего в III в., близкого к наставлениям Ария). Они считали Христа равным Богу-Отцу, полагали, что он рожден от духа святого и послан проповедовать Евангелие и мир. Христос столь же могуществен, как и Бог, но он "произведен", создан Богом. Самосатены отвергали Троицу, не считали дух святой ипостасью Бога, а лишь его доблестью (*virtù di Dio*), способностью зажигать и вдохновлять сердца всрой в обетования Христа и истины Евангелия. Эта доблесть проявляется разным образом, то в виде пламени, которое зажигает сердца, то в виде голубя; она очищает сердца от ложных суждений.

Такие же различия между Богом-Отцом, Сыном и Духом святым делают ариане, хотя кос в чем они расходятся с самосатенами. Все секты, кроме лютеран, подчеркивал Варотта, не признают крестного знамения и святого креста. Они резко враждебны католической церкви.

Примечательно, что если имена еретиков, действовавших в Италии, Варотта "забывал", то итальянцев анабаптистов-антитринитариев Аустерлица он помнил. Здесь были выходцы из Виченцы, Венеции, Мантуи, они при-

надлежали к разным сектам. Иные из них принимали крещение по нескольку раз, что косвенно может свидетельствовать о текучести итальянских общин и в Моравии.

Общину самосатенов возглавлял венецианец Никколо Парута; вместе с Андреа да Понте он покинул Венецию, дабы направиться в Женеву, но затем примкнул к более радикальному крылу Реформации. Из рассказа Варотты вытекает, что самосатены не требовали обязательного обобществления собственности и жили несколько обособленно, возможно, отдельными семьями. Во всяком случае, Парута "имел дома, которые принадлежали ему, и свои виноградники" (*ha case che son sue e vigne*)³⁵. Возможно, подобные обстоятельства явились причиной определенной слабости итальянских общин в Моравии в сравнении с более сплоченными коллективами гуттеров, отдававшими имущество в общее пользование, что затрудняло их выход из общины и миграцию.

Несомненно, вопрос об укреплении общин и привлечении в них новых членов стоял перед итальянскими анабаптистами. Как следует из судебных процессов, они рассылали эmissаров вербовать сторонников. Франческо делла Сега попал в руки инквизиции, когда вел в Моравию новых переселенцев, а Джан Джорджо Патрици — когда убеждал людей последовать за ним. ("Бедняги, — говорил он, — боитесь потерять имущество, а теряете душу")³⁶. Герланди, Ризетто и другие были такими же пропагандистами.

Стремился приобрести сторонников и Никколо Парута. Его дом был всегда открыт для прибывавших в Аустерлиц итальянцев. Варотта утверждал, что именно в его доме скончался Бернардино Окино (который "сначала был кальвинистом, затем арианяном, а умер самосатеном"). Парута пытался обратить в свою веру и Варотту. Два месяца прожил молодой венецианец у гостеприимного хозяина, слушая его поучения. Парута прельщал Варотту материальными благами: обещал дать дом, женить на невесте с богатым приданым, а при желании предлагал остаться жить у него, не требуя взамен ничего, кроме прият-

ного общения. Когда Варотта все же вознамерился покинуть Аустерлиц, Парута снабдил его деньгами и дал обувь.

Личность Никколо Паруты привлекла внимание ряда исследователей, ему посвятил большой раздел своей книги М. Фирпо. Сын богатого венецианского гражданина, Парута относился к числу просвещенных представителей радикальной Реформации и играл в ней заметную роль. Его имя было известно далеко за пределами Аустерлица, он поддерживал связи с итальянской диаспорой в Польше, переписывался, в частности, с Никколо Буччелло, некогда доктором медицины из Падуанского университета³⁷. Сторонник веротерпимости, склонный к теоретизированию, Парута позднее стал одним из активных защитников унитаризма, религиозного течения, в котором положения антитринитаризма получали логически законченное выражение. Через некоторое время оставив Моравию, Парута перебрался в Трансильванию, где выступил с трактатом "Исследования о едином истинном Боге Иегове"³⁸.

Об образованности Паруты свидетельствует и Варотта. Глава итальянской общины в Аустерлице обладал библиотекой, в которой была собрана не только итальянская литература (ее мог читать Варотта, заинтересовавшийся, в частности, проповедями Окино), но и книги на латинском, греческом и древнесврейском языке (недоступные пониманию венецианского ремесленника).

Образ жизни и верования анабаптистов-антитринитариев в Моравии, однако, Варотте пришлось не по вкусу. Разногласия и бесконечные споры породили в его душе сомнения и заставили вернуться в Италию. Может статься, что он, человек наблюдательный, заметил сложное, неустойчивое положение, в котором находились итальянские эмигранты, не сумевшие в отличие от гуттеров, должным образом утвердиться на чужбине. О дальнейшей судьбе Варотты мы ничего не знаем. Кроме дошедшей до наших дней исповеди, где он упомянул об отце и назвал место своего проживания, других сведений о нем, в том числе о решении инквизиции, как кажется, нет³⁹. Было ли раскаяние венецианца дейст-

вительно искренним, вызванным разочарованием в Реформации и янакомыслии, или сделать свое заявление его вынудили обстоятельства? Это остается невыясненным. Что же касается рассказа Варотты, прошедшего по Европе от Лиона до Аустерлица, наблюдавшего великое многообразие своей эпохи, то он представляет несомненную ценность. Он содержит яркие, живые картины, нарисованные очевидцем, из социальной и религиозной жизни итальянцев на родине и за ее пределами, дополняет и уточняет некоторые сведения о них. В приключениях молодого ремесленника, как в капле воды, отразились сложные процессы, происходившие на полуострове: наличие в народе скрытого недовольства и брожения, проявлявшегося в так называемом никодимизме, которые неизбежно сопровождался симуляцией, вынужденным обманом официальной церкви и власти (образцы чего являли сам Варотта и его знакомцы, что никоим образом не способствовало моральному совершенствованию людей, о котором так много говорили под влиянием гуманизма в те времена. Интересующий нас документ свидетельствует о продолжавшемся исходе из Италии противников католицизма, преследуемых и гонимых, о затухании на Апеннинах под ударами Контрреформации открытой борьбы за переустройство церкви. Сведения об анабаптистах и антиринитариях, почерпнутые из исповеди Варотты, еще раз подтверждают народный характер их движения, основу которого составляли простые люди, добывавшие хлеб трудом рук своих и пытавшиеся на практике осуществить идеал справедливой жизни, основанной на принципах равенства, идеал противоречивый и подчас неясный. В то же время исповедь Варотты свидетельствует о социальной неоднородности движения, о внутренних противоречиях и спорах, ослаблявших народную реформацию.

Примечания

- Confessione di Marcantonio Varotta//Caccamo D. Eretici italiani in Moravia. Polonia, Transilvania (1558–1611). Firenze; Chicago, 1970. P. 194–216 (далее – Confessione).
- ² I Costituti di don Pietro Manelfi//Ginzburg C. I Costituti di don Pietro Manelfi. Firenze; Chicago, 1970. P. 31–84 (далее – I Costituti).
- ³ Trechsel F. Die protestantischen Antitrinitarier vor Faustus Socin. Heidelberg, 1844. (Bd. 2. Lelio Sozzini und die Antitrinitarier seiner Zeit).
- ⁴ Cantu C. Gli eretici d'Italia. Vol. 1–3. Torino, 1865–1868.
- ⁵ Benrath R. Geschichte der Reformation in Venedig//Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte. Halle, 1887. Bd. 18; Idem. Wiedertäufer in Venetianischen um die Mitte des XVI. Jahrhunderts//Theologische Studien und Kritiken. 1885. LXXV.
- ⁶ Comba E. I nostri protestanti. Vol. 2. Firenze, 1897.
- Rotondo A. Nota critica//Lelio Sozzini. Opere. Ed. critica a cura di A. Rotondo. Firenze, 1986. P.291–306; Kot S. Ideologia polityczna i społeczna Braci Polskich zwanych arianami. Warszawa, 1932; Chomaj L. F.Socyn Warszawa, 1963; Tašbir J. Le socianisme après la mort de Socini (Les frères polonais dans les années 1604–1660//Atti di convegno italo-polacco. Firenze, 22–24 sett. 1971. Firenze, 1974; Urban W. Studia z dziejow antytrynityzmu na ziemiach czeskich i slowackich w XVI–XVIII wieku. Kraców, 1966.
- ⁸ Бурдин Е.А. Фауст Солцини. Казань, 1886; Любович Н.Н. История Реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитари. Варшава, 1883; Он же Люблинские вольнодумцы XVI в. Антитринитари и анабаптисты. Варшава, 1902; О работах отечественных историков см.: Двадцать лет советской итальянистики. М., 1986. С.52–53, 73, 83, 89.
- ⁹ Cantimori D. Anabattismo e neoplatonismo nel XVI sec. in Italia//R. Accademie dei Lincei. Rendiconti della classe di scienze morali storiche e filologiche. Ser. VI. Vol.XII. 1936; Idem. Eretici italiani del Cinquecento. Firenze, 1939; Idem. Italiani a Basilea e a Zurigo nel Cinquecento. Roma, 1947; Idem. Prospettive di storia ereticale italiana del Cinquecento. Bari, 1960; Idem. Umanesimo e religione nel Rinascimento. Torino, 1975.
- ¹⁰ Per la storia degli eretici italiani nel secolo XVI in Europa/ Testi raccolti da D.Cantimori/ E.Teist. Roma, 1937.
- ¹¹ Williams G.H. The radical Reformation. Philadelphia, 1962.
- ¹² Stella A. Dell'anabattismo al socianesimo nel Cinquecento Veneto. Padova, 1967; Idem. Anabattismo e antitrinitarismo in Italia nel XVI secolo. Nuove ricerche storiche. Padova, 1969.

- ¹³ Ginsburg C. I costituti di don Pietro Manelfi; Idem. Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del'500. Torino, 1976.
- ¹⁴ Church F. The Italian Reformers 1534-1564. N.Y., 1932; Tenenti A. Eretici italiani e Riforma europea//Satta A. Antologia de critica storica. Bari, 1957; Marchetti V. Gruppi ereticali senesi del Cinquecento. Firenze, 1975; Simoncelli P. Inquisizione romana e Riforma in Italia//Rivista storica italiana. A.C. fas.I. Napoli, 1988. P.5-125.
- ¹⁵ Benrath R. Bernardino Ochino von Siena. Ein Beitrag zur Geschichte der Reformation. Braunschweig, 1892; Cantimori D. Bernardino Ochino un uomo del Rinascimento e riformatore. Pisa, 1929; Bainton R.H. Bernardino Ochino esule e riformatore senese del Cinquecento. 1487-1563. Firenze, 1940.
- ¹⁶ Renato C. Opera, documenti e testimonianze cura di Antonio Rotondo. Firenze, Chicago, 1968; Rotondo A. Per la storia dell'eresia a Bologna nel secolo XVI//Rinascimento. Ser.2. 1962. Vol.II; Idem. Studi e ricerche di storia ereticale italiana del Cinquecento. Torino, 1964, Vol.1; Idem. Calvino e gli antitrinitarii italiani//Rivista storica italiana, 1968. LXXX. P.759-784.
- ¹⁷ Kutter M. Celio Secundo Curione. Sein Leben und sein Werk (1503-1569) Basel, Stuttgart, 1955.
- ¹⁸ Pucci T. Lettere, documenti e testimonianze. A cura di L.Firpo e R.Piattoli. Firenze, 1955-1959. Vol. 1-2; Firpo L. Pucci a Basilea//Medioevo e Rinascimento. Studi in memoria di B.Nardi. Firenze, 1955; Firpo L. Gb. scritti di Francesco Pucci//Memorie della Accademia delle scienze di Torino. Ser. 3. Torino, 1957. Vol.4. P.II; Idem. Nuove ricerche su Francesco Pucci//Rivista storica italiana, a. LXXIV, 1967; Idem. Processo e morte di Francesco Pucci//Rivista di filosofia. Torino, 1949, a.XL; Idem. Francesco Pucci in Inghilterra//Revue internationale de Philosophie. Bruxelles, 1951. V. См. также: Rotondo A. Nuovo testimonianze sul soggiorno di Francesco Pucci a Basilea//Studi e Ricerche. Firenze, I, 1981, 273 agg.
- ¹⁹ Caccamo D. Op.cit.
- ²⁰ Firpo M. Antitrinitarii nell'Europa orientale del'500. Nuovi testi. Firenze, 1977
- ²¹ О никодимизме см. Cantimori D. Nicodemismo e speranze conciliari del Cinquecento italiano//Cantimori D. Studi di storia. Torino, Roma, 1959; Rotondo A. Atteggiamenti della vita morale italiana del Cinquecento. La pratica nicodemistica//Rivista storica italiana, 1967. a. LXXIX; Ginsburg C. Nicodemismo, simulazione e dissimulazione religiosa nell'Europa del'500. Torino, 1970.
- ²² Stella A. Anabattismo e antitrinitarismo... P.32-38, 52.
- ²³ I costituti. P.63.
- ²⁴ Ibid. P.33-35.

²⁵ Confessione. P.196.

²⁶ "Io era stufo di star in Genevra, perche là non era alcun spasso. Confessione. P.206.

²⁷ Confessione. P.203.

²⁸ Ibid. P.205.

²⁹ Ibid. P.206.

³⁰ Caccamo D. Op.cit. P.36.

³¹ Stella A. Anabattismo e antitrinitarismo... P.82.

³² Цит. по: Каутский К. Предшественники новейшего социализма. М - Л, 1925 С.97

³³ Confessione. P.207

³⁴ Ibid. P.206-207.

³⁵ Ibid. P.207.

³⁶ Stella A. Anabattismo e antitrinitarismo... P.83.

³⁷ О Буччелла см.: Stella A. Intorno al medico padavano Nicolo Buccella, anabattista del'500. Padova, 1962; Caccamo D. Op.cit. P.51-60.

³⁸ Nicola Parutae viri pietissimi, de uno vero deo Jehova fragmenta quaedam disputationum//Firpo M. Op.cit. P.329-364.

³⁹ Ginsburg C. Barotto (Varotta) Marcantonio. Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. VI. 1964. P.490.

Тенденции народных движений к обобществлению имущества в восприятии гуманистов

В сочинениях ряда гуманистов первой четверти XVI в. видное место занимает обсуждение и обоснование идеала "жизни сообща". Речь шла о таком строе, который не знает собственности, частного интереса, денежного обращения, нравственных пороков гордыни и стяжательства, родовой слеси, а также покоящихся на всем этом общественной несправедливости и неравенства. В конце 1516 г. печатается "Утопия" Томаса Мора и затем ежегодно несколько раз переиздается. Еще раньше, в 1500 году, выходят в свет Эразмовы "Адагии", это своего рода обозрение древней мудрости, запечатленной и сохраненной в коротких, исполненных сокровенного смысла речениях-поговорках; филологическая скрупулезность отбора и историческая точность при восстановлении их содержания не заслоняют, напротив, даже усиливают тот проникновенный профетический пафос комментариев, в которых нидерландский гуманист вызвал к вселенскому переустройству, обновлению нравов и устоев жизни, усматривая принципы его в извлеченных им на свет, отточенных и апробированных тысячелетиями истинах. Сам Эразм придает глубоко символический смысл тому факту, что произведение, за его жизнь выдержавшее великое множество изданий и постоянно им пополнявшееся, открывается поговоркой "У друзей все общее"¹, к комментированию которой он постоянно возвращается под разными предлогами. В 1525 г. Хуан Луис Вивес, выходец с Иберийского полуострова, живший в основном в Нидерландах и Англии, в широко известном трактате "О воспомоществова-

нии бедным" прибегает к популярному среди ренессансных мыслителей образу естественного состояния, когда все было общим у людей, противопоставляя его отношениям и нравам, порожденным господством частной собственности

Однако именно к этому изначальному порядку вещей, именно к закону, установленному Природой, или (что в данном случае то же) Богом, наконец, к евангельским преданиям о жизни иерусалимской общины из "Деяний апостолов", апеллировали радикальные идеологи народных движений в тех случаях, когда выдвигались требования общности состояний и социального равенства. В конце первой — начале второй четверти XVI в. гуманисты оказались очевидцами того, как идеи, созвучные тем, что развивали они сами, стали лозунгами выступлений общественных низов и радикальных социально-религиозных движений, программой преобразований в мюнстерской коммуне анабаптистов.

"Адагии", "Утопия" и иные произведения Эразма, Мора, Вивеса показывают, что все эти гуманисты с участием, сочувственно относились к простому люду — обремененным тяготами или согнанным с земли крестьянам, ремесленникам, опутанным долговой кабалой, всякого рода поденщикам, живущим в нищете, на грани голодной смерти. И причину этого они видели в несправедливых законах и установлениях, в отношениях собственности, порождающих эксплуатацию и бедственное положение трудящихся классов.

Однако, мечтая об общественном строе, при котором было бы обеспечено положение людей их круга, одаренных и просвещенных, а также благодетельствованы безбедным существованием другие, те, что задавлены нуждой, — гуманисты, как свидетельствует опыт, отшатывались в испуге от попыток самостоятельного движения этих низов, не принимали их обобществительно-уравнительных требований, даже если таковые обосновывались указанием на божественный закон или естествен-

ное равенство, то есть на те принципы, на которые обычно ссылались сами гуманисты. За этими притязаниями им мнилась стихия разрушения, стремящаяся ниспровергнуть не только тот обычный социальный порядок, который они сами в других случаях поносили и были не прочь переделывать, но всякую власть вообще, всякую определенность семейных отношений. Такое сочетание для гуманистов было бессмыслимо, как показывает обвинение в обобществительном нигилизме анабаптистской ереси, которое в дополнении к другим инкриминирует Мор английскому реформатору Уильяму Тинделу (1532—1533 гг.)²

Отрицая иерархию знатности или богатства, гуманисты не стремились уничтожить различия между людьми как таковые; им претили грубо уравнилельные тенденции, абстрагировавшиеся от таланта, доблести, от всякого качественного своеобразия человеческих субъектов, которое, по их представлениям, должно лежать в основе общественной организации³. Нападая на мюнстерских анабаптистов, которые "ради ложно понятой свободы и несправедливейшего равенства затеяли войну низших с высшими"⁴, Вивес находил в их действиях стремление смещать все и вся без должной меры, основанной на необходимом различии, обобществить то, что не поддается обобществлению. В послании к жителям Нижней Германии, так и озаглавленном "Об общности имуществ" (1535 г.), он рассуждает: "Я — ученый, ты — рыцарь; разве покажется тебе справедливым, чтобы мои книги были общими и для тебя, а твоё оружие — для меня? Разве дитя должно получать питание, одежду и уважение, припитающиеся взрослому, а взрослый — ребенку, или немощный — здоровому?.. Одни люди господа, а другие слуги. Неужели ты хочешь, чтобы все были господами или слугами?.. Неужели ты полагаешь, что все должны быть магистратами или, наоборот, — частными лицами?.. Вы говорите, что жены должны быть общими, из чего произошли бы всечуждые беды, ибо здесь отец не уступит сыну, а равно сын — отцу"⁵. Заметим для сравнения, что за десять лет до этого, в

1525 г., Вивес рассуждал совсем с иных позиций. От имени бедных и обездоленных он вопрошал имущих и знатных, ссылаясь на природное равенство: "Разве ты в большей степени сын природы, чем я? Если же нет, почему ты отказываешь мне (имеется в виду пользование благами, ограниченное собственностью. — О.К.), как законный сын природы отказывает бастарду?"⁶ И далее отвергаются все аргументы в пользу частной собственности.

За короткое время изменились многие представления. Теперь уже речь шла не о вспомоществовании, милостыни неимущим низам, но сами эти низы потребовали коренного общественного переустройства. И тон выступлений гуманистов круто изменился. Поднявшихся на борьбу плебеев и крестьян они именуют "невежественными, нерассудительными и туго соображающими людьми", не изощренными в знании свободных искусств, занятых по большей части ручным трудом⁷ Необразованнос, чуждое высокой культуре простонародье само по себе не способно к созиданию, по мнению гуманистов, в социальной физике которых ему отводилась роль пассивной материи. Поэтому, когда материя бунтует, в ней видели действие слепых, хаотических сил, подчиненных необузданным, диким и разрушительным вожделениям. Попытка учредить общность среди этих людей с их страстями, по словам Вивеса, породила бы вражду и раздоры, разрушения, склоки, споры, войну, словом, состояние, чуждое самой природе вещей, ибо общность благ доступна обновленным людям (*novos homines*), тем, у кого утомонились волнения души⁸ В действительности она оказывается возможной лишь для небольшой группы, каковую и составляла апостольская церковь в Иерусалиме⁹ Подобным образом в связи с теми же анабаптистскими требованиями рассуждал Эразм: общность, установленная среди апостолов (и только среди них) в ранней церкви, не могла сохраняться с распространением евангельского учения, не приводя к мятежам¹⁰ Перед их угрозой гуманисты принимали сторону существующих порядков¹¹, прикрываясь традиционной форму-

лой, которая гласила, что согласно в обществе наиболее способствует принадлежность собственности и право распоряжаться ею "законным хозяевам", и только милосердие позволяет пользоваться ею как общей¹²

Таким образом, став свидетелями выступлений плебейства и предпролетариата, гуманисты не только их осудили, но и решительно отмежевались от уравнилельных и обобществительных требований, которые были выдвинуты наиболее радикальными, революционными общественными силами. Ратуя сами за социальное обновление на началах общности, гуманисты, однако, не предусматривали в этом плане никакой позитивной роли для народных движений, а если таковые имели место, недвусмысленно предпочитали прежний порядок не только потому, что сумели занять в нем определенное и достаточно прочное положение, но и потому, что не доверяли самостоятельности масс, усматривая в ней бесчинствующую стихию.

Примечания

¹ Desiderij Erasmi Roterdami Opus adagiorum. N 1//Eiusdem Opera omnia. Lugduni Batavorum, 1703 (Reprint-Hildeshcim, 1961). N.2. Col. 13.

² "Anabaptists... say that there ought to be no rulers at all in crystendome, neyther spyrytual nor temporall and than no man shold have any thyng proper of his owne, but that all landes and all goodes ought by goddes lawe to be all mennys in comen, and that all women ought to be comen to all men..." The Complete Works of St. Thomas More. Vol. 8. Pt. 2. New Haven; London, 1973. P.664.

³ Вспомним в этой связи, что в стране Утопии, изображенной в речах Гигиудея, добродетельные, талантливые граждане получали особый, привилегированный статус, образуя класс, или сословие, ученых, "ordo classis literatorum" The Complete Works of St. Thomas More. Vol. 4, 1974. P.132.

⁴ Ioannis Lodovici Vivis De communione rerum ad germanos inferos (1535)//Eiusdem Opera omnia. Basileae, 1555. Vol.2 (P.923—931). P. 923.

⁵ Ibid. P. 927, 928.

⁶ Eiusdem De subventionem pauperorum. I. 9//Opera omnia. Vol. 2. P. 903.

⁷ "Sunt homines imperiti, sine ullo iudicio prorsum et corde; hoc primum quale est ad restam iudicandum tantis de rebus, et ad innovandum orbem terrarum; nulla se exercent bona arte, eorum plerique opifices sunt, sed seques, et quibus laborare instar mortis, affixi semper scamnis cauponarum". Eiusdem De communione P. 930.

⁸ Ibid. P. 929.

⁹ "tum fiebat inter paucos in eadem civitate congregatos, nempe Hierosolymis" Ibid P. 924. Далее он замечает, ссылаясь, в частности, на Послания Павла к Тимофею и др., что апостолы, проповедовавшие среди народа, не предписывали общность всех благ. Ibid. P. 925.

¹⁰ D. Erasmi Roterdami De amabili ecclesiae concordia//Eiusdem Opera omnia. T. 5 (P. 469—506). P. 505.

¹¹ В этой связи соштемся на характерное рассуждение у Вивесса: гуманист отвергает уравнилельно-обобществительные требования мюнстерцев, поясняя, что в обществе, которое устроено соответственно им, нужда, порожденная нежеланием трудиться (nemo arare vellet, aut fodere, aut aedificare), испрсмснно привела бы к войне, и победители в ней стали бы принуждать к работе побежденных, в результате чего возникло бы еще большее неравенство, еще большая несправедливость, чем прежде ("in quo rursum inaequalitas maior et iniquior multo, quam prius" I. L. Vivis De communione... P. 930). Словом, существующий порядок предпочитается как меньшее зло по сравнению с тем, чем на деле могли бы обернуться, по мысли гуманиста, предпринимаемые попытки учредить полное равенство и общность во всем.

¹² У Эразма находим: "Hoc ad concordiam est accommodatius, ut rerum proprietas ac dispensandi jus sit penes legitimos Dominos, caritas vero faciat usum communem" D. Erasmi Roterdami De amabile ecclesiae... P. 505.

Огороживания и социальный протест английского крестьянства в конце XVI в.

Огороживания второй половины XVI в. остаются гораздо менее изученными по сравнению с началом аграрного переворота или т.н. "парламентскими" огороживаниями XVII–XVIII вв.¹ В значительной степени это объясняется объективными причинами: не существует источников, которые достаточно полно отражали бы общую картину огороживаний в этот период, так как после 1566 г. вплоть до 1607 г. не предпринималось правительственных расследований огороживаний. А именно королевские "комиссии по расследованию" 1517, 1548, 1566 гг. дали статистику, на которую опирались несколько поколений историков в оценке масштабов социально-экономических сдвигов в английской деревне XV – первой половины XVI в. Нельзя отрицать и сравнительно меньшую интенсивность огороживаний второй половины столетия, отсутствие крупных крестьянских восстаний на этой почве, подобных движению 1549 г.

Во многом благодаря этому в англо-американской исторической литературе сохраняется необоснованное, на наш взгляд, мнение, восходящее еще к точке зрения У Эшли и И.Гэя, что в этот период огороживания "замерли" и "практически отсутствовали" до новой их волны в XVII в.² Это явно противоречит многочисленным свидетельствам современников, которые в этом случае трактуются как преувеличенно эмоциональные и недостоверные. Между тем, даже при отсутствии надежной статистики нельзя пренебрегать нарративными источниками, которые позволяют оценить, если не масштабы явления, то во всяком случае его тенденции. Многих современни-

ков – проповедников, писателей, публицистов, депутатов парламента, волновали огороживания, которые продолжали идти полным ходом и носили далеко не единичный характер в последние десятилетия XVI в. Борьбу с ними они считали отнюдь не надуманной проблемой, а своей актуальной задачей. В 1583 г. священник Ф.Стеббс писал в трактате "Анатомия злоупотреблений": "Лендлорды забирают и огораживают общинные земли, болота, вересковые пустоши и другие общинные пастбища, с которых бедные общинники обычно получали корм для своего скота, и, что важнее, зерно для самих себя"³. Те же мотивы звучали в памфлетах Н.Брстона "Wits trenchmour" (1597) и У.Вогана "Золотая роща" (1600). Последний утверждал: "В наши дни йомены переживают упадок, гостеприимства больше нет, земледелие почти исчезло. Причина заключается в том, что лендлорды, не удовлетворенные теми доходами, которые получали их предшественники, не оставляют места для пастбища и огораживают одной загородкой многие тысячи акров, земледельцев вышвыривают с их наделов."⁴ Подобные свидетельства об огороживаниях в 90-х гг. XVI в. встречаются в эпиграммах популярного поэта Бастарда, в проповедях священника Триджа, в парламентских речах Ф.Бэкона, наконец, в преамбуле статута 1597 г. "О поддержании пашни", в котором констатировался упадок земледелия "вследствие огороживаний последних лет"⁵.

Однако картина огороживаний второй половины XVI в. остается расплывчатой не только по причинам объективного порядка. Зачастую, когда факты огороживаний отрицать невозможно, их рисуют как мирные, полюбовные разделы между лордами и держателями или членами крестьянской общины, игнорируя многочисленные конфликты, возникавшие на этой почве в последние десятилетия XVI – нач. XVII в.⁶ Чтобы оценить их масштабы, достаточно обратиться к документам государственных учреждений и судов, которые занимались тяжбами из-за земельной собственности — Тайного совета, казначейства,

канцлерского суда. Существует целый пласт источников, отражающих борьбу английских крестьян против огораживаний на локальном уровне – протоколы мировых судей.

Отстаивая свои земли и общинные угодья, крестьяне прибегали к самым различным средствам. Среди них – апелляции к высшим государственным инстанциям, обращение с коллективными петициями в Тайный совет, в парламент, к лорд-канцлеру. География происхождения этих петиций, датированных 80–90 гг. XVI в. убеждает в том, что насильственная экспроприация держателей джентльменами шли в эти годы в Уэльсе, в графствах Дербишир, Уилтшир, Йоркшир, Норфолк, Сомерсет и др.⁷

Сам факт появления таких петиций свидетельствует об остроте конфликтов и их затяжном характере, так как обращению крестьян в высокие инстанции предшествовали долгие и разорительные тяжбы в графствах, где, как правило, мировые судьи решали дела в пользу лендлордов. Примером может послужить длившаяся с 1596 по 1598 гг. тяжба крестьян из Сомерсетшира с их лордом, сквайром Дж.Роднеем, который "захватил их общинные угодья и превратил пахотные земли в пастбище для овец" Несмотря на то, что мировые судьи графства решили дело в пользу держателей и постановили оставить поля открытыми, лендлорд продолжал огораживания, и крестьяне вновь и вновь направляли в Тайный совет свои жалобы⁸

Крестьяне отстаивали свои земли с редким упорством, отправляясь ради этого в далекый им Лондон, чтобы поддержать требования, изложенные в петициях. Так, в феврале 1599 г из Уэлса в столицу явились 23 представителя общины из Эстона и заставили членов Тайного совета выслушать их жалобы, "столь энергично подкрепленные", против некоего Бротона, джентльмена, который, будучи членом Совета Уэльса, "безнаказанно захватывал и огораживал их земли" По признанию самих членов Тайного совета, они "очень неуютно почувствовали себя" под натиском крестьянских депутатов и пережили немало неприятных минут, прежде чем избавились от них⁹.

Однако крестьянство не удовлетворялось только "законными" средствами борьбы против огороживаний, не приносившими желаемых результатов, вследствие классового характера судопроизводства. В официальных документах этого времени нередко встречаются донесения из графств о волнениях и мятежах крестьян, вызванных огороживаниями, о разрушении изгородей, которые становились объектом всеобщей ненависти. Так, в 1593 г. крестьяне трех сотен в Арлсбери начали силой восстанавливать общинные права на отнятые у них и огороженные территории в Броун Эбботс. "Они угрожали разрушить и другие ранее поставленные изгороди на землях многих прилегающих городов и деревень", – сообщали мировые судьи в Тайный совет¹⁰. Весной 1598 г. волнения среди крестьян вызывали обширные огороживания, произведенные в конце 90-х гг. в Дербишире графом Шрусбери. Согласно донесениям с места событий, там имели место "серьезные беспорядки, учиненные некоторыми неуправляемыми людьми, мятежниками, которые незаконно собрались в Мидлтоне и его округе и разрушили большую часть стен вокруг земель графа Шрусбери"¹¹.

Но поскольку такие действия сводились к противостоянию между держателями и лендлордами в пределах одного или нескольких маноров, и носили локальный характер, только отдельные случаи такого рода попадали в поле зрения центральной администрации. Следовательно, в протоколах заседаний Тайного совета и канцлерского суда до нас дошли далеко не полные сведения о подобных фактах. Чтобы восстановить подлинную картину взаимоотношений в деревне в этот период и борьбы вокруг огороживаний, необходимо обратиться к другим типам источников, которые бы раскрывали их на уровне графства, сотни, деревни.

Таким перспективным для разработки источником, содержащим наиболее полную статистику аграрных конфликтов, могут стать протоколы мировых судей и сессий судов присяжных, где наряду с обычными уголовными преступлениями разбирались и споры из-за огороженных

участков. Эти источники до сих пор не опубликованы полностью и мало используются в исследованиях по английской аграрной истории.

По нашим подсчетам, сделанным на материалах лишь трех графств – Ланкашир, Сессекс и Гертфордшир, за период с 1590 по 1603 гг. там произошли 95 столкновений из-за огороженных земель. (При этом надо учитывать значительные пробелы, которые имеются в протоколах за период с 1592 по 1601 гг.). В 29 случаях эти конфликты сопровождались погромами посевов и трав на огороженных территориях, порубками, уничтожением урожая, запасов и вредительством в иных формах. В 12 случаях при "незаконном вторжении" на огороженные земли (*closes*) мы встречаемся с угоном и порчей скота¹²

Многие из этих конфликтов достигали высокого накала: крестьяне собирались большими группами, вооруженные, – пользуясь языком источника, – "как для боя" (*in warlike manner*), захватывали огороженные территории и долгое время силой удерживали их, изгнав оттуда огораживателей. Нередки были и случаи физической расправы с последними.

Примечательно, что уже в начале 90-х гг. XVI в. зарождается специфическая форма крестьянского противостояния огораживанию, напоминающая действия диггеров, которая позднее получит широкое распространение в восстании 1607 г. в центральных графствах. В документах четвертой сессии суда в Ланкашире есть упоминание о том, что в апреле 1591 г. трое крестьян "незаконно вторглись на землю, огороженную сквайром Фр. Холтом и вскопали ее мотыгами"¹³

Значительная доля указанных столкновений и конфликтов из-за огороженных участков приходилась на Ланкашир. Между тем, в "Аграрной истории Англии и Уэльса" – авторитетном коллективном труде английских историков, Ланкашир приводится как пример графства, где огораживания якобы носили "дружественный" характер и проходили безболезненно¹⁴. Это еще раз доказывает

важность обращения к локальным источникам, документам местной администрации, которые могут существенно уточнить, а порой и в корне изменить картину отношений между крестьянской общиной и огороживателями – ленд-лордами и крупными фермерами.

Борьба вокруг огороживаний особенно обострилась в середине 90-х гг. XVI в. в связи с тем, что под давлением нижней палаты парламента в 1592–93 гг. королева Елизавета I отступила от традиционной для Тюдоров антиогороживательной политики, отменив ряд законодательных ограничений на огороживания, содержащихся в статуте 1563 г "О поддержании пашни" Это развязало руки джентльменам и фермерам и придало новый импульс огороживаниям. Уже через четыре года правительство было вынуждено констатировать, что за это время "депопуляция из-за превращения пашни в пастбище возросла во много раз больше, чем за такое же время в прежние времена"¹⁵ Это документально подтверждают данные комиссии по расследованию огороживаний в центральных графствах, назначенной в 1697 г после подавления крупного крестьянского восстания в этом районе. Несмотря на то, что эти данные, опубликованные Гэем, неоднократно подвергались критике как приуменьшенные, они позволяют тем не менее оценить относительную динамику огороживаний в последнее десятилетие XVI – нач. XVII в. На 1593–97 гг. приходился высший пик огороживаний в графствах Бедфордшир и Бэкингемшир. Значительный их рост наблюдался с 1593 г в Уорикшире, Норзэмптоншире, Лейстершире, Линкольншире¹⁶ Сходной была картина и в других графствах. В 1597 г. декан Дарема отмечал, что со времени отмены ограничений на огороживания, в его графстве "500 плугов пришли в упадок, а из 8000 акров, которые были под пашней, теперь распахивается не более 160"¹⁷

Наступление обуржуазившегося дворянства и фермерства на общинные права крестьянства совпало с резким ухудшением положения последнего в результате многолетних неурожаев (1593–1598 гг.). Англию охватил голод

Нехватка зерна и небывалый рост цен на продукты питания породили всплеск недовольства огораживаниями, которые многие современники считали главной причиной сокращений посевных площадей под зерновыми. В стране сложилась взрывоопасная ситуация.

Прямым ее следствием стала неудачная попытка крестьян Оксфордшира поднять восстание в декабре 1596 г., проходившее под лозунгами против огораживаний. В местечке Энслау Хилл собрались 200—300 человек, со всех концов графства, с призывами к остальным "подняться и разбить джентльменов и богатеев, которые захватывают общинные угодья и делают зерно таким дорогим" Называли и конкретные имена: "Мистер Пауэр огородил много земли, мистер Фрер разрушил целую деревню Уотер Итон, сэр Уильям Спенсер огородил общинные поля"¹⁸

Властям удалось подавить это движение в самом его зародыше. Как показало правительственное расследование, его программа выходила далеко за рамки локальной борьбы с огораживаниями местных лендлордов. Крестьяне намеревались, расправившись с джентльменами своего графства, двинуться на Лондон, чтобы соединиться с городской беднотой и подмастерьями. Один из лидеров крестьян, Б.Стэр, убеждал их, что не пройдет и месяца, как они захватят все королевство. Он призывал отрубить головы всем джентльменам, туманно ссылаясь при этом на пример Испании, "где бедняки однажды восстали, уничтожили дворянство и с тех пор живут счастливо" Стэр рисовал своим братьям будущее в духе традиционной крестьянской утопии: им не придется заботиться о пропитании и работе, так как мир, который они сумеют устроить, будет веселее (*merrier world*), крестьянин станет получать больше, при том, что проработав день, на другой он будет отдыхать.

Упорное сопротивление крестьян огораживаниям и угроза крупного социального взрыва, призрак восстания 1596 г не прошли бесследно. В результате этих событий правительству пришлось пересмотреть свою позицию в

аграрном вопросе и снова вернуться в русло традиционной политики запретов на огороживания, что было официально закреплено статутом 1597 г.¹⁹

Однако, как и большинство тюдоровских законов против огороживаний, он не имел реальной силы. Джентльмены и фермеры продолжали огораживать открытые поля и общинные угодья вопреки всем статутам. Согласно комиссии 1607 г. динамика огороживаний в центральных графствах была на рубеже XVI–XVII вв. такова: 1578–1588 гг. – 13.710 а., 1588–1597 гг. – 19.431 а., 1597–1607 гг. – уже 28.740 а. Поэтому закономерно, что там, где они достигают наибольшего размаха, а именно, в графствах Норземптон, Уорикшир, Лейстершир, Бедфордшир в 1607 г. возникло поначалу мирное движение диггеров, которое затем перерастает в крестьянское восстание. Они уничтожали ограды, засыпали рвы и каналы, возвращая огороженные земли в их прежнее состояние. Один из вождей левеллеров Джон Рейнолдс заявлял, что полномочия уничтожать огороживания он получил от самого короля – довольно распространенный в крестьянских движениях мотив освящения своих действий авторитетом королевской власти. Местное население активно поддерживало диггеров, посылая им продовольствие и инвентарь – заступы и мотыги, – необходимый для скорейшего осуществления их справедливого замысла.

Подводя итоги, можно заключить, что последние десятилетия XVI в. не были периодом "классового мира" в английской деревне, они характеризовались отнюдь не "затуханием" огороживаний, а напротив – их ростом, что и вызывало постоянное сопротивление крестьянства, осуществлявшееся в самых разных формах – от актов индивидуального протеста и локальной борьбы в пределах одного или нескольких маноров, до крестьянских восстаний, в которых конкретное требование возвращения огороженных земель, составлявшее основу программы, переплеталось с утопическими мечтами об уничтожении "всего дворянства" и установлении справедливого и счастливого

"крестьянского мира" Таким образом, движения 1596 и 1607 гг. возникают не на "голом месте", а предстают как пики на фоне непрерывного сопротивления английского крестьянства огораживаниям. Однако картина этой борьбы требует еще значительных уточнений, и перед исследователями встает задача восполнить пробел, существующий в современной литературе, обратившись к тщательному изучению аграрного развития Англии во второй половине XVI на основании новых комплексов источников.

Примечания

- См.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т.3. М., 1986. С.35.
- ² Эллис У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897. С.565; Gay E.F. Inclosures in the sixteenth century//Quarterly Journal of Economics. 17. L., 1903.
- ³ Stubbs Ph. Anatomy of abuses in England. A.D. 1583. L., 1879. P.116.
- ⁴ The Elizabethans. Cambridge, 1957. P.72, 74.
- ⁵ Tudor Economic Documents. N.Y., 1924. V.2. P. 154; D'Ewes S. The Journal of All the Parliaments.. Shannon, 1971. P.434; Statutes of the Realm V.4 L., 1810. P.893.
- Gay E.F. The Midland revolt and the inquisition of depopulation of 1607//Transaction of the Royal Historical Society. V.17. L., 1904; Kerridge E. Agrarian problems in the sixteenth century and after. L., 1969; Agrarian History of England and Wales. V.4 Cambr., 1967.
- Acts of Privy Council. V.24. P.79; V.25. P.79, 96, 188; V.27. P.220, 296 V.31. P.194, 631.
- ⁸ Ibid. V.26. P.194, 631. V.27. P.129.
- ⁹ Ibid. V.30. P.631.
- ¹⁰ Ibid. V.24. P.473.
- ¹¹ Ibid. V.28. P.442.
- ¹² Lancashire Quarter sessions records. 1590-1606. L., 1917; Calendar of the assize records. Sussex indictments. L., 1975; Calendar of the assize records. Herefordshire indictments. L., 1975.
- ¹³ Lancashire Quarter sessions records. P.84.
- ¹⁴ Agrarian History of England and Wales. P.201-202.

- ¹⁵ Gay E.F. The midland revolt..., P.Gould J.D. The inquisition of depopulation of 1607 in Lincolnshire // Economic History Review. V.LXVII. N 264. 1952.
- ¹⁶ Calendar of the State Papers. Domestic. Elizabeth 3a 1595-97. P.347.
- ¹⁷ Ibid. P.210, N.10
- ¹⁸ Ibid. P.210, N.10; The Good old Cause. N.Y., 1969. P.91-93.
- ¹⁹ Statutes of the Rcalm. V.4. L., 1810. P.893.

Религиозные войны во Франции (1562–1598): военные перед лицом гражданской войны

Вопрос об участии армии и военных во внутренних общественных конфликтах остается актуальным и в современных условиях начала третьего тысячелетия. Когда социальный конфликт принимает форму вооруженного противостояния, будь то бунт, революция или же гражданская война, от позиции людей, владеющих оружием и умением обращаться с ним, организованных в силу, предназначенную для обеспечения решений государственных проблем, во многом зависит исход подобных кризисных ситуаций в обществе.

Для общества Франции XVI в. война стала естественным климатом: на период Итальянских войн (1494–1559) из 65 лет ведение боевых действий занимает 45 лет; в эпоху религиозных войн (1562–1585) из 23 лет общая продолжительность военных кампаний занимает 10 лет. Война на короткое время сменялась перемирием, внешняя война сменялась внутренней смутой; после религиозных войн последовали войны Лиги (1585–1598), а затем война на весь XVII в. становится перманентным состоянием Франции. События XVI в. интересны с двух точек зрения: во-первых, между окончанием Итальянских и началом внутренних войн во Франции существует минимальный, в несколько лет промежуток времени, что заставляет задуматься о взаимосвязи внешнего и внутреннего конфликта, а во-вторых, и во время Итальянских, и во время религиозных войн участниками событий весьма часто являются одни и те же персоны, как военачальники, так и простые солдаты; вчерашние товарищи по оружию становятся противниками, воюющими друг против друга. Противоборство католиков и гугенотов, их взаимоотношения с королев-

ской властью оказались в прямой зависимости от военных событий, то есть от позиции тех, кто непосредственно сражался с оружием в руках. В современной историографии в последнее время усилился интерес именно к этому аспекту религиозных войн во Франции¹, поскольку зачастую ход событий не представляется возможным понять без учета военного фактора, чье влияние на развитие ситуации внутри французского общества второй половины XVI в. нельзя недооценивать. При этом поведение самих военных, мотивацию их действий далеко не всегда можно объяснить только религиозным противостоянием, на их поведение в ходе конфликта воздействовал целый комплекс факторов самого разного рода.

Положение военных внутри французского общества в момент начала гражданских войн во многом вытекало из общего состояния Франции после заключения мира в Като-Камбрези (1559), подведшего неутешительный для Франции итог Итальянских войн. Отказ от всех завоеваний, отказ от своих союзников в Италии, финансовое банкротство королевства напрямую оказали воздействие на положение французских военных. Насколько Франция была в состоянии продолжать войну – вопрос спорный, но сами условия мира воспринимались военными как позорные: отдавались все плоды их усилий почти за полстолетия, и это при том, что маршал Бриссак удерживал Пьемонт фактически без какой-либо помощи, французы вели там весьма успешные боевые действия. Поэтому наиболее эмоциональная оценка мира шла из пьемонтской армии, по свидетельству Пьера Брантома, присутствовавшего в Пьемонте в тот момент, когда он очищался от французских гарнизонов: то, что говорили по этому поводу солдаты, трудно передать без ненормативной лексики: "что до солдат и прочих товарищей по войне, они уже столь свыклись с гарнизонной жизнью, что не надо и спрашивать, что они об этом кричали, особенно гасконцы: "Ха! Господень! Это надо же, чтобы за маленькую территорию между ляжек этой женщины (имелась в виду Диана Пуа-

ть, которую считали одной из главных виновниц подписания мира. – В.Н.) отдавали столько прекрасных и обширных территорий"² Солдаты других старых пехотных банд высказывались ещё более неприлично³ По выражению самого Брантома, "одним росчерком пера и тремя-четырьмя каплями чернил" отдавались плоды их многолетнего труда (многие провоевали в Италии 30–20 лет), предавались союзники-итальянцы, которые по условиям мира оставались на произвол победителей, срывались или передавались испанцам крепости, города и замки, взятие которых стоило им большой крови как своей, так и своих товарищей: расходы, смерти и ранения – всё напрасно и зазря⁴ Обычное поведение и настроения дворян во время персмирия, например после переговоров в Ницце в 1538 г. (перемирие было прервано в 1541 г. после убийства французских послов) маршал Вьейвиль описывает следующим образом: "И чтобы насладиться плодами этого договора, при дворе говорили только о празднествах, турнирах, конных ристалищах, каруселях, маскарадах и прочем времяпрепровождения, чтобы похоронить свои воспоминания о пожарах, грабежах, убийствах, насилиях и потере друзей за всю эту долгую войну..."⁵ Мир в Като-Камбреси не давал возможности избавиться от этих воспоминаний, военным казалось, что все их потери и усилия были ненужными, мир стал для них психологической травмой, тем более что главные участники заключения мира – коннетабль Монморанси и маршал Сент-Андре, потерпев тяжелейшее поражение при Сент-Кантене, находились в плену, и мир воспринимался как их плата за собственное освобождение. Сами военные давно недолюбливали коннетабля Монморанси – посредственного полководца, воспрепятствовавшего доведению до конца наступления после битвы при Ренти, помешавшего взятию Брюсселя и допустившего множество прочих военных просчётов. Даже весьма сдержанный в оценке знатных персон Монлюк прямо обвиняет Монморанси и Сент-Андре в предательстве интересов Франции⁶, а у Таванна его оцен-

ка приближается к ранее упомянутой солдатской: "Этот постыдный и печальный мир, предательство союзников, капитаны, отданные на расправу врагам, забытые кровь и жизни столь большого числа французов, 150 отданных крепостей, чтобы вытащить из тюрьмы старика коннетабля и выдать замуж парочку французских принцесс, что было нищенским прикрытием подлости"⁷ По сообщению сына маршала Таванна, его отец и остальные капитаны открыто высказывались против мира и его авторов, пока коннетабль не заткнул им рот⁸ Помимо горечи поражения, мир принес настоящую катастрофу для самих военных, равно для дворян и солдат-ротурые, поставив их на грань разорения и резкого понижения чувства собственной значимости в обществе.

Почти пятьдесят лет востребованности военных и их постоянной занятости на войне [то есть связи с остальными частями общества были ослаблены] создавали благоприятную атмосферу для роста их самосознания; состояние мира для дворян-военных и ветеранов-солдат стало в определённом смысле столкновением с общественной системой Франции, в котором проявилось несовпадение представлений военных и остальных слоев французского дворянства о социальной иерархии и качествах, определяющих принадлежность человека к элите общества.

"Взяв в руки оружие, ощутив солдатскую вольность, они приобретают сами о себе ложную славу (*vaine gloire*) и более не хотят возвращаться к прежним занятиям"⁹ – пишет Ла Ну о французских солдатах, предпочитающих скорее сделаться бродягами и разбойниками, чем вернуться к мирной жизни. Брантом писал, что для солдат война – мать-кормилица; когда после заключения мира в Като-Камбрези распускались войска, солдаты кричали, что теперь по возвращении во Францию они просто подохнут с голода, так как напрочь забыли свои довоенные занятия¹⁰ Пока солдат находился на королевской службе, он обладал рядом преимуществ, роднивших его с дворянином: был свободен, имел право носить шпагу, не платил налогов.

Чтобы продемонстрировать свою близость к дворянству с его благородным образом жизни, профессиональные солдаты афишировали свое презрение к мирному труду и мирной деятельности, полностью отказываясь от любых неблагородных занятий, связанных прежде всего с физическим трудом (ремесло, земледелие) и торговлей¹¹. Это легко сделать при повышенном спросе на военно-рабочую наемную силу в условиях постоянно ведущихся войн. Мир приносил военным, многие из которых воевали по 20–25 лет¹², безработицу. Найти себе источник существования, сохраняющий их военный статус в мирное время, было одинаково трудно как бедным дворянам, сделавшим войну своей профессией, так и солдатам-простолюдинам. Большой удачей даже для бедных дворян-военных было остаться на службе в сохраняющихся в мирное время старых бандах или в крепостных гарнизонах (Монлюк пишет, что во время мира дюжина капитанов остается на королевской службе в военном лагере, а остальные умирают с голода по госпиталям¹³); для особо выделявшихся храбростью и личным умением владеть оружием была возможность попасть в слуги, телохранители или свиту знатных особ¹⁴. Для большинства возникал вопрос: сохранять праздный образ жизни или возвращаться к прежним занятиям.

Кроме того, военных часто распускали, не уплатив жалования, которое иногда не выдавалось за несколько лет службы¹⁵. По сведениям Брантома Франсуа де Гиз, в самом начале правления Франциск II приказал дважды провозгласить при дворе при звуках труб, что все военные, капитаны, солдаты, которые явились, чтобы просить денег и вознаграждения за свою службу во время войны, под

* В XVI в. во Франции пехота делилась на самостоятельные тактические и административные единицы, называвшиеся бандами (bandes). Численность отдельной банды в начале XVI в. составляла 500 чел., затем была снижена до 300 чел. Постепенно термин банда (bande) был вытеснен термином рота (enseigne). Термин compagnie, первоначально употреблявшийся только в отношении кавалерии, постепенно вытеснил из употребления термины bande и enseigne.

страхом смерти обязаны покинуть королевский двор, и даже установил во дворе дворца виселицу для наказания ослушников¹⁶ Этому сообщению можно было бы не поверить, но еще ранее, в 1547 г. Генрих II в инструкции принцу Мельфскому запрещал давать разрешения военным являться ко двору из Пьемонта с требованием причитавшихся им выплат¹⁷ Можно предположить, что во время мира, когда необходимость в военных сократилась, возросли и средства давления на них со стороны властей. Этот приказ, по мнению Брантома, стал одной из причин сперва Амбуазского заговора¹⁸, а затем и религиозных войн, поскольку внутренняя война стала для дворян единственной и последней возможностью "восстановить свои возможности в этой доброй гражданской войне"¹⁹ Брантом живописует, как военные, вернувшись с войны и являясь ко двору в надежде получить хотя бы обед или ужин, не имея в кармане и единого су, обнаруживали что там для них нет мест за столом, — они заняты придворными и церковниками²⁰ Военные остро ощутили свою невостребованность и пренебрежение к военным заслугам, пролитой ими крови; — вместо благодарности короля их ждало разорение: "Дворянин, который во время иностранных войн обеднел, заложив или продав свое имущество, возвращаясь, не знал, какими дровами ему согреться, поскольку эти мародеры-ростовщики все описали..."²¹ При этом необходимо отметить полное отсутствие в обществе заботы о проливавших свою кровь за короля: не существовало системы пенсий для ветеранов, в первую очередь, для оставшихся инвалидами или состарившихся на военной службе солдат: для них помимо прочего отсутствовали и особые дома призрения. В госпитали и монастыри таких солдат допускали крайне неохотно из-за их дурного поведения: склонности к пьянству, богохульству, азартным играм и дракам.

Однако помимо чисто материальных интересов (многие солдаты и дворяне обогащались на войне за счет военной добычи), необходимо учитывать и психологическое отвы-

вание от мирной жизни и приверженность военных поведенческим стереотипам, сложившимся у них на войне. Для многих война оказалась не только образом, но и смыслом жизни, следствием чего стали, с одной стороны, отток французских дворян и солдат, оставшихся не у дел, на войны, которые велись за пределами Франции (Венгрия, Мальта, Северная Африка, Фландрия и т.д.), с другой стороны, возрастание численности убийств и поединков (в том числе и дуэлей), в которых находила свой выход агрессивность, накопившаяся в обществе. Оказалась весьма прибыльным делом и профессия наемного убийцы: за нее часто брались отставные или даже продолжающие службу солдаты французских войск. Реакция этих людей, привыкших на войне добиваться всего силой оружия, на такое положение была вполне предсказуемой. Национальной чертой французов, особенно дворянства, считалось, что при отсутствии внешнего врага они начинали воевать друг с другом. Ла Ну пишет: "великое государство, полное воинственных людей, должно постоянно иметь какую-нибудь внешнюю войну, чтобы держать их занятыми, из опасения, что в случае мира они повернут оружие друг против друга... наша нация не терпит долгого пребывания в домашнем покое и полна дворянства, жаждущего славы, так что поневоле ей надо воевать..."²² О необходимости внешних войн в качестве средства "погашения пылающей крови дворянства, которое не имея возможности воевать с иноземцами, начинает воевать против собственной родины"²³, пишет и Таванн. Связь между положением военных и причинами начала религиозных войн авторам-воинам была очевидна. Монлюк пишет, что если бы не этот проклятый мир, то многие великодушные капитаны Генриха II остались бы в живых, а не истребляли друг друга в гражданской войне²⁴, это же пишет и Брантом²⁵. Война стала образом жизненного поведения, с которым многие дворяне и солдаты не торопились расставаться, решая любые проблемы силой, поэтому часть из них к началу гражданских войн была уже готова

вновь взяться за оружие. Кроме того, уже в ходе религиозных войн образовалось огромное число маргинализированных людей, утративших свои социальные корни и имущество: для них насилие сделалось естественным условием существования. Для многих из них армия стала своего рода убежищем: уж лучше грабить и убивать, чем самому ждать такой участи. Если в 1559 г. во Франции перед роспуском войск армия насчитывала около 50 тыс. чел., то к концу XVI в. численность военных во Франции превышала 100 тыс. чел.²⁶ В мемуарах маршала Таванна содержится замечание, во многом отражающее общее представление военных о причинах, породивших их вмешательство в развитие религиозного конфликта. "Проклятый мир, факелы с празднования которого стали факелами погребального шествия короля Генриха II, если бы не он, то гугеноты сколько угодно могли бы проповедовать и упражняться в риторике: они не смогли бы привлечь на свою сторону ни капитанов, ни солдат, людей такого рода, что сбегаются на войну сами, как только могут, когда их довели до отчаяния и оставили без службы. Мир, подписанный в 1595 г. между королем Генрихом IV и Лигой не произвел нового возмущения солдат только потому, что за семь лет ведения гражданской войны все были ею пресыщены, многие были убиты или умерли от лишений, а в их домах устроились, разобрав их вдов, оставшиеся в живых солдаты. Многие погибли на войне в Венгрии и Фландрии, остальных настигло пристрастное и мстительное правосудие..."²⁷

Не меньшей проблемой были и те войска, которые остались на королевской службе по окончании войны. По воспоминаниям Дю Виллара, после заключения мира между придворными кланами развернулась ожесточенная борьба, целью которой было оставить на службе свои креатуры: кого из капитанов и солдат оставлять на службе в гарнизонах и военных лагерях во многом определялось влиянием их знатных покровителей.²⁸ Численность жандармерии с 3500 копий была снижена до 2590 копий²⁹, и

это при том, что в состоянии жандармерии была переведена лучшая часть легкой кавалерии, вся пехота была пущена (это означало, что наиболее достойные капитаны также сделались простыми жандармами) и весьма небольшому числу старых банд удалось остаться на службе в гарнизонах в самой Франции. В этих условиях вертикальные связи клиентел, и без того пронизывавшие всю структуру французских войск, только усилились, что привело к фактической "приватизации" военных отрядов их непосредственными командирами, которые, в свою очередь, были связаны с придворными кланами, возглавлявшими религиозные партии. Это относится не только к ордонансным ротам жандармерии, сохранявшим свой преимущественно дворянский состав, но и к пехотным бандам, куда командиры вербовали в первую очередь своих друзей, родственников, земляков.

Поскольку финансирование армии (выплата солдатам жалования, средства на ремонт укреплений, приобретение припасов, снаряжения, оружия и т. д.) осуществлялось нерегулярно и с большими задержками, военные командиры часто были вынуждены использовать на эти цели свои собственные средства, что опять-таки усиливало личные связи между военачальником и подчиненными, придавая его отряду характер личной собственности. Последнее только усилилось благодаря получившей свое развитие во второй половине XVI в. практике продажи военных должностей. Солдаты помимо цветов своей партии носили и цвета своего капитана³⁰, были часто экипированы на его деньги, выплата им жалования и обогащение военной добычей зависели от его воли и военной удачи, так что капитан был полным хозяином своих людей, которые зависели от него куда больше, чем от высшего командования.

В свою очередь высшая знать рассматривала занимаемые военные посты как личную собственность, а доверенные им части, содержащиеся за счет королевской казны, как личную гвардию. Вся армия сверху донизу была про-

низана вертикальными клиентельными связями, шедшими от высшей знати до простых солдат³¹ Даже во время внешних войн было частым явление, когда отряды отказывались идти в бой и выполнять приказы командующих без их утверждения своими непосредственными командирами, как это сделали солдаты д'Андело, отказавшиеся в Пьемонте дать присягу и исполнять приказы маршала Бриссака без разрешения своего хозяина и покровителя³² В этом кроется причина того, что в ходе религиозных войн вся французская армия оказалась подслена в соответствии с политической и религиозной ориентацией своих командиров. Могущественные дворянские кланы имели возможность мобилизовать не только своих приверженцев из связанных с ними дворянских родов, но и те военные части, находившиеся на королевской службе, командование которыми осуществляли их ставленники и сторонники. Король, вынужденный принимать в расчет реальное положение дел, фактически не мог контролировать назначения и смещения командиров военных отрядов, комендантов крепостей и губернаторов провинций, в чьих руках также были сосредоточены значительные воинские контингенты. По подсчетам маршала Таванна военные силы Франции разделились между католиками и гугенотами строго в соответствии с тем, командовал ли ими сторонник и ставленник Монморанси и Бурбонов или они подчинялись командирам, отдавшим себя под покровительство Гизов, а "солдаты, набранные своими вождами и в большинстве своем уже обстрелянные во внешних войнах, забыли короля и, не получая зарплат, предалися войнам гражданским"³³ из 60 рот жандармерии 30 были под командованием ставленников Монморанси, его племянник Гаспар Колиньи был адмиралом, д'Андело был полковником всей пехоты. В свою очередь Гизам достались 20 рот жандармерии и легкая кавалерия, под их командованием находился и галерный флот Франции³⁴ Поскольку Граммон и д'Андело увели к гугенотам всю французскую пехоту, остававшуюся на службе во время мира (старые гас-

конские, пьемонтские и пикардийские банды), то католикам пришлось заново формировать собственную пехоту, а гугенотам, оставшимся без легкой кавалерии, нанимать немецких рейтар. При этом количественное соотношение капитанов и солдат, принявших сторону гугенотов, было непропорционально числу гугенотов во Франции: их число на стороне гугенотов приблизительно было таким же, как на стороне католиков; согласно исследованиям С. Дессаши-Делькло в Руэрге 48% всех капитанов воевали за католиков, тогда как за гугенотов – 40,5%. Религиозную принадлежность остальных командиров не представляется возможным определить вообще: они одинаково грабили и шантажировали и гугенотов, и католиков, беря территории и города под свой контроль и выкачивая из них прибыль³⁵. Многие выбирали сторону, исходя не из собственных убеждений, а следуя за своими вождями – командирами, которые вели их в бой в Пьемонте или Пикардии, и в чью харизму они верили. Брантом вспоминает, как Франсуа де Гиз перечислял ему капитанов и старые банды солдат, которые сейчас воюют против католиков на стороне гугенотов: полк Граммона состоит из 6 тысяч гасконцев, оставшихся не у дел после заключения мира, капитан этого полка – Бау – был известен Гизу как участник осады Меца, капитан ла Ланн был лейтенантом Граммона еще во время итальянских войн, такой же герой Пьемонта и его заместитель (*maître de camp*) де Монтмар; полк из Дофинэ под командой сеньора Фронтоне, – около 4-5 тысяч ветеранов – состоял под командой бывших соратников Монлюка: молодой Роган вместе с Монлюком защищал Сиену, капитан Сент-Обан и знаменосец Понтдор сражались вместе с Монлюком в Тоскане³⁶. При осаде Руана де Гиз очень сожалел, что он воюет против тех, кто вместе с ним брал Кале и Тионвиль, причём он прекрасно знал, что многие из них такие же гугеноты, как и он сам или Брантом³⁷. При осаде Буржа ему снова пришлось воевать против людей, которых он хорошо знал и ценил³⁸: причинами, которые приводили их к гугенотам, он называл Брантому

недовольство заключением мира и приверженность своим покровителям³⁹

Что касается собственно королевской армии, то стоит отметить активное сопротивление глав обеих религиозных партий любым попыткам короля создать значительные военные силы, поставленные под прямой королевский контроль, как, например, обстояло с попыткой создания в 1562 году 12 рот королевской гвардии⁴⁰. Однако на возможность короля военной силой воздействовать на религиозные партии, а также на основе своих военных побед добиваться политических результатов влияли в первую очередь упомянутые уже состояние королевских финансов и отсутствие содержащейся в мирное время полевой армии, прежде всего пехоты, то есть система мобилизации. Отсутствие средств вынуждало распускать большую часть войск сразу по окончании военной кампании или после сражения. Остававшиеся на службе части рассеивались по гарнизонам и пограничным крепостям, и на их сбор и сосредоточение в нужном районе в случае очередного конфликта требовалось значительное время. Для набора и обучения новых войск снова были необходимы деньги и время, поэтому армия не могла быть эффективным институтом, на который королевская власть могла бы опереться для восстановления порядка и стабилизации внутренней политической ситуации во Франции. Сама армия в условиях недостаточного финансирования превращалась в фактор дестабилизации, разоряя мирное население и опустошая районы своего присутствия. Сам характер ведения боевых действий превращал опустошение страны в один из основных методов воздействия на противника. За период религиозных войн трудно найти большое число крупных полевых сражений или ведущихся по всем правилам военного дела осад (единственное исключение – осада Ла Рошели в 1573 г.) Как правило, у обеих сторон не хватало ни тяжелой артиллерии, ни достаточного количества военных инженеров, саперов и материальных средств для правильного ведения осады; мобилизационный ресурс

был ограничен финансовыми возможностями, к тому же войска часто на глазах таяли из-за дезертирства и потерь в результате мелких стычек и болезней (на одного погибшего в бою приходилось трое умерших от различных заболеваний⁴¹). В таких условиях наибольший успех приносила тактика разорения территорий, с которых шло снабжение противника, взятие под контроль городов и крепостей, господствующих над округой и дорогами, а также изматывание врага постоянными мелкими нападениями и внезапными рейдами по контролируемой им территории. Такая тактика, используемая в первую очередь протестантами, порой приносила больший успех, чем выигранное сражение. Так, например, адмирал Колинья после поражения протестантов при Монконтуре (3 декабря 1569 г.) превратил отступление разбитой армии в настоящий "Анабазис", более года кавалерийскими рейдами разоряя области Монтобана, Тулузы, Лангедока, Прованса и Дофине.

Система взаимоотношений военных с мирным населением вне зависимости от принадлежности войск к религиозным партиям носила совершенно идентичный характер: в условиях полной деградации служб военной администрации и правосудия, служб снабжения и обеспечения войск припасами мирное население рассматривалось военными как источник получения продовольствия, фуража, гужевого транспорта и денег. Занятие городов и сел заканчивалось либо всеобщим грабежом, сопровождающимся различными актами насилия, или же уплатой выкупа, который жители предоставляли взамен обещания не предавать их дома разграблению. Активное использование всеми сторонами больших контингентов иностранных наемников (в первую очередь немецких ландскнехтов и рейтар, чья численность к концу гражданских войн могла достигать 70% от численности армий) в условиях задержки жалования постоянно приводили к тому, что наемники с лихвой старались получить с населения то, что им должны были наниматели.

Между отдельными командирами гугенотских и католических военных отрядов возникали своего рода соглашения о "разделе сфер влияния": договоренности о том, кто какие населенные пункты контролирует и получает с них дань. Даже перемирие и прекращение боевых действий не приносили облегчения: многие командиры предпочитали не распускать свои отряды, а брать под контроль близлежащую округу и кормиться за счет окрестных деревень и городов. Деятельность одного из таких капитанов, хозяйничавшего в Пуату – Гийери, возглавлявшего отряд в 400 чел. – была пресечена только в 1604 г. Печальную известность в 1592–1598 гг. приобрел сражавшийся на стороне Лиги сеньор Ля Фонтенель. Сделав своей базой остров Тристан, он держал под контролем многие города и села Нижней Бретани, жестоко пресекая любые попытки неподчинения, как это было в селе Корнуайль, где его отряд перебил около 1,5 тыс. крестьян. Тем не менее, после окончания войны вместо наказания Ля Фонтенель получил королевское признание своей власти, став губернатором острова Тристан⁴². Подобные случаи не являются исключениями: своей жестокостью в отношении мирного населения и военнопленных особо прославились Блез Монлюк и барон Адрет. Насилие с одной стороны часто провоцировало насилие противников. Так, в ответ на то, что по приказу адмирала Колиньи ландскнехты, сражавшиеся на стороне протестантов, после сражения при Ля Рош Л'Абель (25 июня 1569 г.) перебили несколько сотен пленных католиков, в том числе и швейцарцев, после сражения при Монконтуре устроивших настоящую резню пленных протестантов-ландскнехтов.

Военные потери в результате сражений часто превышали треть, а то и половину от числа сражавшихся⁴³. Стоит отметить, что наибольшую кровожадность в отношении противника проявляли не столько профессиональные военные-наемники, сколько те, для кого война стала временным занятием, например, члены городских ополчений: страх за свою собственную жизнь, жизнь близких и свое

имущество делал буржуа, взявшихся за оружие, беспощадными к врагу⁴⁴. Особой жестокостью в отношении солдат отличалось и сельское население, при малейшей возможности стремившееся отомстить за насилия, притеснения и грабежи, совершаемые солдатами. Тем, кто спасался бегством с поля боя после проигранного сражения, крестьян приходилось опасаться куда больше, чем солдат противника. В ответ на насилия военных города усиливали свою защиту, порой отказываясь пускать в свои ворота даже королевские гарнизоны, предпочитая полагаться только на собственные силы. На Юго-Западе Франции к 1594 г. развилось движение кроканов, истреблявших солдат вне зависимости от их принадлежности. Ранее подобная ситуация сложилась и в других регионах, например, в провинции Ля Перш в 1588–1589 г., где действовали отряды "народных мстителей" – так называемых готье. Военные действия и сопровождающие их разорения, хотя и неравномерно, затронули почти все регионы Франции: "мадмуазель грабеж" и "братец резня" ("M-lle La Pucelle" и "Frère Massacre"), – как выразился Ла Ну, – в разное время наиболее всего затронули Овернь, Пуату, Нормандию, регион Луары, Бургундию и Гиень. Всего за период войн 1562–1598 гг. общие потери населения Франции по различным подсчетам составили от 2 до 4 млн. чел. – к началу войн все население Франции составляло около 20 млн. чел. Чаще всего эти потери связаны с введением боевых действий и их прямым следствием: голодом и болезнями. Так, например, в результате осады Парижа в 1590 г. в городе 12 тыс. чел. умерло от голода в результате блокады, а затем еще 30 тыс. чел. погибло вследствие эпидемии⁴⁵.

Итогом разрушительных для Франции гражданских войн стало изменение отношения в обществе к военным и к военному занятию вообще, что имело глубокие последствия для государства, проявлявшиеся еще и в XVIII в. Из благородного занятия, присущего дворянству, война превратилась в узаконенный грабеж. Социальный престиж военной профессии опустился на самую низкую ступень.

Если в первой половине XVI в. солдатская служба воспринималась как достойное занятие достойного человека, благодаря которому к тому же можно не только обогатиться, но и повысить свой социальный статус и даже добиться дворянства, то к концу XVI в. во Франции сформировался устойчивый негативный стереотип восприятия военного как человека дурного нрава, бездельника, грабителя и канальи. Для городских буржуа и крестьян человек, занимающийся солдатским ремеслом, стал "зверем, вырывающимся из клетки", по отношению к которому можно испытывать только отвращение и страх. Итогом стало отсутствие у населения интереса к военной службе, сохранившееся на долгое время: при Ришелье иностранные военные контингенты составляли половину французских войск. Ситуация стала меняться только в правление Людовика XIV, но и накануне Великой Французской революции из 102 полков пехоты 23 были иностранными.

Другим последствием религиозных войн и изменением отношения населения к военным стало и изменение отношения к дворянству, чья связь с военной службой и военной доблестью во Франции воспринимались в качестве идеологической основы его доминирования в социальной иерархии. Приобретавшие все больший вес в обществе и королевской администрации робены стали претендовать не только на равные с "дворянством шпаги" авторитет и уважение, но и на превосходство над ним, обосновывая это тем, что дворянство более не справляется со своей военной функцией, что в полной мере проявилось в годы гражданских войн⁴⁶. Рост значения и численности в войсках, включая и командные должности, лиц ротюрного происхождения, а также деградация неписанного этического кодекса рыцарского поведения демифологизировали войну и военную доблесть как источник морального превосходства дворянства. Сам термин, обозначавший родовитых дворян (*gentilhommes*), посвятивших себя исконному "благородному" занятию дворянства, т.е. войне — стал в народе произноситься по игре слов как "*gens-pillent*"

hommes" и "gens-tucnt-hommes" ("грабящие людей" и "убивающие людей"). Именно религиозные войны оказались для Франции сильнейшим катализатором социальных трансформаций, прежде всего связанных с социальной стратификацией. Идеологический кризис дворянства, ставший прямым следствием изменений в военной организации и изменения положения дворянства в армии, привел к пересмыслению дворянского статуса и его содержания в следующем, XVII столетии.

Примечания

¹ L'homme de guerre au XVI siècle. Saint-Etienne, 1992; Wood J. B. The King's Army. Warfare, Soldiers and Society during the Wars of Religion in France, 1562–1576. Cambridge, 1996.

² Цит. по Cloulas I. Henri II. Paris, 1985. P. 574: "Quand aux soldats et compagnons de guerre, qui était déjà si longtemps accoutumés aux garnisons. ne faut point demander ce qu'ils en disaient, comment ils en criaient, s'en désespéraient et ce qu'ils en débagoulaient. Les uns, tant Gascons qu'autres, disaient: "Hé! Cap de Diou! Faut-il que pour une petite pièce de chair qui est entre les jambes de cette femme, qu'on rende tant de belles et grandes pièces de terre?"

³ Cloulas I. Op. cit. P. 574: "Que maudit soit le c... qui tant nous coute! Ah, qu'elle doit avoir le c... grand pour engloutir tant de villes et châteaux!"

⁴ Brantôme, P. Oeuvres complètes. La Haye, 1740, T. VII. P. 44, 330–331.

⁵ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVI. P. 70–71 "Et pour jour du fruit de cette trêve, on ne parloit en la Cour de notre roi que de festins, tournois, courses de bagues, carouzelles, mascarades et autres passetemps, afin d'enservelir la mémoire des bruslements, pilleries, meurtres, violements et perte d'amys, que si longues guerres avoient mené en ce royaume"

⁶ Monluc, B. Commentaires 1521 – 1576. Lyon, 1593. T.I. P. 271.

⁷ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822 T. XXIV. P. 242: "La paix honteuse fut dommageable, les associez y furent trahis, les capitaines abandonnez à leurs ennemis, le sang, la vie de tant de françois négligée, 150 forteresses rendues, pour tirer de prison un viellard connétable et se décharger de deux filles de France, qui fut une pauvre couverture de lâcheté"

⁸ Ibid. P. 236.

⁹ La Noue, F Discours politiques et militaires. Basel, 1587. P. 184.

- ¹⁰ Brantôme, P. Op. cit. T.X. P.121.
- ¹¹ Mutio G. Le combat de Mutio Iustinopolitain avec les responses cheualeresses, traduit nouvellement d'Italien en François par Antoine Chapuis Douphinois. Lyon, 1561. P.157. Даже строительство укреплений, рытье траншей и окопов воспринимались как занятия, недостойные настоящего солдата и его статуса, поэтому военачальники были вынуждены нанимать для фортификационных работ землекопов или же уговаривать своих солдат выполнить эти работы за отдельную плату, на что те соглашались крайне редко
- ¹² La Noue, F. Op. cit. P.185.
- ¹³ Monluc, B. Op. cit. P.4
- ¹⁴ La Noue, F. Op. cit. P.185–186.
- ¹⁵ Collection des memoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T.XXX. P.321–324.
- ¹⁶ Brantôme, P. Op. cit. T.VIII. P.79: "...Mr de Guyse fut cryé par deux fois à la Cour, à son de trompe, que tous capitaines, soldats, gens de guerre et autres qui estoient la, venus pour demander recompence et argent, qu'ils eussent à vuyder sur la vie. Ce Bandon facha fort et mecontenta plusieurs honnestes gens"
- ¹⁷ Документы по истории внешней политики Франции 1547 – 1548 гг. М.-Л., 1963. С. 141: "Le roy ordonne, que je ne donne congé à personne de ce pays pour l'aller fascher, mais que en escrivant il les fera depescher. A cette cause luy plaira faire payer les pentionz des colonnelz...a ce qu'ilz ne soient contrainctz de aler à la court fascher le roy".
- ¹⁸ Brantôme, P. Op. cit. T.VIII. P.82: "On a dit que cettc belle publication et ce mecontentement, avec le prétexte de la Religion ayda fort à fabriquer la conjuration d'Amboise..."
- ¹⁹ Ibid. P.221: "La brave noblesse de France se restaura de cette bonne guerre civile"
- ²⁰ Ibid. T.VI. P.343–344
- ²¹ Ibid. T.VIII. P.220: "le gentilshomme, qui durant les guerres estrangers, s'estoit appauvry et avoit engagé son bien ou vendu, n'en pouvoit plus et ne scavoit plus de quel bois se chauffer; car, ces marauts usuriers avoient tout rafflé, mais cette bonne guerre civile les restaura et mit au monde".
- ²² La Noue, F. Op. cit. P.191: "Qu'un grand estat, plein d'hommes belliqueux, doit tousjours avoir quelque guerre estrangere, pour les tenir occupez, de crainte que le repos y estant, ils ne viennent à tourner leurs armes les uns contre les autres"
- ²³ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T.XXIV. P.34: "...pour purger ce feu et ce sang bouillant de la noblesse, qui, ne pouvant agir contre lesdits estrangers, agit contre sa propre patrie".
- ²⁴ Monluc, B. Op. cit. T.I. P.272.

²⁵ Brantôme, P. Op. cit. T.IX. P.409.

²⁶ Histoire militaire de la France. Paris, 1992. V.I. P.328.

²⁷ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T.XXIV. P.243: "Paix blasmable, dont les flambeaux de joye furent les torches funebres du roy Henry II, sans laquelle les hugenots eussent eu beau à faire la chatemite et prescher en rhétorique; ils n'eussent attiré ny capitaines ny soldats, sortes de gens qui courent et font la guerre d'eux-mesmes s'ils peuvent, quand ils sont désespérer et non employer. La paix traictée en l'année 1595 entre le roy Henry IV et la Ligue, ne laissa aucune nouvelle revolte des soldats, parce qu'ayant eu sept ans de guerre civile continuelle, tout estoit saoul des armes, et plusieurs avoient esté tuez ou morts de nécessité, dans les maisons desquels les soldats vivans se jetterent et s'allicrent aux vefves. L'Hongrie et la Flandre, ou estoit la guerre, et la justice passionnée et vindicative, en firent mourir plusieurs..."

²⁸ Ibid. T.XXX. P.327.

²⁹ Susane L. Histoire de la cavalerie française. Paris, 1876. P.55, 59.

³⁰ Обычно солдаты носили крест-накрест два шарфа: один шарф цвета религиозной партии, второй шарф цвета капитана. Гугеноты носили белый шарф, католики и их союзники испанцы – красный. В отличие от испанцев католики нашивали в дополнение белый крест. Сторонники Лотарингского дома носили желтый шарф. С 1589 г. белый шарф стал символом солдат королевской армии, в то время как сторонники католической Лиги стали носить черный шарф как символ траура по убитому Генриху Гизу

³¹ Corvisier A. Armée et sociétés en Europe de 1494 à 1789. Paris, 1976. P.85

³² Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T.XXVIII. P.398.

³³ Ibid. T.XXIII. P.415 "...les soldats, créés par les chefs, oublient le roi, la multitude d'aguerris n'estant payer s'adonne aux guerres civiles".

³⁴ Ibid. T.XXIII. P.415.

³⁵ Desachy-Delclos S. Les élites militaires en Rouergue au XVI siècle // Annales du Midi. Toulouse, 1996. P.16.

³⁶ Brantôme, P. Op. cit. T.X. P.164.

³⁷ Ibid. P.171.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Susane L. Histoire de l'infanterie française. Paris, 1985. P.122.

⁴¹ Histoire militaire de la France. Paris, 1992. V.I. P.333.

⁴² Ibid. P.327

⁴³ Ibid. P.326. Эта цифра включает в себя убитых, раненых, пленных и дезертировавших с поля боя. Потери французской королевской армии

эпохи религиозных войн вполне совпадают по своим показателям с потерями испанской армии в Нидерландах в период 1572–1595 гг. См. Parker G. *The Army of Flanders and the Spanish Road 1567–1569*. Cambridge, 1972. P.207–209; Wood J. B. *The King's Army. Warfare, Soldiers and Society during the Wars of Religion in France, 1562–1576*. Cambridge, 1996. Chapitres 7–10.

⁴⁴ Corvisier A. *La mort du soldat à la fin de Moyen Age* // *Revue historique*, 1975. P.5.

⁴⁵ *Histoire militaire de la France*. Paris, 1992. V.I. P.327.

⁴⁶ Jouanna A. *Ordre social: mythes et hiérarchies dans la France du XVI siècle*. Paris, 1977. P.148–149; Jouanna A. *Histoire des élites en France du XVI au XX siècle: l'honneur, le mérite, l'argent*. Paris, 1991. P.36–37

Ганс Бёхайм и споры о советской медиевистике

В шестом номере «Новой и новейшей истории» за 2000 г была опубликована моя статья «Энгельс о Гансе Бёхайме и плебейско-пролетарском аскетизме». Она была написана очень давно, экземпляр ее, принятый к напечатанию в одном из институтских сборников, то терялся, то бесконечно откладывался, пока благодаря любезности Г.Н.Свосьтянова не оказался выпущен в свет.

Однако коллективная работа, куда статья первоначально предназначалась, была наконец завершена, и редколлегия с согласия журнала предложила мне, сократив, дополнить немногими строками, подчеркивающими исключительную роль Е.В.Гутновой в защите достижений наших исследований западного средневековья, осуществленных в советский период. До последних своих дней Е.В.Гутнова настойчиво отстаивала мысль о том, что никакие новые исследовательские приемы не дают право добросовестным историкам пересчеркивать подлинные успехи своих предшественников, чем бы это не диктовалось, будь то искренней увлеченностью, эффектной новизной оригинальных подходов к материалу, будь то прозаичным стремлением очутиться на гребне тщеславия.

Е.В.Гутнова всегда очень много уделяла внимания историографии и прекрасно понимала, что даже самые сухие сочинения историографов – это живая часть истории. Их напрасно пытались «ревизовать», отринуть за устарелостью или пренебречь из-за несоответствия веяниям моды. Когда ревнители наиновейших метод и приемов готовы были все крушить, она не ввязывалась в споры, которые представлялись ей бесплодными, но и не оставалась в сто-

роне, если надо было встать на защиту отечественной медиевистики, дореволюционной и советской. На давней конференции, посвященной Е.А.Косминскому, где я прочел доклад о Гансе Бёхайме и положении в Союзе коммунистов летом 1950 года, Е.В.Гутнова горячо разделила предложенные мною сопоставления. Очень грустно, что статья выходит в сборнике, посвященном её светлой памяти.

Источниквед, изучающий "Крестьянскую войну в Германии", столкнется с любопытной проблемой: во-первых, как Энгельс использовал книгу Циммермана. Ошибается тот, кто думает, что речь шла лишь о переосмыслении, с новых теоретических позиций, материала, почерпнутого у Циммермана. Только текстологические исследования в полной мере обнаруживают широту исторических познаний Энгельса и степень его независимости от нарративной методы Циммермана. Здесь нет возможности даже на примере движения Ганса Бёхайма рассмотреть более глубокий пласт – вопрос о том, насколько добротен был сам материал у Циммермана. Скажем только, что иногда целые страницы Циммермана представляют собой раскавыченные цитаты из надежнейших документов – хроник, программных статей, писем.

Но вторая сторона проблемы, и мы сосредоточим на ней вниманис, еще важнее. Как в этом произведении Энгельса отразилось время, когда оно было создано? Как реальная обстановка 1850 года, напряженная идейная борьба, развернувшаяся летом и осенью, отразилась не просто на замысле, а на самом тексте "Крестьянской войны в Германии"? Не станем повторять общих положений, известных советским историкам со студенческих лет, – об уроках поражения революции 1848–1849 гг., о необходимости союза с крестьянством. Не будем пересказывать написанного Энгельсом о движении Ганса Бёхайма¹. Попытаемся понять, почему именно Литаврщик из Никласхаузена (Ганс Дударь), фигура, на наш взгляд, не столь уж и примечательная, подтолкнула Энгельса именно на исходе лета 1850 года к теоретическим обобщениям в ту пору

предельно актуальным, тем более, что некоторые документы, относящиеся к событиям 1850 г. опубликованные ещё в ГДР, никогда к изучению нашей темы не привлекались.

Движение Ганса Бёхайма², происходившее в землях Вюрцбургского епископства в конце XV столетия с его явно средневековыми чертами, казалось бы, не имеет никакого отношения ни к истории утопического социализма, ни, тем более, к идейной борьбе, развернувшейся накануне буржуазной революции 1848–1849 гг. и после ее поражения. Но это далеко не так.

"Крестьянская война в Германии" принадлежала к числу наиболее читаемых у нас и в других странах сочинений Энгельса. На этой работе воспитывались поколения историков-марксистов. Несмотря на широкое ее изучение, нельзя сказать, что она всесторонне исследована. Хотя важный отрывок из "Крестьянской войны" давно рассматривают как обстоятельную критику взглядов Виллиха и Шанпера относительно характера предстоящих в Германии революционных событий, как предостережение против преждевременной пролетарской революции³, тема далеко не исчерпана⁴.

Иными словами, "Крестьянская война в Германии", признанный образец ранней марксистской историографии, все еще мало изучена как политическая, пропагандистская работа⁵.

В главе третьей "Крестьянской войны" Энгельс пишет о первых революционных выступлениях немецкого крестьянства в конце XV в., о проповеди Ганса Бёхайма, который призывал народ к покаянию и отказу от мирских удовольствий. Рассказ еще только начат, ему отведен пока лишь один абзац, когда повествование прерывается вставкой⁶, занимающей целую страницу.

"Уже здесь, у этого первого предшественника движения, — пишет Энгельс, — мы находим тот аскетизм, который мы обнаруживаем во всех средневековых восстаниях, носивших религиозную окраску, и в новейшее время на начальной стадии каждого пролетарского движения"⁷.

Здесь сразу же подчеркивается идейная преемственность народных восстаний средневековья и ранних выступлений пролетариата.

"Эта аскетическая строгость нравов, — продолжает Энгельс, — это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет"⁸

Своеобразие такого рода аскетизма Энгельс считает нужным оттенить: "Этот плебейский и пролетарский аскетизм как по своей неистово-фанатической форме, так и по своему содержанию резко отличается от бюргерского аскетизма в том виде, как его проповедовали бюргерская лютеранская мораль и английские пуритане в отличие от индипендентов и других более радикальных сект и весь секрет которого состоит в буржуазной бережливости"⁹

Энгельс выступает не только как историк, склонный к широкому теоретическим обобщениям, но и как непосредственный участник бурных событий, когда принципы, провозглашенные Марксом и Энгельсом, подвергались ожесточенным нападкам поборников утопических, но крайне "революционных" представлений.

"Впрочем, само собой разумеется, — читаем дальше, — что этот плебейско-пролетарский аскетизм теряет свой революционный характер, по мере того, как, с одной стороны, развиваются современные производительные силы,

безгранично увеличивая средства потребления, и делая тем самым ненужным спартанское равенство, и, с другой стороны, становятся все более революционными условия жизни пролетариата, а вместе с ним и сам пролетариат. Тогда массы постепенно освобождаются от аскетизма, а у цепляющихся за него сектантов он вырождается либо непосредственно в буржуазную скаредность, либо в ходульную добродетель, которая на практике также сводится к мещанскому или ремесленническому скряжничеству. Масса пролетариата менее всего нуждается в проповеди отречения от земных благ, хотя бы уже потому, что у нее не осталось почти ничего, от чего бы она могла отречься"¹⁰

После такой вставки Энгельс продолжает на полутора страницах рассказывать о движении Ганса Бёхайма. Теперь если мы сопоставим это отступление, касающееся плебейско-пролетарского аскетизма со всем тем, что писал о Бёхайме Циммерман¹¹, то вынуждены будем признать, вставка об аскетизме – не просто вывод, основанный на анализе приведенного у Циммермана материала. Призыв к покаянию и отказу от мирских наслаждений, характерный для такого рода движений, дает Энгельсу повод высказаться на очень острую тему, занимавшую тогда умы многих членов Союза коммунистов.

Мы можем читать и перечитывать три страницы, касающиеся Ганса Бёхайма, сравнивать с изложенным у Циммермана, однако вряд ли избавимся от впечатления, что непомерно большая вставка о плебейско-пролетарском аскетизме не была продиктована историческими материалами, находившимися в распоряжении Энгельса. Нам остается искать внешние причины ее появления, дабы попытаться ответить на вопрос, почему именно летом или осенью 1850 г. она стала необходима.

Новая тщательно выверенная и хорошо прокомментированная публикация "Крестьянской войны в Германии" в 10-м томе "Полного собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса на языке оригинала" (МЭГА)¹² несомненно содействовала более углубленному изучению работы Эн-

гельса. Уже тот факт, что она воспроизведена в составе материалов теоретического журнала Союза коммунистов "Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение", среди статей, рецензий и обзоров, чье появление вызвано, если и не одинаковыми, то близкими причинами, проистекавшими в конечном итоге из насущных задач борьбы Маркса и Энгельса за торжество в рабочем движении их принципов коммунизма, без которых освобождение пролетариата было немыслимо, помогает лучше понять место этой работы в тогдашних идейных и политических баталиях.

Восстановить с должной полнотой историю создания "Крестьянской войны" очень сложно, если не сказать — вообще невозможно. Не сохранилось ни рукописи, ни верстки. Поэтому подготовители этого тома Сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса вынуждены были ограничиться весьма краткой констатацией: "Работа Энгельса "Крестьянская война в Германии" была написана в Лондоне летом 1850 г. и напечатана в сдвоенном 5–6 номере "Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue".

Основываясь на материалах, опубликованных в 10-м томе МЭГА, сделаем некоторые дополнения. "Обозрение" было задумано как ежемесячный теоретический журнал, но просуществовал он всего год и издано было лишь 6 номеров. На титульном листе последнего выпуска в виде подзаголовка значилось: "Пятый и шестой номер. — Май–октябрь 1850" Работа над материалами, составившими журнал, продолжалась вплоть до 1 ноября. Вскоре после этого последние из них были отправлены из Лондона в Гамбург, где журнал печатали. Рукописи номера не всегда посылали все сразу. Сопроводительных писем Маркса и Энгельса к издателю не сохранилось.

Сдвоенный 5–6 номер "Обозрения" вышел из печати 29 ноября 1850 г. Если принять во внимание обычные темпы работы над журналом, то допустимо предположить, что определенные изменения текста, досылки и поправки были технически возможны еще значительную часть но-

ября. Но мы не будем вступать на путь предположений и ограничимся неоспоримым фактом: материалы номера были отправлены из Лондона не раньше первых чисел ноября. Сдвоенный номер открывался "Крестьянской войной в Германии", она занимала больше половины всего объема (99 стр. из 180).

Много лет спустя, говоря о времени создания "Крестьянской войны", Энгельс кратко упомянул, что написана она была летом 1850 г.¹³ У нас, разумеется, нет никаких оснований ставить под сомнение свидетельство самого автора.

Подготовители 7-го тома русского издания рассматривали "Крестьянскую войну в Германии", естественно, как прежде всего исторический труд¹⁴. Вместе с тем отмечалось и теоретическое значение ряда обобщений. Однако их актуальное звучание, очень важное именно для внутрипартийной борьбы в Союзе коммунистов, осталось, на наш взгляд, недостаточно выявленным. Даже злободневнейшее отступление, прерывающее рассказ о Томасе Мюнцере в роли главы мюльхаузенского Вечного совета, комментируется как обобщение, пусть и недавнего, но все-таки исторического опыта: "Энгельс имеет в виду мелкобуржуазного социалиста Луи Блана и рабочего Альбера (Александра Мартена), которые вошли в качестве представителей пролетариата в буржуазное временное правительство Французской республики, созданное в феврале 1848 г. (см. об этом настоящий том, стр. 13–31)"¹⁵.

При издании в ГДР соответствующего тома произведений Маркса и Энгельса этот комментарий остался фактически без изменений и был повторен даже в МЭГА. Хотя в МЭГА обнаруживается явное несоответствие между таким примечанием и тем, что сказано о "Крестьянской войне" во введении, предваряющем ее текст¹⁶. Там отмечено, что большую часть рукописи Энгельс сочинил, вероятно, в летние месяцы. До конца августа – начала сентября работа, кажется, не была закончена. Рассуждения о положении вождя революционной партии, который вынужден взять

власть в эпоху, которая не созрела еще для господства представляемого им класса, указывают на столкновения с фракцией Виллиха-Шаппера, которые велись в августе 1850 г. и достигли кульминации на заседании Центрального комитета 15 сентября 1850 г. Поскольку последние рукописи для 5–6 номера "Revue" были отправлены в Гамбург около 1 ноября, нельзя полностью исключить, что Энгельс еще и в октябре работал над "Крестьянской войной"¹⁷

Хотя подготовители 10-го тома МЭГА и высказывают свое предположение о поздней датировке отрывка, касающегося преждевременной пролетарской революции, в очень осторожной форме, нам оно все-таки кажется малооправданным. В условиях, когда до нас не дошли ни рукопись Энгельса, ни корректуры, эта по существу текстологическая проблема становится неразрешимой. Говорить о позднейшей вставке можно было бы лишь в том случае, если бы текст отразил какие-то новые обстоятельства, которые появились лишь после окончательного раскола, происшедшего на заседании 15 сентября. Однако проанализировав все доступные нам документы, мы убедимся, что события, приведшие к расколу, развивались исподволь¹⁸ и еще в августе сам Шаппер, учитывая накал разногласий в лондонском округе Союза коммунистов, предложил перевести Центральный комитет в Кёльн.

Иными словами, отрывок об опасности, подстерегающей вождя революционной партии, когда он оказался у власти при не созревших еще исторических условиях, вполне мог быть написан и до 15 сентября. То же самое надо сказать и о "вставке", касающейся плебейско-пролетарского аскетизма. Находились ли оба эти отрывка в первоначальном тексте или были добавлены в ходе работы над рукописью решить не представляется возможным, поскольку "Крестьянская война" пронизана отступлениями и историческими параллелями, когда острые события нынешнего дня сопоставляются с далеким прошлым. Эти хитро продуманные отступления, быющие в

определенную цель, лежали в основе замысла "Крестьянской войны" как пропагандистско-публицистического произведения.

При таком сочетании исторического повествования с конкретными задачами партийной публицистики, особенно интересно выяснить, — разумеется, когда это возможно, — что толкало к той или иной параллели — сам материал вызывал соответствующую ассоциацию или, напротив, злободневная проблема заставляла автора среди фактов, находившихся в его распоряжении, искать такие, которые позволяли сделать нужное отступление и оно, будучи уместным, воспринималось бы как естественное обобщение, а не как что-то привнесенное извне.

В случае с Мюнцером, оказавшимся во главе наиболее радикальных элементов Мюльхаузена, когда со всей остротой ощутился разрыв между тем, что он мог сделать, и тем, что он должен был сделать, сам по себе возникал вопрос о "вожде крайней партии", который в аналогичных условиях вынужден был ломать голову над подобной же "неразрешимой дилеммой". Однако рассказ о Гансе Бёхайме, как он изложен у Циммермана, на наш взгляд, не заключал в себе ничего такого, что прямо требовало отступления о плсбейско-пролетарском аскетизме. Действительно, Бёхайм призывал к покаянию, отказу носить драгоценности и всякого рода суетные наряды, но эти аскетические мотивы звучали достаточно привычно для слуха средневекового человека.

Его проповеди привлекали к себе массу народа прежде всего своим ярко выраженным социальным содержанием. Мы не можем даже сказать, что материалы, собранные Циммерманом, особо подчеркивают аскетический характер движения. Религиозный энтузиазм, разбуженный Бёхаймом, не отличался чрезвычайным фанатизмом или безоглядным самоотречением, чему известно немало примеров в прошлом.

Люди, с радостью и надеждой внимавшие его пророчествам о близком наступлении царствия божьего, где не будет ни властей, ни налогов, где каждый станет добывать

пропитание собственными руками и никто не будет иметь больше другого, вовсе не обрекали себя на строгое воздержание, не садились на хлеб и воду. Вокруг Бёхайма собиралось, бывало, тысяч сорок народа. Торговцы, как во времена больших богомолий и ярмарок, старались своего не упустить. "В такие дни, – писал Циммерман, – было не иначе, как в большом военном лагере, – так возились повара, трактирщики, мелкие лавочники и ремесленники в сотнях ларьков и палаток"¹⁹

Одно представляется нам вполне вероятным: не текст Циммермана вызвал у Энгельса необходимость высказаться о плсбейско-пролетарском аскетизме. Этого требовала реальная и очень напряженная обстановка, сложившаяся в Союзе коммунистов летом 1850 г.

Разногласия начались давно, чуть ли не с первых месяцев года²⁰ В лондонской организации Союза коммунистов все более обособлялись две фракции. Одну возглавляли Маркс и Энгельс, другая группировалась вокруг Виллиха. Идейные раздоры, происходившие главным образом из-за разной оценки перспектив коммунистического движения и тактики, которой надо держаться, усугублялись резко ухудшившимся материальным положением эмигрантов. Новая волна беженцев с континента еще больше накаляла обстановку – люди не могли найти работы, ночевали на улицах и голодали.

Социал-демократический эмигрантский комитет, чтобы как-то облегчить страдания беженцев, учредил для них в июле общежитие и столовую. Для этого сняли и обставили дом, устроили общую кухню. В результате оказавшиеся на чужбине люди стали обеспечиваться "лучше и значительно дешевле, чем это удавалось делать простым денежным вспомоществованием"²¹ Заправлял всеми делами этой, как ее называли, "эмигрантской казармы" сам Виллих. Вскоре "наилучшее распределение" показало свою обратную сторону. Когда, по давнему образному выражению Энгельса, "коммунизм ложки"²² из области отвлеченных споров о грядущем перешел в каждодневную практику, стал

принципом житейского распорядка, а Виллих, этот "приверженец казармы", получил реальную возможность проявлять свою верность аскетически-спартанской суровости и грубому поравнению, напряженность в лондонском округе Союза коммунистов вовсе не пошла на убыль.

1 июля 1850 г. в Лондон из Германии, где он отбывал тюремный срок, приехал Карл Шаппер, один из виднейших и заслуженных деятелей Союза коммунистов. Поскольку принципиальные споры велись по преимуществу относительно характера грядущей революции, страстное революционное нетерпение Шаппера оказало ему дурную услугу – он встал на сторону Виллиха. Это явилось неожиданностью и весьма огорчило Маркса²³ Виллих, получив столь значительную поддержку, не жалел усилий, чтобы добиться персвеса в лондонской организации и увеличить число своих приверженцев. Окончательный раскол, как известно, произошел 15 сентября 1850 г. Сохранилась протокольная запись бурного заседания Центрального комитета. Маркс счел нужным заявить, что в ходе августовской дискуссии о позиции немецкого пролетариата в предстоящей революции Виллих и Шаппер высказывали взгляды, прямо противоречащие "Манифесту Коммунистической партии"

"На место универсальных воззрений Манифеста, – подчеркнул Маркс, – ставится немецкое национальное воззрение, льстящее национальному чувству немецких ремесленников. Вместо материалистического воззрения Манифеста выдвигается идеалистическое. Вместо действительных отношений главным в революции изображается воля"²⁴

Волюнтаризм, напомним, не считающийся с реальными условиями, как проявление идеалистического взгляда на развитие общества был свойственен и авантюристически-честолюбивым прожектам Виллиха, и слепому энтузиазму Шаппера, готового на любые жертвы. Стоит-де проявить необходимую волю и не побояться насилия, как

пролетариат завоюет власть и обеспечит с помощью гильотины введение коммунизма.

Столкновение приобрело очень резкие формы. Играя на революционном инстинкте малообразованных и бедствующих людей, а в Лондоне большинство рядовых членов Союза коммунистов, немецких ремесленников-эмигрантов, состояло именно из них, Виллих и Шаппер повели атаку на основы "Манифеста" Революционеру прежде всего нужна воля, а не научная теория. Союз коммунистов обойдется и без "писательских элементов" В итоге был образован "Зондербунд", и раскольники объявили об исключении Маркса и Энгельса из Союза коммунистов. Кёльнский Центральный комитет, как известно, аннулировал это решение и исключил самих раскольников²⁵

Хорошо, в центре столкновений – вопрос об авантюристической тактике, о волюнтаризме, о нежелании считаться с законами истории, о недооценке роли теории. Но причем тут пролетарский аскетизм?

Ведь на заседании 15 сентября о нем ничего не говорилось. Да, но говорилось раньше, вероятно, во время августовских дискуссий и задолго до них. Приверженцы Виллиха-Шаппера называли создателей "Манифеста" реакционерами и высказывали недовольство "Манифестом" – по крайней мере, какими-то из его положений. Но какими?

Ответ на этот вопрос упирается в чисто текстологическую проблему, которая не освещена еще с достаточной полнотой. Речь идет об оценке "Обращения кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов 1 декабря 1850 г." – в какой степени его составители были осведомлены о событиях в Лондоне, насколько надежны были источники, послужившие фактической основой их "Обращения"? Кёльнцы, на наш взгляд, были очень хорошо осведомлены о причинах раскола, о сути принципиальных разногласий, поэтому та часть "Обращения", по крайней мере, которая непосредственно касается рассматриваемой темы заслуживает полного доверия.

Члены группы Виллиха-Шаппера, говорилось в "Обращении" – "пытались обосновать исключение большинства Центрального комитета, а также обвинения, предъявлявшиеся отдельным лицам, общим принципам, что Союз-де исключил всех литераторов, что он-де является исключительно объединением ремесленников и фабричных рабочих, которые при достаточной целеустремленности сумеют в грядущей революции тотчас же прийти к власти и осуществить коммунистическое преобразование общества. Этим самым утверждалось, что пролетарская партия вернулась к прежней точке зрения всеобщего аскетизма²⁶ и грубой уравнительности (см. "Манифест", глава III, раздел 3) "²⁷

Там Маркс и Энгельс сурово отозвались о той революционной литературе (сочинения Бабёфа и т.д.), которая сопровождала первые движения пролетариата и по своему содержанию неизбежно является реакционной: "Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность"²⁸

Проповедь всеобщего аскетизма и грубой уравнительности, – продолжим прерванную отточием цитату из "Обращения", – "была оправдана в самом начале пролетарского движения, так как тогда шла речь еще о том, чтобы противопоставить различным политическим и экономическим доктринам буржуазного общества общий принцип пролетарской классовой борьбы. Эта отрицательная позиция в настоящее время уже не направлена больше против какой-нибудь разновидности буржуазного социализма; теперь она сводится к осуждению авторов партийного манифеста 1848 г. и первого Обращения сего года"²⁹, в которых подробно излагается политика партии, а тем самым она осуждает и сам "Манифест", и политику партии"³⁰

Ясно, что если призывы к аскетизму и уравнительности противопоставлялись буржуазному социализму, то и соответствующий отрывок из "Манифеста" воспринимался современниками не как исторический экскурс в глубь веков! Однако подчеркнем сейчас главное для нашей темы: в

идейных разногласиях, завершившихся расколом, среди прочего весьма остро стоял и вопрос о пролетарском аскетизме.

Виллих был не просто человеком с непомерными амбициями, "сильной личностью", которой уготовано свыше повести за собой массы и вооруженной рукой насадить коммунизм. Он в определенном смысле был воплощением многих идей и чаяний, характерных для начального этапа рабочего движения, — причудливой смеси из заговорщицкой деятельности, грубоуравнительных стремлений, религиозных поисков, призывов к самопожертвованию и аскетически-строгой жизни.

Сам Виллих, "заговорщик по профессии" с диктаторскими замашками, прошел нелегкий путь. Прусский артиллерийский офицер, он в силу убеждений покинул службу. Решив "опроститься", занялся столярным ремеслом. Выбор его позже объясняли евангельскими реминисценциями: будущему мессии никакой иной промысел лучше не подходил. Человек он был верующий, участвовал в движении "Друзья света", находившемся в оппозиции к официальной протестантской церкви. Во время баденско-пфальцского восстания 1849 г. командовал отрядом волонтеров, Энгельс был его адъютантом. После поражения революции эмигрировал в Лондон, где пользовался популярностью у значительной части тамошних членов Союза коммунистов. Он отличался архиревolutionным фразёрством и слыл аскетом. Позже, когда раскол уже совершился, Маркс писал о присутствии Виллиху показном аскетизме и спартанской строгости³¹. Он, отмечал Вейдесмайер, не поднимался выше казарменного коммунизма³², характерными чертами которого были призывы к грубой уравнительности и всеобщему аскетизму.

Вопреки распространенному мнению, само понятие "казарменный коммунизм" существовало задолго до учреждения в Лондоне Виллиховой "казармы". Его творцов совсем не обязательно искать среди отставных военных или проповедников аскетической уравниловки. Проектиры, мечтавшие во имя высшей справедливости делить по-

ровну "наслаждения" способствовали расцвету казарменного коммунизма не меньше, чем апостолы аскезы. "Фабрикаторов систем", сколь бы различными они ни были, объединяет всепроникающее стремление к регламентации, к раз и навсегда установленному распорядку, объединяет убежденность, что они осыпали человечество наилучшим социальным проектом.

Говоря о казарменном коммунизме Виллиха, Вейдмейер отметил его поразительное сходство с Вейтлингом в очень многих пунктах. Но, к сожалению, не уточнил, что имел в виду Вейтлинг тоже придерживался аскетических взглядов?

Обратим внимание на любопытнейшую подробность, которая, как кажется, осталась мало известной. Книгу Циммермана Вейтлинг прочел, видимо, раньше, чем Энгельс. Она пробудила у него огромный интерес, так как давала прекрасный материал для его исторических спекуляций. Но, характерная деталь, Вейтлинг, придавая исключительное значение анабаптистам (они-де вызвали Великую крестьянскую войну), ссылается на их пример, дабы доказать, что в "христианской республике никто не должен принимать политической власти". Свое "Евангелие бедного грешника" Вейтлинг напечатал в 1844 г., уже познакоившись с сочинением Циммермана. Оттуда он и черпал свои сведения об анабаптистах, которые "не принимали начальственных должностей, они не клялись, не делались купцами, хозяевами, солдатами и об Иисусе верили, что он не сын Божий, а самый святой из всех святых.

Другой их принцип был следующий: никакой христиан не может с чистой совестью владеть какой бы то ни было собственностью. Наоборот, все, что есть у отдельных лиц, должно быть отдаваемо в общую собственность"

И далее Вейтлинг дает весьма высокую оценку труду Циммермана: "Эти анабаптисты, вызывавшие во времена реформации Великую крестьянскую войну, пресвосходно описанную у д-ра Циммермана, были преследуемы так же,

как и их принципы, которые вызывали в народе подозрительность к ним. Их еще до сих пор всюду называют прямыми головами. Только Циммерман снял с их истории завесу и вместо ужаса, который вызывали тогдашние участники движения, появилось уважение к ним, а блеск некоторых прославленных реформаторов, вроде Лютера, потускнел от смелых разоблачений истины, извлеченной из старых документов"³³

Стоит отметить одно важное обстоятельство. Циммерману вопреки Вейтлинг и словом не упоминает об аскетизме анабаптистов. Это может показаться удивительным, поскольку Вейтлинга нередко причисляют к проповедникам грубоуравнительного, даже казарменного коммунизма³⁴ видя в нем прежде всего призыв к "всеобщему аскетизму и грубой уравнительности" Действительно, многие вейтлингианцы исповедовали самый "грубый" коммунизм. Но изображать Вейтлинга аскетом, по меньшей мере, неправильно. Человек, нашедший у Фурье столь любезные его сердцу мысли о "притяжении по страсти" и о стимулирующей роли удовольствий, не помышлял об аскетизме. Достаточно сказать, что в общности имуществ он видел наипервейшую гарантию справедливого распределения наслаждений. Вспомним, к примеру, что Вейтлинг изображал Христа так: "Он был просто полным жизни светский человек"³⁵, который на своем тернистом пути срывал столько цветов удовольствия сеп краткой жизни, сколько ему позволяли обстоятельства, без ущерба для его главной жизненной цели" И заканчивал он сии отрывок стихотворным изречением, которое то выдавал за народную песню, то приписывали Лютеру "Кто не любит вина, женщин и песен, тот всю жизнь останется дураком"³⁶

Но именно такого рода жизнелюбие не делало коммунизм Вейтлинга менее грубым. Ему были присущи казарменные черты, и когда члены Союза справедливых еще в 1845 г вели в Лондоне дискуссии о различных коммунистических системах, они сами относили Вейтлинговы воззрения к разновидности "казарменного коммунизма", ибо

сутью его считали принудительную регламентацию, которая мыслилась как осуществление равенства, но весьма ущемляла возможности свободного развития личности³⁷

Не надо думать, что призывы к грубой уравнилительности находили отклик среди его "правоверных", по выражению Маркса³⁸, лишь непосредственно перед расколом. Еще в начале апреля, т.е. до учреждения "казармы" беженцев, Себастиан Зейлер, один из руководителей Союза коммунистов, жаловался Марксу на возмутительное поведение Лемана, единомышленника Виллиха: "В конце концов нам придется надеть блузу и жрать Виллиховы луковицы, чтобы не слыть эксплуататорами. Все это настраивает меня весьма мрачно..."³⁹

Желание обрядить всех в блузы, – а это считалось тогда обычной одеждой пролетария, – и кормить "Виллиховыми луковицами" было показателем грубоуравнилительных устремлений, которые выражались не только в аскетическом упрощении быта и сведении потребностей до минимума, но и в открытой неприязни к "образованным" в собственных рядах.

То, что вызывало тревогу Маркса шесть лет назад⁴⁰, и, казалось бы, было позже преодолено ценою многих усилий, когда Союз коммунистов принял в качестве своей программы "Манифест Коммунистической партии", – грубо уравнилительные тенденции и жажда нивелирования вдруг проявились с новой силой. Стремление к поголовному поравнению, дремавшее в душах бедствующих и малообразованных мастеровых, опять дало о себе знать. Призывы к самоотверженности, к пролетарскому аскетизму, как и рассуждения о всеокрушающей воле народа – ему-де стоит лишь захотеть ввести коммунизм, и он восторжествует – стали стержнем революционного фразерства Виллиха и его приверженцев. Они спекулировали на вере масс в очистительную силу революции и их готовности на самоотречение ради высокой цели. Но они совершенно не считались с реальной исторической обстановкой.

Всплеск отживших свой век настроений, разжигаемых Виллихом, – идеалистических, волюнтаристских, грубо-уравнительных, в том числе и аскетических – со всей своей очевидностью выявил необходимость решительно противопоставить им более реалистичные взгляды. Это Маркс и Энгельс сделали, раскритиковав на страницах "Обозрения" и "заговорщиков по профессии", и пренебрежение законами истории. На примере Томаса Мюнцера было показано, как связан "вождь крайней партии", оказавшийся у власти, если условия еще не созрели для торжества представляемого им класса.

Что же касается вставки о плебейско-пролетарском аскетизме, то надо было подчеркнуть: время его безвозвратно прошло. Энгельс настойчиво защищал принцип историзма: аскетические настроения оправданы на ранних этапах движения, когда они помогают пробудить революционную активность масс, но они, несмотря на свою живучесть, становятся недопустимым анахронизмом, когда выдвигаются на передний план в эпоху крупной промышленности и растущей сознательности пролетариата, способного уже постичь основы преобразующей мир научной теории.

Так в "Крестьянской войне" в рассказе о движении Ганса Бёхайма, появилось пространное отступление о плебейско-пролетарском аскетизме.

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 377–380.

² Основные работы см. в полной журнальной публикации.

³ См.: Союз коммунистов – предшественник I Интернационала. М., 1964. С. 299–300; Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien Bd. 1–3. Berlin. 1970–1984; Bd. 2. S. 318–319.

⁴ После воссоединения Германии некоторые темы, традиционные для историков ГДР, утратили свою актуальность. Напис недавнее обращение к образцово функционирующей библиографической службе Международного института социальной истории подтвердило: никаких

- новых статей о Гансе Бёхайме за последние годы там не зафиксировано.
- ⁵ См.: Штекли А.Э. "Крестьянская война в Германии" Энгельса и изучение утопического коммунизма. // История социалистических учений. М., 1984. С.3–18.
 - ⁶ Поскольку не сохранилось ни рукописи Энгельса, ни корректур, говорить о "вставке" можно только условно. Не исключено, что это отступление находилось и в первоначальном наброске.
 - ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.7. С.377.
 - ⁸ Там же. С.377–378.
 - ⁹ Там же. С.378.
 - ¹⁰ Там же.
 - ¹¹ См. Вильгельм Циммерман о движении Ганса Бёхайма. Введение и перевод с немецкого А.Э. Штекли. // История социалистических учений. 1986. М., 1986. С.282–284. Отметим еще раз допущенное там недоразумение: говорить надо не о сокращенном русском переводе соответствующей части книги Циммермана, а о сокращениях, сделанных во 2-м издании самим автором.
 - ¹² Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Berlin. 1977. Erste Abteilung. Bd.10. (Далее: MEGA. 1/10)
 - ¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.16. С.412.
 - ¹⁴ Там же. Т.7. С.ХІ–ХІІ.
 - ¹⁵ Там же. Т.7. С.607.
 - ¹⁶ MEGA. 1/10. S.962.
 - ¹⁷ Ibidem.
 - ¹⁸ Der Bund der Kommunisten. Bd.2. S.451; см. также: Союз коммунистов – предшественник I Интернационала. С.317
 - ¹⁹ Zimmermann W. Allgemeine Geschichte des großen Bauernkrieges. Erster Theil. Stuttgart. 1841. S.121.
 - ²⁰ Der Bund der Kommunisten. Bd.2. S.451
 - ²¹ Ibid. S.238.
 - ²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.27. С.65.
 - ²³ Der Bund der Kommunisten. Bd.2. S.451.
 - ²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8. С.582.
 - ²⁵ Der Bund der Kommunisten. Bd.2. S.323–331, 718–723.
 - ²⁶ В русском переводе ссылка на "Манифест" несколько сдвинута. Ср.: Der Bund der Kommunisten. Bd.2. S.324.
 - ²⁷ Союз коммунистов – предшественник I Интернационала. С.339–340.
 - ²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.455.
 - ²⁹ Имеется в виду мартовское "Обращение ЦК" Здесь в переводе мы сделали небольшую поправку.
 - ³⁰ Союз коммунистов – предшественник I Интернационала. С.339–340.
 - ³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8. С.326, 336–340

- ³² См.: Союз коммунистов – предшественник I Интернационала. С.333–334. Также см. Штекли А.Э. Равенство и свобода: К изучению понятия "казарменный коммунизм" // История социалистических учений. 1989. М., 1989. С.3–34.
- ³³ Вейтлинг В. Евангелие бедного грешника. Лейпциг, СПб. 1907 С.60–61.
- ³⁴ См., например: Арзамасцев А.М. Казарменный "коммунизм". Критический очерк. М., 1974. С 21.
- ³⁵ Перевод нуждается в уточнении: не "светский", а "мирской", "земной"
- ³⁶ Вейтлинг В. Указ. соч. С.76.
- ³⁷ Der Bund der Kommunisten. Bd.1. S.234–236.
- ³⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.9. С.516.
- ³⁹ Der Bund der Kommunisten. Bd.2. S.159.
- ⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42. С.114.

Место восстания комунерос в истории Испании

В начале XVI столетия в Испании произошло антиправительственное восстание объединенных городских общин Кастилии (Comunidades de Castilla), оставившее глубокий след в ее судьбе и народной памяти. Оно вошло в историю также как движение (восстание) комунерос (movimiento Comuneros), как гражданская война (La Guerra civil), а в современной историографии квалифицировано как первая революция раннего Нового времени (La primera Revolución moderna)¹ Попробуем дать краткую хронику событий 1520–1521 гг. и того, что им непосредственно предшествовало.

Во второй половине XV в. Кастилия была самой густонаселенной частью Испании (в ней был сосредоточен 71% всего населения полуострова²), самой динамичной и процветающей в «двойной» монархии³. Она как бы делилась на три главные зоны, в которых концентрировались национальные богатства: север – вокруг Бильбао и Бургоса; центр – Вальядолид и Толедо – «сердце» полуострова, юг – вокруг Севильи. Характерную черту ее экономики составляла возрастающая активность городской жизни. Города, в юрисдикцию которых входила городская округа, населенная земледельцами, ремесленниками, торговцами, мелким дворянством, обладали достаточной долей самостоятельности и политической автономии⁴. Католические короли – Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский – умело сохраняли равновесие в государстве, поддерживая города и создавая условия для возникновения и процветания в них «средних» слоев (или среднего класса, если пользоваться понятиями, выработанными в современной социологии). Опираясь на них и используя их поддержку,

им удавалось обуздывать своеволие высшей знати – как светской, так и духовной – и создать ей эффективный противовес⁵. Соблюдение традиционных свобод и вольностей, которые вели свое происхождение от Реконкисты и юридически были оформлены в фуэроссах, привело к существенному укреплению муниципального строя. Католические короли поощряли возникновение и деятельность союза городов (так называемых германдады) в Кастилии, Леоне, Андалусии, Мурсии и Галисии, которые принимали самое активное участие в завоеваниях Реконкисты, а после ее завершения приступили к формированию муниципальной милиции (от каждого ста жителей выделялся конный воин) для ограничения всевластия сеньоров⁶.

Движение комунерос развивалось вокруг двух основных очагов – Толедо и Вальядолида. Этот район в начале XVI в. испытывал экономические трудности, так как страдал от конкуренции с городами, расположенными на периферии (в географическом смысле слова), в первую очередь, с Бургосом. В них действовали крупные экспортеры шерсти (как испанцы, так и иностранцы, преимущественно фламандцы), связанные с объединением овцеводов (Местой).

После смерти короля Фердинанда дочь его и Изабеллы Кастильской – Хуана – согласно завещанию была признана законной наследницей короны Кастилии и Арагона. Но поскольку психическое заболевание, которым она страдала (отсюда ее имя – Хуана Безумная) не позволяло ей в полной мере осуществлять функции главы государства, соправителем (или регентом) должен был стать старший сын ее и Филиппа Красивого – Карл. 14 марта 1516 г. внук католических королей – Изабеллы и Фердинанда – Карл, выросший и получивший образование и воспитание в Нидерландах, был провозглашен в Брюсселе королем Кастилии и Арагона. Перспектива видеть на троне слишком молодого и неопытного человека, находившегося под сильным влиянием фламандского окружения, чуждого интересам страны, не чувствовавшего ее специфики и со-

вершинно не знавшего испанского языка, была негативно воспринята во всех слоях испанского общества. Прежде всего его кандидатура никак не входила в расчеты кастильской знати, которая боялась потерять свои привилегии. К тому же Карл утвердил правителем государства до своего прибытия такого последовательного сторонника идей абсолютной монархии, каким был Хименес де Сиснерос, обнаружив тем самым направление своей будущей политики. Аристократия опасалась также, что фламандское окружение Карла сумет оттеснить ее и занять наиболее выгодные должности при дворе, что иностранцы выдвигаются в руководство кортесов и что их появление в стране вызовет новое перераспределение земельной собственности. Города нуждались в протекционизме королевской власти, в осуществлении чего они не были уверены. Их преследовал страх, что в их противостоянии с грандами⁷ королевская власть в конечном счете будет на стороне последних. Крестьяне с тревогой ждали еще большего увеличения налогового бремени, роста различных поборов и платежей и усиления сеньориального режима, в том числе за счет того, что земли королевского домена разными путями (по большей части незаконными) попадают в руки феодальных владельцев. Страну, в первую очередь города, объединяла идея общности национальных задач и интересов. Ее известный современный историк Дж.А.Маравалл назвал «протонациональным» чувством, которое столь искусно сумели пробудить и поддерживать католические короли⁸. Все сословия испытывали неприязнь и недоверие к королю, не имевшему глубоких корней в стране (еще до событий 1520–1521 гг. на кортесах было принято решение, что государство может возглавлять только человек, родившийся и выросший в Испании). Поэтому весть о скором появлении Карла вызвала сильное возбуждение на полуострове. В сентябре 1517 г. король прибыл в Испанию и 18 ноября ему была устроена пышная встреча в Вальядолиде. Празднества продолжались четыре месяца. Однако брожение в стране и в самом городе не утихало,

поскольку уже первые месяцы правления показали, что Карл не считает нужным соблюдать старинные права и вольности Кастилии, обретенные в процессе Реконкисты.

В феврале 1518 г. на кортесах в Вальядолиде после бурных дебатов и подавления сопротивления части депутатов Карл получил все, к чему стремился: признание его как суверена (хотя кортесы подтвердили, что права королевы-матери превосходят права сына), важные и довольно щедрые субсидии в обмен на пустые формальные обещания. Кортесы требовали не повышать цены, не увеличивать налоги, запретить вывоз валюты за пределы страны, сохранить все места в королевской администрации, в кортесах и церковной иерархии за испанцами. Отношения между королем и нацией были выражены в понятиях, близких к тем, которые впоследствии сформулировали участники восстания комунерос: король должен служить нации, он не должен быть выше закона и общества, пределы власти короля определяются соглашением между ним и его народом. Депутаты не строили никаких иллюзий в отношении намерений Карла I, но они полагали, что обязаны таким образом выразить всеобщее недовольство. Негативная реакция некоторых оппозиционных групп (особенно в городах) после закрытия кортесов была столь велика, что можно говорить, что кортесы 1518 г. подготовили почву для революции комунерос.

Вскоре Карл I покидает Вальядолид и направляется в Арагон, где после длительной дискуссии он получает признание своих притязаний на престол Арагона, но (так же как и в Кастилии) только совместно с матерью, и ему предоставляется субсидия, однако гораздо меньшая, чем в Кастилии. Несколько позже он был, хотя и с большим трудом, признан и графом Барселонским.

Смерть императора Максимилиана 12 января 1519 г. сделала реальным избрание короля Карла I императором – Карлом V – что и состоялось 28 июня 1519 г. Этому событию предшествовали закулисные интриги и подкупы, требовавшие огромных денежных вливаний, львиная доля

которых была получена из Кастилии. Из того же источника Карл решил покрыть и расходы, связанные с предстоящей церемонией торжественной коронации императорской короной.

19 октября 1519 г. жители г. Толедо рассылают письма сначала в г. Хаен, а потом в Мадрид, Мурсию, Кордову, Сорию, Гранаду, Сеговию, Севилью, Куэнку с осуждением некоторых решений кортесов, в первую очередь относящихся к повышению цен и налогообложению. Вскоре они получили ответы, в которых выражалось согласие с отрицательной оценкой действий властей (г. Бургос отказался присоединиться к протесту, что с удовлетворением было воспринято Карлом V).

В марте 1520 г. были созваны кортесы в Сантьяго, на которые представители Толедо и Саламанки не получили приглашения. В Саламанке группа горожан составляет конкретную программу возврата к прежним формам взаимодействия городских общин с государством, которую историки движения склонны рассматривать как основу будущей программы восставших комунерос. Делегация Толедо пыталась встретиться с императором Карлом V, чтобы обсудить с ним проблемы государства, но они не были к нему допущены. В апреле кортесы возобновляют работу в Корунье, где депутаты семи городов, несмотря на разного рода давление, отказываются вотировать новые налоги и платежи. Решение императора назначить на время своего отсутствия кардинала Адриана Утрехтского (будущего папы Римского) правителем страны вызвало резкий протест депутатов Мурсии, Вальядолида, Кордовы и Леона. Эта акция Карла была грубым нарушением обещания, данного им кортесам — что регентом должен стать истинный испанец. Волнения в стране продолжают нарастать. 30 мая в Сеговии разъяренная толпа убивает на площади депутата кортесов, который выразил согласие с решением повысить налоги. Коррехидор, его помощники, полицейские власти города были изгнаны, а освободившиеся места заняли представители восставших горожан.

Некоторые историки именно этот момент считают началом революции камунерос⁹. Во многих местах прекращается сбор денег для субсидий королю, народ захватывает городские крепости и нападает на дома новой городской олигархии, а также на слишком сговорчивых депутатов кортесов, называя их предателями, происходит смещение королевской администрации. Королевский двор неоднократно опровергает содержание распространяемых анонимных памфлетов о чрезвычайных налогах, которые якобы одобрены королем. В мае 1520 г в Толедо происходит новый взрыв негодования, сго корресхидор вынужден покинуть город, вся королевская администрация смещена и заменена выборной. Наиболее активной силой восстания, охватившего города, были ремесленники, рабочие различных профессий, мелкие собственники. Но вождями оказались представители городской верхушки. Среди наиболее популярных руководителей особенно выделялся Хуан де Падилья.

На этой волне недовольства Толедо обращается к другим городам с предложением срочно создать Хунту – союз городов, имеющих право участвовать в кортесах. 30 июля 1520 г в г. Авиле представители Толедо, Сеговии, Саламанки, Торро и Саморы (последняя, однако, под давлением г. Бургоса вскоре отзывает своего делегата) создают Хунту – союз восставших городов, способную заменить правительство ненавистного регента. Таким образом с определенностью оформились два противостоящих лагеря: города, с одной стороны и королевская власть, с другой. Среди делегатов городов в Хунте были как выходцы из средних слоев, так и представители городской олигархии и религиозных кругов. Поскольку Толедо был инициатором создания Хунты, ее главой был избран знатный житель города – радикально настроенный Лассо де ла Вега, а командующим войском стал Хуан де Падилья.

⁹ То, что официально называлось *Junta general*, но ее также стали называть *Estado general* и *Junta de Varas*. Это выражение появилось в начале восстания. Оно появилось 11 сентября 1520 г.

Регент решил ответить на выступление городов жестокой расправой, начав ее с Сеговии. Ее жители обратились с воззванием о помощи к другим городам Кастилии. При содействии сил, посланных Хунтой из г. Авила, городская милиция изгнала королевские войска. Кардинал Адриан, престижу которого тем самым был нанесен страшный удар, отдал приказ Фонсеке, командующему королевскими войсками, войти в город Медина дель Кампо и захватить размещенную там артиллерию королевской армии^{..}, а также перекрыть путь отрядам Хунты во главе с Падильей, которые вышли из Толедо, чтобы придти на выручку Сеговии (положение восставшего города, несмотря на временный успех, оставалось серьезным).

Медина долгое время была центром одной из самых важных ярмарок Кастилии, и Фонсека был вправе ожидать, что встретит там слабое сопротивление со стороны процветающего бюргерства. Однако городской совет Медины, поняв, что имеет дело с королевской гвардией, отказался отдать ей артиллерию в обмен на обещание пощадить город, и жители Медины решили сами организовать свою защиту. Они проявили храбрость и мужество и в конечном итоге одержали победу над войском Фонсеки, которое действовало с неслыханной жестокостью: горожане — ни старики, ни женщины, ни дети — не знали пощады. Многие из них погибли, а дома были разрушены. Шесть самых главных торговых улиц были сожжены, а францисканский монастырь, в котором торговцы из других городов хранили свои товары, превращен в руины. Отряды Падильи вошли в Медину, где им при общем ликовании горожан была передана артиллерия королевской армии. Руководство Хунты издало приказ об аресте членов королевского совета и секвестировании их имущества.

Под впечатлением от победы жителей Медины, а также от решительных действий Хунты, которая стала представ-

^{..} Это был очень большой арсенал артиллерийских орудий, который мог бы сыграть решающую роль при военном столкновении, что и произошло в битве у селения Виллалар (см. ниже).

лять реальную власть в стране, и другие города в Кастилии стали склоняться к тому, чтобы присоединиться к восставшим. Начиная с сентября-октября 1520 г. движение комунерос стало активно поддерживать сельское население, выдвинувшее антисеньориальные лозунги, которые придавали выступлению городов все более радикальный характер.

Армейские подразделения комунерос вошли в город Тордесильяс – резиденцию королевы Хуаны. С самого начала Хунта предполагала действовать в рамках лояльности по отношению к королю, но учитывая непопулярность фигуры Карла, она обратилась к королевс-матери Хуане. Руководители Хунты во главе с Падильей получили двухчасовую аудиенцию у королевы, которая в этот период полностью сохраняла здравость рассудка. Она отнеслась к ситуации с пониманием, выразила готовность выполнять функции главы государства, дала согласие на перевод руководителей Хунты в Тордесильяс, просила их быть на ее службе, доводить до нее сведения о всех событиях и пресекать всякие губительные для подданных действия.

Участие королевы на стороне Хунты придавало действиям ее руководителей в глазах народа легитимность. Маркиз де Денна, который по приказу Карла должен был следить за королевой, был изгнан из города.

В расширенном составе Хунта собралась в Тордесильясе. К Толедо, Сеговии, Саламанке и Торро присоединились Бургос, Сория, Авила, Вальядолид, Леон, Саморра, Куэнка, Гвадалахара и Мадрид. Представители 13 городов от имени королевы издают манифест с заявлением, что возлагают на себя всю ответственность по управлению государством. Среди его положений особое место занимали те, в которых проводилась мысль о том, что кортесы должны занимать в королевстве подобающее им место. Хунта категорически требовала отстранения от всех высших военных, гражданских и церковных должностей иностранцев во главе с кардиналом Адрианом Утрехтским, которые грабили и угнетали страну и которые были ис-

точником всех зол. Требовали также наказания всех виновных в разрушении Медины, отмены продажи должностей, аннулирования всех льгот, полученных за деньги, установления ответственности королевских советников. Манифест заканчивался просьбой о прощении за причиненные беспорядки и беспокойства. Таким образом Хунта стала олицетворять подлинную власть в стране. Повсюду в восставших городах произошла смена административного аппарата. Доходы теперь поступали в пользу комунерос. Государственная печать находилась в распоряжении Хунты. В ее обязанности входило решение продовольственной проблемы, организация торговли и т.д. Каждый город был обязан принимать постановления Хунты, которая ассоциировалась с государством, как закон. Ее руководители, считая, что они – представители нации, хотели превратить суверенитет короля в суверенитет государства, представленного кортесами¹⁰.

В свою очередь Карл I (23 октября он был коронован императорской короной и стал императором Карлом V) для укрепления правительства Кастилии назначает наряду с кардиналом Адрианом двух вице-королей из представителей испанской (а не фламандской) знати. Они начинают длительные переговоры с Хунтой, рассчитанные на выигрыш времени.

Отряды солдат, посланные Хунтой в Вальядолид – резиденцию королевского совета и регента – арестовывают несколько членов королевского совета. Остальным удалось скрыться. Кардинал Адриан в сопровождении пятидесяти приближенных тоже пытался бежать из Вальядолида, но был задержан. Руководство Хунты запрещает ему вмешиваться в дела управления государством. Однако через две недели кардинал осуществляет побег в Мединадель Риосеко, где нашли прибежище один из вице-королей и другие уцелевшие члены правительства регента. Еще до его прибытия они начали реформирование королевской армии и перестройку королевской администрации. Но самым существенным было следующее: кастильская аристо-

кратия поначалу или индифферентно относилась к происходящему, или даже использовала недовольство и борьбу низов, чтобы ограничить посягательства короля и его администрации на свои привилегии. Однако антисеньориальные выступления сентября–октября 1520 г. в сельской местности и в большинстве городов, объединенных Хунтой, убедили аристократию, что ситуация становится угрожающей для ее существования. Представители знати поняли, что защищая монархию, они защищают самих себя. Эта простая мысль привела в королевский лагерь членов многих аристократических кланов и армейские части, верные королю. Мобилизация всех антидемократических сил кардинально изменила ход событий в войне против комунерос. К тому же в этот момент подоспела существенная финансовая помощь от Португалии, от представителей высшей аристократии Кастилии и крупных коммерсантов. Этой поддержке королевская власть была обязана своим спасением. У руководства Хунты, напротив, все острее ощущалась нехватка средств, сказывались также тяжкие условия военного времени.

Среди восставших начались раздоры по поводу дальнейших действий. Королевская партия воспользовалась этим и окончательно склонила на свою сторону Бургос. Кардинал направил письмо в Вальядолид, уговаривая и этот город поддержать короля. Хунта составляет обращение ко всем округам страны с резкой критикой сеньориального режима. Но отсутствие единой и продуманной позиции у Хунты проявилось в том, что в ноябре по ее инициативе начались переговоры между ней и вице-королями, которые с некоторыми перерывами продолжались до начала битвы у местечке Виллалар. Подобная непоследовательность проистекала из разногласий среди восставших, значительно ослабивших позиции комунерос. Но и в этот критический момент у них были некоторые успехи, например переход Паленсии по решению ее генеральной ассамблеи на сторону восставших. В ноябре две армии разместились между Мединой де Риосеко и Торде-

сильясом. Все очевидное становилось, что гражданской войны не избежать. Кардинал Адриан настаивал на немедленных действиях с целью отвоевания Тордесильяса. Его окружение сомневалось в их целесообразности, оно было против решительного выступления из-за опасения спровоцировать более вольную антисиснориальную реакцию и ухудшить ситуацию. Но к общему удивлению 3 декабря по приказу Хирона (главы армии комунерос, пресмника Хуана де Падилья на этом посту) произошла персгруппировка его отряда, и южная дорога к Тордесильясу оказалась свободной.

5 декабря 1520 г. королевские войска, в число которых входили самые громкие имена испанской знати, без особых усилий захватывают Тордесильяс. Королева оказывается в их руках и в полной изоляции. Таким образом движение комунерос лишается очень важного фактора – легитимности. Даже победа комунерос в Паленсии не смогла смягчить тяжести этого удара. Тринадцать депутатов Хунты были заключены в тюрьму. Хунта была вынуждена теперь собраться в Вальядолиде 10 декабря (представители Толедо, Лсона, Мурсии, Саламанки, Торо, Сеговии, Куэнки, Авила, Саморы и Вальядолида и, чуть позже, Мадрида), где глава армии комунерос Хирон снимает с себя полномочия капитан-генерала (в знак протеста против слухов о его возможном предательстве, результатом которого стала потеря Тордесильяса).

Тем временем Карл V издаст в Вормсе эдикт, по которому более двухсот участников восстания комунерос заочно приговариваются к смертной казни. Возникают имеющие трагические последствия разногласия между руководством Хунты и войском комунерос и раздаются первые голоса возмущения грабсжами, совершасмыми в ряде поселений бойцами отрядов комунерос. Города Андалусии выражают свое неприятие действий комунерос. Еще

* Этот нелепый маневр дал основание будущим историкам считать его предателем. Однако некоторые серьезные исследователи выражают сомнения по этому поводу (см., например, J. Perez. Op. cit. P. 262-265).

раньше Галисия издает манифест в защиту прерогатив короля и против антифеодальных выступлений.

Король Португалии взял на себя миссию посредника в переговорах Хунты с вице-королями, но Вальядолид оставался непреклонным. Переговоры были практически прерваны. Комунерос Толедо под руководством Падильи в поддержку этой твердой позиции расширяют военные действия, и захватывают город Торрелобатон.

Парадокс этой гражданской войны заключался в том, что большие сражения были очень немногочисленны, и на протяжении всего времени противостояния не прекращались переговоры, как будто каждая из сторон была заинтересована в том, чтобы склонить противника к заключению мира на началах компромисса. С 31 марта по 13 апреля комиссия Хунты пытается установить контакты с вице-королями, находящимися в Тордесильясе в расчете на то, что они осознают сложность ситуации и пойдут на уступки. В ответ на это королевская сторона в последний раз предлагает Хунте безоговорочно сложить оружие. Тогда отряды комунерос выходят из Торрелоботона в направлении Торо, чтобы подождать подкрепления и перестроировать отряды, что оказалось фатальной ошибкой Падильи. Получив информацию об этой передислокации, отряды королевской армии бросились им вслед и настигли их у селения Виллалар, где 23 апреля 1521 г. произошло решающее сражение. Комунерос (их было в общей сложности 6 тысяч бойцов) были измотаны длительным переходом, дождем и плохим продовольственным снабжением. Им противостояли не столь многочисленные, но лучше обученные и лучше экипированные королевские войска с сильной конницей, которая буквально смела отряды повстанцев. Комунерос возлагали большие надежды на артиллерию, но она задержалась в пути и не подоспела вовремя. Армия комунерос терпит поражение. Ее вожди – Падилья, Хуан Браво и Франциско Мальдонадо – попали в плен и на следующий день трибунал во главе в кардиналом Адрианом приговорил их к смертной казни. Они бы-

ли обезглавлены, а их головы выставлены на всеобщее обозрение.

Большинство историков считают битву у Виллалар окончанием революции комунерос: исчезла и никогда не возрождалась главная политическая организация восставших – святая Хунта, были потеряны основные центры восстания – Вальядолид (от имени вице-королей он получил прощение), Паленсия – она была амнистирована, Севория. Однако оставался единственный город, Толедо, который в течение девяти месяцев продолжал сопротивляться. Королевские войска стягиваются к городу. Сначала его защиту возглавил епископ Саморы дон Антонио д'Акунья, активный сторонник самых радикальных действий и реформ, которого называли или «Лютером Саморы» или «испанским Лютером». С мая 1521 года во главе обороны города стала вдова Падильи донья Мария Пачеко, принадлежащая к знатному роду Мендоса и бывшая одной из самых образованных и одаренных женщин Испании. Ее имя стало легендарным, окруженным ореолом славы и мученичества. Обладая твердым характером и огромной силой воли, она установила авторитарный, почти диктаторский стиль правления, который был единственно возможным в условиях осады. С королевской стороны ей была предложена капитуляция, которую она отвергла вопреки мнению некоторых своих оппонентов, считавших, что сопротивление бесполезно. По ее убеждению, достойным условием возможной капитуляции могла быть только полная амнистия, на что не соглашалась противоположная сторона.

Защитники города несли огромные потери: по некоторым свидетельствам больше тысячи их или погибли, или попали в плен. Вице-короли предлагают лояльно настроенным по отношению к королевским властям жителям на три дня покинуть город, чтобы не смешиваться с «предателями», когда королевские войска войдут внутрь городских стен. Вновь предпринимаются попытки переговоров об условиях прислужной капитуляции города, кото-

рые заканчиваются провалом. 3 февраля 1522 г. донья Мария Пачеко в костюме простой крестьянки с сыном на руках тайно покидает город и переправляется в Португалию¹¹. Сопротивление города к этому моменту практически сведено на нет. Последний опорный пункт восстания комунерос был повержен.

Вернувшись в Испанию с многочисленным (четыре тысячи иностранных наемников) войском Карл V учинил жестокую расправу над наиболее активными участниками восстания комунерос — последовали казни, изгнания, конфискация имущества. Объявленная через три месяца амнистия не была всеобщей, так как исключала 293 человека, обреченных на казнь. Исторически сложившиеся вольности испанских городов перестали существовать.

Последствия революции комунерос были неоднозначными: с одной стороны, они послужили уроком для Карла V, показав, что может произойти, если образуется широкая коалиция, противоборствующая ему и его политике. С другой стороны, восстание стало поводом для того, чтобы обезвредить и разоружить те категории населения, которые могли бы составить оппозицию правящей династии.

Таковы в самом сжатом и схематичном изложении события, которые вопреки своей кратковременности уже не одно столетие продолжают вызывать оживленные дискуссии и неоднозначные оценки в испанской и мировой историографии*. Обратимся к некоторым из них.

Источниковедческая база для изучения движения комунерос обширна и разнообразна: правительственные и административные распоряжения, законодательные акты, документы администраций городов, а также лиц, участвовавших в движении, инструкции депутатам Хунты, протоколы заседаний генеральной Хунты, материалы судебных процессов, проводимых восставшими или против них, проскрипционные списки, бумаги Королевского со-

* По мнению некоторых историков, тема революции комунерос является чуть ли не самой изучаемой и дискутируемой в исторических кругах Испании.

вета, официальная переписка (особенно вице-королей), хроники или фрагменты хроник, воспоминания и письма современников и т.д. Эти пласты источников хранятся в Симанкском Архиве, в Национальной библиотеке в Мадриде, в Национальном историческом архиве, в Королевской Академии Истории, библиотеке Эскориала, а также в муниципальных архивах Саламанки, Сеговии, Вальядолида. Из опубликованных источников основными остаются шеститомная коллекция комментированных документов, изданных М.Данвиллой¹², а также собрание протоколов заседаний кортесов Кастилии.

Для хронистов XVI века, которые положили начало изучению движения комунерос, не было сомнения в том, что это – вооруженное восстание, направленное на ограничение при посредстве кортесов неумеренных притязаний королевской власти в лице молодого Карла и на соблюдение прав и свобод, обретенных городами и поселениями в предшествующую эпоху. Оно преследовало также цель реформировать налоговую систему и обеспечить справедливое распределение платежей. Вдохновляло его идея освобождения от угнетения со стороны чужеземцев, которая объединяла все сословия.

В XVII веке движение комунерос оценивалось в Испании как попытка социального и политического разрыва.

Представители романтического направления в историографии XIX века видели в участниках движения комунерос героев, истинных защитников интересов испанского народа, а либеральная историография рассматривала поражение под Виллалар как начало упадка Испании.

Во второй половине XIX века идеализация либеральной историографией движения комунерос сменилась новой трактовкой, суть которой сводилась к тому, что политика централизации Карла V была прогрессивной, а любые действия, направленные против нее, – реакционными. Эта группа историков, в первую очередь Данвила, видела в восстании комунерос последнее сражение агонизирующего режима и злобную оппозицию идеям абсолютизма

Карла V, сторонника сильной королевской власти Нового времени.

Новые документы, обнаруженные в результате интенсивных поисков в архивах и тщательное изучение опубликованных источников, уточнения, обнаруженные неточности и даже ошибки (это относится и к комментариям собрания документов, опубликованных Данвиллой, появление которых в свое время очень активизировало изучение движения комунерос) открыло новые возможности в разработке этой темы и заставило исследователей по-иному отнестись к оценке многих вопросов.

В мировой историографии политические и социальные движения и революции в Европе XVI–XVII веков в последние десятилетия XX столетия стали как бы опытным полем для различного рода теоретико-методологических построений в рамках так называемой новой компаративной истории¹³. Известный американский историк П. Загорин в своей монографии¹⁴, посвященной анализу западноевропейских революций XVI–XVII веков, квалифицирует восстание комунерос как одну из них. Сравнительно-историческое изучение социальных революций этого периода активизировало исследования данной темы и способствовало появлению ряда фундаментальных трудов, написанных с привлечением ранее неизвестных источников или новым прочтением уже бывших в поле зрения историков. В 1963 г. вышла книга известного испанского историка Хосе Антонио Маравала «Комунидады Кастилии», где он квалифицирует это движение как первую революцию раннего Нового времени. Это была борьба, вдохновляемая идеями всеобщего равенства возможностей, уничтожения знати и ниспровержения монархии. Это был удар по установившемуся порядку, направленный на то, чтобы победить и уменьшить с помощью оружия состояние грандов, а в процессе радикализации движения этот лозунг был превращен в призыв уничтожить всех грандов Кастилии как предателей и врагов королевства. В революции комунерос он увидел социальный протест: ка-

ждый не должен располагать большим, чем он может потрсить. Принципиальным в его оценке было и то, что восстание комунерос трактовалось как городское движение¹⁵

Наиболсе масштабной из этих работ нового направления можно считать труд французского историка Ж.Персеа¹⁶ Его главное достоинство в том, что он дает широкую панораму событий и в то же время скрупулезно прослеживает каждый поворот в событийной канве.

В 1973 г. вышел еще один фундаментальный труд испанского ученого Хуана Гутьерреса Ньето¹⁷ Основная заслуга автора состоит в том, что он раскрыл механизм превращения движения, которое поначалу преследовало в основном политические цели и охватывало города, в антисензоральную революцию, поднявшую селскую Кастилию.

Помимо общего осмысления революции комунерос появляются локальные исследования, посвященные отдельным провинциям и городам Испании¹⁸

Проблема, которая не получила в современной историографии однозначной интерпретации – степень участия религиозных и национальных меньшинств (сверсес, морисков, мудехаров). Также до сих пор активно обсуждается вопрос о роли обращенных иноверцев в формировании среднего класса городов, их места в городской иерархии и движении комунерос. Недостаточно разработанной проблемой остается и влияние реформаторской мысли (в частности, Эразма и Лютера) на движение комунерос – его развитие и идеологию¹⁹

Комунерос защищали права народа, опираясь на законы, зафиксированные в фуэрос. Это было настоящее осознанное социо-политическое движение, а не возвращение назад и не стихийные беспорядки без определенных предложений, программа, которая опережала время и которая предполагала установить конституционный порядок и демократические нормы. С этой точки зрения очевидна историческая значимость движения комунерос и то, что их поражение означало провал в политической и социальной эволюции Испании.

Примечания

- ¹ Так называли себя участники революционного движения, подчеркивая тем самым, что они действуют от имени народа и во имя народа (против короля и высшей аристократии). Мы предпочитаем сохранить испанское название – «комунерос», а не комунеры.
- ² Nadal J. *La población española (siglos XVI a XX)*. Barcelona, 1966. P.21.
- ³ Perez J. *La revolution des «Comunidades» de Castille*. L'Université de Bordeaux. 1970.
- ⁴ Benito Ruano E. *Toledo en el siglo XV*. Madrid. 1961.
- ⁵ Alba R. *Acerca de algunas particularidades de las Comunidades de Castilla tal vez relacionadas con el supuesto aracer terreno del Milenio Igualitario*. Madrid. 1975.
- ⁶ Perez J. *Op. cit.* P.451–454.
Термин «гранды» впервые появился на кортесах в 1391 г. Maravall J.A. *Las Comunidades de Castilla. Una primera revolución moderna*. Madrid. 1963. P.33.
- ⁸ *Cortes de los antiguos reinos de León y de Castilla publicadas por la real Academia de Historia*. Madrid, 1882. P.485.
- ⁹ Hahezer St. *The Comuneros of Castile. The Forging of a Revolution, 1475–1521*. University of Wisconsin Press, 1981. P.3.
- ¹⁰ Perez J. *Op. cit.* P.225
- ¹¹ Bonilla L. *Las Revoluciones españoles en el siglo XVI*. Madrid, 1975. P.179
- ¹² Danvila M. *Historia critica y documentada de las Comunidades de Castilla*. 6 vol // *Memorial Historical Español*. T.XXXV–XL. Madrid. 1897–1900.
- ¹³ Рещина Л.И. *Новая историческая наука и социальная история*. Москва. 1998. С. 119–152.
- ¹⁴ Zagorin P. *Rebels and Rulers 1500–1600*. Vol. 1–2. Cambridge. 1982.
- ¹⁵ Maraval. *Op. cit.* P.238–240, 242, 243.
- ¹⁶ Perez J. *Op. cit.*
- ¹⁷ Gutierrez Njeto J.I. *Las Comunidades como movimiento antisefioral*. Barcelona, 1973.
- ¹⁸ Bonilla L. *Op. cit.*; Fernandez Martin L. *El Movimiento Comunero el los Pueblos de Tierra de Campoa*. León. 1979.
- ¹⁹ Alba R. *Op. cit.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	3
<i>Л.Т.Мильская. Социальные конфликты в Западной Европе в раннее средневековье</i>	6
<i>О.Р.Боридин. Антивизантийское восстание в Равенне 710—711 гг.</i>	13
<i>Г.М.Тушина. Государственная власть графа и политическое поведение горожан в средневековом Провансе (по анкетам XIII в.)</i>	24
<i>Л.А.Котельникова. Крестьянские выступления в округе Флоренция в XIV в.</i>	34
<i>Н.И.Басовская. Освободительное движение во Франции и формирование национального самосознания (вторая половина XIV – первая половина XV в.)</i>	47
<i>А.А.Сванидзе. Требования шведских крестьян в восстании XV в.</i>	58
<i>Н.Г.Подольск. Борьба подмастерьев ганзейских городов против мастеров в XV–XVI вв.</i>	65
<i>Т.П.Гусарова. У истоков идеологии крестьянских крестовых походов в Венгрии во второй половине XV–XVI вв.</i>	71
<i>Л.С.Чиколини. Итальянские еретики XVI в. и свидетельство о них венецианского ремесленника</i>	89
<i>О.Ф.Кудрявцев. Тенденции народных движений к обобществлению имущества в восприятии гуманистов</i>	110

<i>О.В.Дмитриева. Огораживания и социальный протест английского крестьянства в конце XVI в.....</i>	116
<i>В.Р.Новоселов. Религиозные войны во Франции (1562–1598): военные перед лицом гражданской войны.....</i>	126
<i>Штекли А.Э. Ганс Бёхайм и споры о советской медиевистике.....</i>	146
<i>Пичугина И.С. Место восстания комунерос в истории Испании.....</i>	166

**ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
И НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ**

**Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН**

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

**Подписано в печать 23.04.2001
Гарнитура Таймс. Объем – 11,6 п.л.
Тираж 300 экз.**